

Часть I

ПЛЕХАНОВ—НАРОДНИК

Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВЗГЛЯДОВ

Георгий Валентинович Плеханов происходил из семьи потомственных дворян Тамбовской губернии. Он родился 11 декабря (29 ноября по старому стилю) 1856 г. в имении отца — д. Гудаловке¹ Бутырской волости Липецкого уезда Тамбовской губернии (ныне Грязинский район Липецкой области). На формировании его характера сказались влияние и отца и матери. От отца, Валентина Петровича, он перенял твердость, усидчивость и трудолюбие, от матери, Марии Федоровны (урожденной Бельнской) — женщины чрезвычайно чуткой, доброй и сострадательной к людям, он унаследовал живой интерес к простому народу и горячее желание помочь ему в его нуждах и бедах.

В юности на выработку его взглядов, вкусов и привычек оказал влияние брат Митрофан — третий сын Валентина Петровича от первого брака. Военная выправка, принципиальность, упорство в достижении цели и великодушие брата, в 26 лет окончившего академию Генерального штаба, всегда служили Георгию примером для подражания.

Следует сказать также о Софье Валентиновне, по мужу Вечесловой, — второй дочери Валентина Петровича от первого брака. Когда Плеханова, после провала первой типографии «Черного передела» в январе 1880 г., разыскивали на родине, квартира Софьи Валентиновны находилась под непосредственным наблюдением полиции, а она сама подозревалась в «неблагонадежности»².

В 1868—1873 гг. Плеханов учился в Воронежской военной гимназии. Учитель гимназии известный педагог Н. Ф. Бунаков привил ему любовь к русской литературе. Увлекался Георгий также эволюционной теорией Ч. Дарвина, что способствовало формированию атеистических взглядов.

В младших классах гимназии Плеханов прекрасно учился и получал награды. Но в старших классах увлечение чтением, а также тяга к естественным наукам заставляли его меньше внимания обращать на школьные предметы. Гимназию он окончил хотя и по первому разряду, дававшему право на поступление в военные училища без экзаменов, но только десятым по успеваемости выпускником. В детстве его прельщала мысль стать выдающимся полководцем и другом солдат. Но уже в гимназии его начал мучить вопрос, который был изложен им следующим образом: «Русский военный присягает служить царю и отечеству... Но как поступить военным в том случае, когда интересы царя расходятся с интересами отечества? Подобный случай не предусмотрен формулой присяги, но самый простой здравый смысл говорит, что когда он имеет место, честь обязывает представителей военного сословия идти против царя на защиту отечества»³. Ответ на поставленный здесь вопрос был дан им несколько позже, в ноябре 1873 г., когда он покинул Константиновское военное училище и вообще расстался с военной карьерой. К такому решению он был подготовлен всем ходом своего умственного развития за время пребывания в Воронежской военной гимназии.

В 1873 г. началось массовое «хождение в народ». Л. Г. Дейч отмечал, что непосредственной причиной разрыва Плеханова с военной карьерой стали многочисленные аресты, происходившие в то время. Принадлежа к «военному сословию», Плеханов сознавал, что не может выполнить того, что падает на долю армии.

К концу 1873 г. он — в Гудаловке, где усиленно готовится к вступительным экзаменам. Сначала он собирался поступать в Медико-хирургическую академию, но затем изменил свои планы и 22 августа 1874 г. подал прошение в Петербургский горный институт. Первый год пребывания в горном институте прошел в напряженной учебе, приносящей, по-видимому, удовлетворение молодому студенту. Он уверенно и легко сдавал переходные экзамены и «своими ответами нередко изумлял профессоров»⁴. По итогам учебного года ему была назначена Екатерининская стипендия.

С осени 1875 г. Плеханов начинает втягиваться в революционную работу. Хотя занятия в горном институте не были прекращены, Плеханов уделял им все меньше внимания. В весеннюю сессию 1876 г. он сдал не все экзамены, из-за чего не был переведен на III курс.

С конца 1875 г. можно проследить процесс формирования революционных взглядов Плеханова, приведший его на позиции бунтарства и бакунизма. Еще со школьной скамьи он находился под влиянием произведений Белинского, Чернышевского, Добролюбова и Некрасова. Увлекали его также идеи Писарева, что в известной мере сказалось на выборе профессии. В военной гимназии ему вначале больше нравилась литература, затем заинтересовали естественные науки, особенно теория Дарвина, наконец, в горном институте его любимым предметом стала химия. Помимо этого на первом году обучения в институте он пережил, по-видимому, некоторое увлечение нигилизмом, что нашло отражение в его «протестах против щегольства», о чем известно из воспоминаний его младшей сестры К. В. Плехановой. Глухое упоминание об этом периоде можно найти в его произведениях.

Для понимания его настроений было бы интересно знать, принимал ли Плеханов участие в студенческих волнениях 1874 и 1875 гг., охвативших ряд высших учебных заведений Петербурга, в том числе и горный институт? Если даже и нет, как полагают некоторые исследователи на основании характеристики, выданной из горного института в 1876 г., то и тогда нельзя сбрасывать со счетов их влияние на рост его революционных настроений.

2 ноября 1874 г., как сообщал В. М. Гаршин в письме к матери, состоялась сходка студентов в связи с исключением из института около десяти человек за неуплату денег за учебу. Они выработали ряд требований. Для успокоения студентов явился сам министр внутренних дел Валуев. 4 ноября сходка повторилась с более серьезными последствиями. Были закрыты второе отделение I курса, II и III курсы, исключено более 200 человек, выслано по этапу 180 человек⁵. Только 27 ноября возобновились занятия на опальных курсах. Гаршин писал матери, что обошлось благополучно, только десять человек исключены безвозвратно⁶.

Под бдительным наблюдением начальства студенты находились и в 1875 г. Так, в письме от 15 октября 1875 г. Гаршин пишет: «В институте новые порядки: дают правила и заставляют подписываться в исполнении их... 7 § правил гласит: «всякое корпоративное движение студентов безусловно воспрещено»⁷, а в письме от 16 сентября 1876 г. сообщает: «У нас в институте строгости. Наблюдают за посещением лекций и тому подобное»⁸. Впрочем, в это время Плеханов уже прекратил занятия в институте.

Оказало влияние на Плеханова, как отмечено выше, «хождение в народ», продолжавшееся и в 1874 г. Если вначале оно явилось для молодого юнкера важным звеном в цепи причин, заставивших порвать с военной карьерой, то постепенно его заинтересовала идейная сторона движения. В этой связи особый интерес представляет указание на то, что вначале по своим воззрениям он принадлежал к лавристам⁹. Действительно, изучение периода его жизни начиная с поступления в Константиновское военное училище и кончая осенью 1875 г. позволяет считать это утверждение не лишенным основания.

Известны слова Плеханова, обращенные к П. Л. Лаврову в 1881 г.: «С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях»¹⁰. Л. Г. Дейч объяснял эти слова влиянием «особенного настроения»¹¹, вызванного чувством признательности и благодарности П. Л. Лаврову за его заботу и участие во время пребывания Плеханова в Париже в 1880—1881 гг.

Напротив, Б. Н. Козьмин, хотя и с оговорками, считал, что Плеханов «был вполне искренен, когда писал это письмо», но связывал слова Плеханова со временем его «идейной близости к Лаврову»¹², т. е. с концом 1881 — началом 1882 г. Вопрос, однако, в том, к какому времени следует отнести начало пробуждения «критической мысли» Плеханова? Ясно, что его нельзя датировать 1881—1882 гг., как это делает Козьмин. В это время заканчивалась выработка марксистского мировоззрения Плеханова. Нельзя его приурочивать также к землевольческому периоду, и Козьмин пишет об этом, так как хорошо известно, что отношение Плеханова-землевольца к лавристам было резко отрицательным. Следовательно, влияние Лаврова (а точнее, его произведений) на Плеханова могло иметь место во время выбора революционного пути.

Некоторые авторы, писавшие позже, считали, что идеями М. Бакунина и П. Лаврова Плеханов увлекался одновременно¹³. Однако это противоречит тому, что нам известно о Плеханове. Есть основание считать, что наибольшее увлечение идеями Лаврова приходится у Плеханова на раннюю осень 1875 г., когда чтение «Исторических писем» было чуть ли не общим увлечением студентов горного института¹⁴. «Они имели почти такой же успех, как самые значительные сочинения

автора «Что делать?» — писал Плеханов об «Исторических письмах», — П. Л. Лавров приобрел огромную популярность. Наша передовая молодежь с удовольствием, не чуждым удивления, увидела в нем *революционера*. И когда, по прошествии нескольких лет, он, бежав из ссылки за границу, приступил к изданию периодического издания «*Вперед!*», у него между молодыми революционерами было немало верных друзей и горячих последователей» (т. 9, с. 6). Хотя нет достаточных оснований считать, что Плеханов когда-либо был убежденным лавристом, тем не менее в указанное время он ближе стоял к лавристам, нежели к бакунистам. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что такой путь прошли многие известные бунтари.

Для того чтобы примкнуть к стану лавристов, а тем более разделять их взгляды, можно было, не зная народа, заставить только социалистическими идеалами: бакунисту же требовалось хотя бы поверхностное знание крестьянства, его обычаев, верований и т. д. Бакунистами поэтому становились прежде всего практики, люди, побывавшие в народе; лавристами же — люди, воодушевленные идеей служения народу, прочитавшие социалистическую книгу, слышавшие пропагандистскую речь в кружке, и т. д. Если южан практика сделала бунтарями, то северяне пришли к тому же через «хождение в народ». Г. В. Плеханов, как известно, в «народ» не ходил и несмотря на то, что вырос в деревне, по его собственному признанию, крестьянства не знал¹⁵. Поэтому тем, кто знал тогда Плеханова, его первые выступления в студенческой среде, а до этого среди юнкеров и даже слушателей академии Генерального штаба, где учился его старший брат Митрофан, вполне могли дать основание считать его лавристом.

С осени 1875 г. Плеханов поселился на квартире «у добродушной чухонки», описанной им в воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении». В этой квартире (Кронверкский проспект, д. 67, кв. 8), по данным Е. Карпова, он проживал с ноября 1875 г.¹⁶, по данным Э. Корольчук, — с 20 января 1876 г. по 1 июня того же года¹⁷. В квартире, состоявшей, как пишет Дейч из трех комнат, кроме Плеханова вначале жили студенты Е. П. Карпов¹⁸, М. А. Гриценко¹⁹ и студентка-медичка Н. А. Смирнова, ставшая потом женой Плеханова. Затем вместо Карпова и Гриценко, по всей вероятности, с середины зимы в квартире поселился В. И. Успенский — студент-медик. Через Успенского, своего това-

рища по гимназии, с Плехановым в начале 1876 г. познакомился О. В. Аптекман.

С этого времени Плеханов становится участником многочисленных тогда студенческих сходок, на которых обсуждались волновавшие молодежь вопросы: о «знании и революции», «хождении в народ», пропаганде, агитации и т. п. (т. 1, с. 151). Определяются его взгляды: он не только симпатизирует бунтарям, но и сам становится бакунистом. Однако, по видимому, ко времени его знакомства с рабочим С. Митрофановым (конец 1875 г.) процесс становления не закончился полностью. На это наводит мысль о том, что, если бы сам Плеханов был убежденным бакунистом, Митрофанову незачем было бы энергично отстаивать бунтарство в первом же разговоре с ним (см. т. 3, с. 127). Но уже после известной сходки рабочих на его квартире 12 февраля 1876 г.²⁰, описывая впечатление, оставленное знакомством с рабочим Г. (А. Е. Городничий), тянувшимся к книге, Плеханов определенно указывает, что «был сильно проникнут тогда бунтарскими взглядами, а у бунтарей излишнее пристрастие к книге считалось недостатком» (т. 3, с. 131).

К осени и зиме этого года Дейч относит знакомство Плеханова с уцелевшими после разгрома 1874—1875 гг. революционерами. У Плеханова завязываются знакомства с кружком М. А. Натансона, в котором тогда были А. П. Боголюбов (А. С. Емельянов), А. А. Квятковский, М. Р. Попов, А. А. Хотинский, В. А. Осинский, А. Д. Михайлов и др., близко к кружку стояли известные на юге И. Ф. Фесенко и Дмитрий Лизогуб.

Существует две версии того, как и через кого познакомился Плеханов с кружком Натансона. В свое время П. Б. Аксельрод писал, что, остановившись как-то зимой 1875—1876 гг. на квартире, где жил Плеханов, он обратил внимание народников на студента горного института, увлекавшегося химией и желавшего усовершенствоваться в ней за границей. Аксельрод усиленно рекомендовал Плеханову заняться революционной деятельностью и представил кружку Натансона²¹. Независимо от Аксельрода такого же взгляда придерживался О. В. Аптекман, который по этому поводу писал: «Толкнул его на этот путь (сближения с народниками и петербургскими рабочими. — А. Б.) активно П. Б. Аксельрод, ночевавший у него во время пребывания его в Петербурге зимою 75—76 гг. Плеханов сам продиктовал мне следующую

характеристику Аксельрода: «Он поразил меня своею беззаветною преданностью революции»²².

Другой точки зрения придерживался Л. Г. Дейч. Ссылаясь на воспоминания самого Плеханова, он отмечал, что сближение с кружком Натансона произошло у Плеханова через рабочих и студентов, в частности, через студентов Медико-хирургической академии братьев Воскресенских и рабочего С. Митрофанова, с которым первые познакомили Плеханова²³.

По существу, разногласия сводились не к отрицанию фактов, действительно имевших место, а к различию в трактовке идейного развития юноши Плеханова. Первая точка зрения исходит из того, что влияние Аксельрода было решающим, явилось переворотом в судьбе Плеханова, вторая предполагает известную эволюцию его взглядов.

Нужно заметить, что Плеханов легко не отказывался от своих убеждений, даже если начинал замечать их несостоятельность. Влияние отдельных лиц могло иметь место в выборе революционного пути, но оно не было решающим. Каким бы ни считать воздействие Аксельрода, к тому времени уже известного и влиятельного среди молодежи бакуниста, Плеханов, как сказано выше, был уже подготовлен к восприятию взглядов «апостола анархии» самостоятельно. Тот факт, что Аксельрод попал на квартиру Плеханова, говорит о том, что натансоновцы вполне ему доверяли и его незачем было представлять Аксельроду.

В свою очередь Дейч подчеркивал большое влияние, оказанное на Плеханова Иваном Федоровичем Фесенко. Надо иметь в виду, что Аксельрод в то время производил впечатление на молодежь, с которой встречался, «не своим развитием, начитанностью, которые были у него довольно скромных размеров, а почти исключительно своей глубокой фанатической верой в близкое торжество добра, справедливости и т. п. добродетелей»²⁴. Фесенко же, наоборот, в отличие от многих бунтарей-бакунистов был довольно начитан, основательно ознакомился с «Капиталом» К. Маркса и даже, по словам Дейча, «непочтительно относился к авторитету Бакунина»²⁵. Его влияние на развитие Плеханова должно было быть большим, чем Аксельрода. Дейч писал: «Несомненно, что, главным образом, Фесенко, восторженно отзывавшийся мне и другим о дарованиях Плеханова, возбудил у него интерес к политической экономии вообще и к «Капиталу» Марк-

са, — в частности; он же привлек Георгия Валентиновича к занятиям с рабочими»²⁶.

Если уж говорить о влиянии отдельных представителей революционного народничества на Плеханова, то первым пропагандистом, о котором имеются сведения в литературе, как об оказавшем влияние на юношу Плеханова, был А. И. Прозоровский²⁷. По воспоминаниям сестры Плеханова Клавдии Валентиновны, их мать считала, что Прозоровский «познакомил» ее сына «с революционными идеями», когда тот по пути в Петербург осенью 1874 г. заехал к сестре в Тамбов. Здесь нужно отметить, что во второй половине июня того года Тамбов по пути в Саратов посетил Д. М. Рогачев, который оставил кружку тамбовской молодежи, группировавшейся вокруг Н. С. Никифорова, нелегальную литературу для народа, полученную им из типографии И. Н. Мышкина в Москве. К кружке Никифорова принадлежал и Прозоровский. Поэтому возможно, что знакомство с революционными идеями, о котором упоминала мать, заключалось в ознакомлении Плеханова с книжками для народа, полученными от Рогачева. Правда, О. В. Аптекман отрицал возможность такого влияния, но это может говорить о том, что ко времени знакомства Аптекмана с Прозоровским (конец 1876 — начало 1877 г.) последний начал отходить от революционного движения. Однако и после 1879 г. Прозоровский находился под наблюдением полиции и даже в начале 1880 г. был арестован.

Сходка рабочих на квартире Плеханова 12 февраля 1876 г. не осталась не замеченной III отделением. В марте Плеханов вместе с В. И. Успенским был первый раз арестован. В квартире, где он проживал, был произведен обыск. В справке III отделения, составленной по этому поводу, говорится, что «у них обоих был недавно обыск, взяты были под арест и после опроса освобождены. После того оба присмирели, и собрания у них прекратились»²⁸.

Рабочим пришлось перенести свои сходки в другое место — на Васильевский остров, а с наступлением тепла — и за город. С тех пор Плеханов не прекращал посещать их, приняв только меры предосторожности. В воспоминаниях С. К. Волкова, активного участника рабочего движения 70-х гг., говорится, в частности, о большой сходке рабочих, состоявшейся на острове Финского залива, где он впервые познакомился с Плехановым²⁹.

Таким образом, конец 1875 и начало 1876 г. были переломными в судьбе Плеханова. Он начинает принимать ак-

тивное участие в революционном движении и прежде всего включается в пропаганду среди петербургских рабочих. Позже он вспоминал: «Видя, как заинтересовало меня «рабочее дело», бунтари приняли меня в свой кружок, так что «занятия с рабочими» стали с тех пор моей революционной обязанностью» (т. 3, с. 132).

В числе первых рабочих, с которыми занимался Плеханов, был известный П. А. Моисеенко, один из организаторов Морозовской стачки 1885 г., впоследствии большевик. Его воспоминания показывают, какое большое влияние оказывал молодой 19-летний студент на рабочих: «Придя однажды к Плеханову, я ему изложил свое мнение насчет чтения. Он вполне одобрил и предложил мне совместно читать «Податной вопрос» Шелгунова. Тов. Плеханов разъяснял непонятные места и так увлекательно, что мы за весь вечер прочли всего лишь одну-две страницы. Но для меня это было открытие: я начал читать и мыслить совсем не так, как прежде»³⁰.

То было время, когда закончился первый этап революционного народничества — период «хождения в народ». Он показал, что крестьянин не такой уж прирожденный социалист, как полагали отправлявшиеся в деревню энтузиасты из разночинной молодежи и студенчества. Крушение надежд, связанных с попыткой путем пропаганды социалистических идей среди простого народа добиться утверждения социального идеала и воплотить, по выражению П. Л. Лаврова, в общественных формах истину и справедливость, приводит к первой критике народниками своей программы и тактики. Как это бывает вначале, критика направляется прежде всего на методы и формы своей деятельности.

В результате было признано необходимым, во-первых, ограничить программу социалистических требований до уже имеющихся в народе общественных идеалов. Это была своего рода программа-минимум, претворение в жизнь которой брала на себя революционная организация. Что касается осуществления принципов социализма в их полном объеме, то надеялись, что со временем крестьяне «сами себя устроят», т. е., выражаясь словами Плеханова, от коллективизма владения постепенно перейдут к коллективизму труда.

Во-вторых, поскольку вера в социалистические инстинкты крестьянства осталась, то полагали, что задача революционеров по преимуществу должна сводиться не к абстрактной пропаганде социалистических идей, а к устранению тлетворного влияния самодержавной бюрократии и чиновничест-

ва и передаче помещичьей земли крестьянам посредством всеобщего народного восстания (бунта). Поэтому пропаганда социализма была подчинена агитации на почве имеющегося у крестьян недовольства существующим строем.

И, в-третьих, было признано поставить дело организации во всероссийском масштабе и по возможности объединить разрозненные кружки на основе общей программы и устава.

Так сложилось народничество (в узком смысле слова), ставшее теоретической основой организации «Земля и воля» и в разработке которого несколько позже активное участие принял Плеханов.

Весна и лето 1876 г. в Петербурге были отмечены ростом революционных настроений среди молодежи и студенчества, вызванных возмущением многочисленными арестами и подготовкой к большому процессу «по делу о преступной пропаганде в империи». Сотни и тысячи матерей оплакивали своих детей, попавших в казематы III отделения. Настроения обострялись фактами жестокого обращения с заключенными, заполнившими дом предварительного заключения. 3 марта во время похорон замученного там длительным тюремным заключением студента П. Чернышева состоялась внушительная демонстрация с участием более 2 тыс. человек. Демонстрация произвела большое впечатление. Плеханов писал о многочисленных революционных сходках, происходивших с того времени в Петербурге (см. т. 24, с. 93). В этой обстановке у рабочих и ведущих среди них пропаганду студентов созрела идея подготовить и провести демонстрацию, которая стала известна позже как Казанская политическая демонстрация.

В это время, в конце лета 1876 г., состоялся последний приезд Плеханова на родину. Из-за активного участия в подготовке демонстрации, которой, по его словам, рабочие «бредили» с весны 1876 г., он не смог приехать раньше. Кроме того, его студенческим билетом, дававшим право на льготный проезд по железной дороге, воспользовался Л. Г. Дейч, нелегально остававшийся у него на квартире в мае 1876 г. Билет был возвращен им через М. Ф. Фроленко только к концу лета.

В Липецк Плеханов приехал вместе с Н. А. Смирновой, ставшей уже его женой, и приятелем медиком К. П. Солярским³¹. О последнем приезде брата домой К. В. Плеханова вспоминала, что он с приятелем совершал длительные прогулки по окрестностям Липецка, любуясь красивыми вида-

ми Каменного лога, долины р. Воронеж, городскими парками и садами. На прогулки часто брали брата и младших сестер, которым Жорж рассказывал интересные истории и при случае экзаменовал. В Липецке его привлекали рабочие, с которыми он встречался, в Гудаловке, куда выезжала семья, крестьяне, с которыми он работал на полях и которым помогал в тушении деревенских пожаров.

Мария Федоровна видела перемены, происшедшие в сыне. В этот раз его меньше интересовали книги, а когда ему пришлось читать Евангелие, он читал его так, словно подготавливал мать к той дороге, которую выбрал. Материнское сердце догадывалось, о чем идет речь. Мария Федоровна пыталась отговаривать сына, но понимала, что это бесполезно.

Больше уже на родине — в Гудаловке и Липецке — Плеханову бывать не довелось. После Казанской демонстрации он переходит на нелегальное положение и появляться в местах, где его знали, было опасно. Но на всю жизнь ему запомнились родные места, где он появился на свет, провел свое детство, где впервые зародились в его душе прекрасные юношеские мечты.

Глава 2

Г. В. ПЛЕХАНОВ И КАЗАНСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Особое место в революционной биографии Плеханова занимает демонстрация у Казанского собора 6 декабря 1876 г. Слова Плеханова о том, что «Казанская демонстрация была первой попыткой практического применения наших понятий об агитации» (т. 3, с. 155) относятся прежде всего к нему самому как одному из активных организаторов и участников демонстрации. Она выявила в первой публичной речи его ораторские способности, заставила его окончательно «сжечь за собой корабли» — перейти на нелегальное положение — и тем самым толкнула к более активной революционной деятельности.

Современники по-разному отнеслись к Казанской демонстрации. Либеральная пресса старалась высмеять демонстрацию и ее организаторов. Например, в «Вестнике Европы» Л. А. Полонский писал: «...Нам пришлось заключить прошедший год таким, правда, единичным фактом, какого, конечно, не испытали от нас наши старейшие, и нельзя пожелать современной молодежи, чтобы она, став на наше место, наш-

ла что-нибудь подобное в последующем за нею поколении. Мы говорим о попытках к уличным беспорядкам 6 декабря на площади Казанского собора. Это уже не молодость, а скорее какая-то преждевременная старость, с ее слепотою, глухотою и озлоблением; это уже не сила, а какая-то немощь, бессилие; и нет тут ни юности, ни логики, ни просто здравого смысла, а видимо одно утомление, безнадежность и отсутствие всякой мысли. Если это называть фанатизмом, то такой фанатизм может напомнить нам разве крестовый поход под предводительством козы и гуся»¹.

Не только со страниц либеральной прессы, но и со стороны большей части революционного лагеря демонстрация вызвала более или менее сильное порицание. Ее не одобряли П. Л. Лавров, М. П. Драгоманов и ряд других эмигрантов за границей, лавристы и немногочисленные последователи П. Н. Ткачева и П. Г. Заичневского, так называемые «централлисты» (кружок М. Н. Ошаниной). Сам П. Г. Заичневский лично приехал нелегально из Орла, чтобы противодействовать демонстрации, а затем выступил с критикой ее на одном из собраний революционной молодежи Петербурга 8 декабря 1876 г.²

Даже в среде части бунтарей, как отмечает Э. А. Корольчук, демонстрация не нашла сочувственного отклика³. Более того, по-видимому, и среди некоторых сознательных рабочих она вызвала недовольство («рабочие думал, что из нее вышло совсем не то, чего они хотели»⁴) и подтолкнула их к созданию своей организации — «Северного Союза русских рабочих».

Имеются сведения, что в период подготовки демонстрации скептически отнесся к ней и Плеханов⁵, который тем не менее деятельно помогал ее организовывать. Вспоминая о собрании, которое было накануне демонстрации 4 декабря, П. А. Моисеенко писал: «На собрании собралось порядочно, много говорили, спорили, и в особенности Боголюбов и Г. Плеханов»⁶. Известно, что в споре с землевольцами и, в частности, с М. А. Натансоном, А. П. Боголюбов выступал против демонстрации «из-за немногочисленности революционных сил», в то время как Натансон «стоял за всякое выступление, поскольку оно должно вызвать другие, более широкие выступления»⁷. По-видимому, и Плеханов после некоторых колебаний стал на точку зрения Натансона, в нем также, по его словам, «бунтарская жилка» взяла верх, тем более, что отказаться от проведения демонстрации было уже

нельзя, так как это могло внести деморализацию. Таким образом, можно полагать, что среди бунтарей разногласия касались не вопроса о целесообразности проведения рабочей демонстрации (в принципе это принималось всеми бунтарями); разногласия касались вопроса осуществления такой демонстрации, какой ее хотели видеть инициаторы-рабочие.

В демонстрации предполагалось участие большого количества рабочих (две-три тысячи человек). Она должна была показать правительству, что за интересы народа выступают не только студенты и наиболее передовая часть общества, но и сами трудящиеся, в частности рабочие. Вместе с тем накануне демонстрации было принято решение действовать и в том случае, если бы у собора собралось хоть несколько сот человек.

Далее план демонстрации, по некоторым данным, был приблизительно следующим. На площади перед собором предполагалось произнести речь, обращенную к народу, с призывом продолжать дело, за которое отдали жизнь лучшие сыны России. В последний момент было принято решение в конце речи поднять над головами красное знамя с вышитыми на нем словами: «Земля и воля» (т. 3, с. 150)⁸. Затем собравшиеся должны были мимо памятника Кутузову направиться на Невский проспект и, если удастся, выйти на Дворцовую площадь, «чтобы требовать освобождения политических арестантов из тюрем»⁹. «Вообще, этой манифестации, — писал Е. Серебряков, — придавалось огромное агитационное значение, как для рабочих, так для молодежи и для общества»¹⁰.

Осуществить план, как известно, не удалось. Прежде всего, к Казанскому собору пришло, по данным Плеханова, всего 200—250 рабочих, по другим — еще меньше. Основная масса оказалась студенческая, и рабочий элемент потонул в ней. Плеханову удалось произнести короткую речь, в которой он напомнил о сосланном в Сибирь Н. Г. Чернышевском и других мучениках за народное дело и выразил с ними полную солидарность. При словах: «наше знамя — их знамя. На нем написано: земля и воля крестьянину и работнику!» молодой рабочий Яков Потапов развернул и поднял на руках красное полотнище. Не успел еще Плеханов закончить речи, как начала действовать полиция. На помощь ей пришли дворники и некоторые из «публики», как выражаются полицейские документы. Собравшиеся были окружены, побиты и рассеяны, по существу, не выйдя на Невский проспект, а 31 человек был арестован. Правда, как отмечал Плеханов, до поголовного

избиения «было очень далеко», и этим он, в частности, объяснял то, «что ни один из выдающихся землевольцев, бывших на Казанской площади и отражавших полицейское нападение, не был арестован» (т. 24, с. 103).

Далее, непонятой оказалась и надпись на знамени. «Как же так, — рассуждали потом на некоторых фабриках, — они хотели земли и воли? Земля-то это так, земли точно надо бы дать крестьянам, а воля-то ведь уж дана. В чем же ту дело?». Вышло, — писал Плеханов, — что с своим девизом: «Земля и воля» мы опоздали по меньшей мере на пятнадцать лет» (т. 3, с. 150). Об агитационном значении этого лозунга можно сказать то же самое, что говорил Плеханов о пропаганде народников среди рабочих: «Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в коем случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария» (там же, с. 140).

Наконец, критике подвергались и некоторые моральные аспекты данного события. Дело в том, что среди арестованных, а затем преданных суду, не было действительных организаторов демонстрации. Судили лиц, имевших или довольно отдаленное отношение к ее организации (за исключением А. П. Боголюбова-Емельянова, на демонстрации, однако, не присутствовавшего, и рабочего В. Я. Савельева-Иванова¹¹), или даже посторонних. Организаторам демонстрации, в их числе и Плеханову, удалось избежать ареста. В результате получилось, что для широкой публики «цель демонстрации так и осталась невыясненной» (там же, с. 149), так как в целом революционная интеллигенция в нее не была посвящена, а на суде это сделать не удалось. «Если смотреть на процесс, как на продолжение и финал демонстрации, — а его так именно и следует рассматривать, — то приходится констатировать, что мы провели процесс плохо, — писал судившийся по делу Казанской демонстрации М. М. Чернавский. — Участие в демонстрации налагало на нас обязанность довершить те два дела, которые были начаты во время демонстрации Плехановым и Яковом Потаповым. Плеханов кратко сказал, почему и против чего мы протестуем. Нам нужно было развить его речь подробно. Яков Потапов развернул на площади красное знамя с лозунгом: «Земля и воля». Мы должны были развернуть с лозунгом богатое содержание этого лозунга. К сожалению, среди нас не нашлось человека, который смог бы это сде-

лать...»¹². По этому поводу М. П. Драгоманов писал: «Мы умеем носить красное знамя только в карманах, а если между нами попадают смельчаки, выносящие это знамя на площадь, то при одном появлении полиции, они обращаются в бегство, бросая на площади тех, кто не может сказать ничего, кроме «знать не знаю»¹³. Отсюда проистекали упреки, доходившие порой до обвинения Плеханова и других организаторов демонстрации в том, что они добровольно не отдались в руки полиции. Это было характерным явлением для периода ломки чисто пропагандистских представлений о путях достижения социализма. Кроме того, такие обвинения были прямым следствием отсутствия массового движения. При сколько-нибудь широком движении они были бы просто невыносимы.

Помимо этого, Драгоманов обвинял организаторов демонстрации «в примирении с религией, церковью», так как они заказали в соборе панихиду, к тому же «по живому человеку» (Н. Г. Чернышевскому)¹⁴. На самом же деле, как отмечал Плеханов, «в план демонстрации богослужение вовсе не входило, но так как революционная публика все продолжала прибывать и «бунтарям» нужно было выиграть время, то они придумали панихиду просто как благовидный предлог для дальнейшего пребывания в церкви» (т. 3, с. 151).

Все это вместе взятое и давало повод части революционного лагеря квалифицировать в целом Казанскую демонстрацию как неудачную. Разумеется, если не знать, что демонстрация готовилась по инициативе рабочих и при их активном участии и что она мыслилась прежде всего как рабочая демонстрация, дать правильную оценку ей невозможно. А это как раз и было скрыто от многих современников. Даже в 1922 г. в письме к Дейчу А. И. Зунделевич писал: «От тебя впервые слышу, что возникла эта (Казанская. — А. Б.) демонстрация отчасти по инициативе рабочих групп. Я всегда слышал и был уверен, что это так, — об исключительной инициативе в этом деле кружка Натансона, на который и сыпались с разных сторон обвинения за эту инициативу»¹⁵.

В этой связи следует остановиться на оценке демонстрации некоторыми советскими историками. Выступая против мнения Э. А. Корольчук и Ш. М. Левина, П. С. Ткаченко пишет: «В своей книге он (Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958. — А. Б.) пишет, что инициатива Казанской демонстрации принадлежала в большей или меньшей степени рабочим кружкам Петер-

бурга. Эту инициативу сочувственно встретили народники-землевольтцы, для которых демонстрация послужила боевым крещением их вновь сформированной организации».

«И все же, — продолжает Ткаченко, — демонстрации, которая должна была вызвать рабочее выступление, хотели вначале как землевольтцы, так и руководители рабочих кружков. Инициатива и подготовка в этой демонстрации принадлежит в той или другой мере как рабочим кружкам, так и землевольтцам»¹⁶. Двумя страницами выше он вообще все участие рабочих в подготовке демонстрации сводит к их присутствию на заключительном собрании 4 декабря, хотя и отмечает, что «бунтари» пошли на организацию демонстрации по настоянию рабочих»¹⁷. В доказательство того, что рабочие в проведении демонстрации играли чисто пассивную роль, он ссылается на слова П. А. Моисеенко: «Нам было поручено созвать побольше народа, не рассказывая зачем» и пишет: «Этими словами Моисеенко подчеркивал свою (т. е. рабочих. — А. Б.) «исполнительную роль»¹⁸. На самом же деле слова Моисеенко могут лишь служить подтверждением известной мысли Плеханова, что осязательных причин для проведения рабочей демонстрации не было. Сознательно на демонстрацию могли прийти только организаторы рабочих кружков, а они исчислялись в лучшем случае десятками, в то время, как на демонстрацию предполагалось собрать две-три тысячи рабочих. Для остальных же рабочих волей или неволей затея выливалась, выражаясь словами Плеханова, в «заманиловку», и в этом, безусловно, сказалась агитационная слабость Казанской демонстрации как рабочей демонстрации. Скажем определеннее: инициатива в устройстве демонстрации, как в свое время отмечал Плеханов, принадлежала в большей степени (если не целиком) самим рабочим. Что касается подготовки, то, разумеется, без организационной работы землевольтцев демонстрация не состоялась бы.

В этой связи, нам кажется преувеличением, когда Ю. З. Полевой, который характеризует Казанскую демонстрацию как рабочую, вместе с тем пишет: «Казанская демонстрация была задумана и проведена самостоятельной рабочей революционной организацией»¹⁹. Другое дело, — каковы были практические результаты Казанской демонстрации? Если инициатива в ее проведении принадлежала самим рабочим, то результаты имели большее значение для землевольтцев, нежели для рабочих. Рабочие в демонстрации выступали, в известном смысле, как материал, на котором рождавшаяся орга-

низация испробовала свою новую тактику. В практическом отношении Казанская демонстрация больше дала как землевольтческая (бунтарская), а не рабочая демонстрация, и уж, во всяком случае, она не была «ударом по народнической идеологии», — как пишет Э. А. Корольчук²⁰.

Неблагоприятное казалось бы впечатление, оставленное демонстрацией, было вскоре исправлено самим правительством. «Правительство так панически реагировало на эту далеко не внушительную демонстрацию, что по меньшей мере утратило ее значение», — писал М. М. Чернавский²¹. Это было достигнуто тем, что «казанцам» был вынесен неоправданно жестокий приговор, который вызвал к ним симпатии не только революционеров, но и «общества». Казанская демонстрация оказалась незримыми нитями, через ряд промежуточных звеньев, связанной с последующим этапом революционного движения — народо-вольтческим. Один из участников ее писал, «что демонстрация наша со времени террора, т. е. с 1878 г., принимается за важный акт революционной агитации, имеющий чисто террористический характер, а выстрел Веры Засулич за Боголюбова придает еще более значения «казанцам»; 6 декабря начинает собою новую эпоху в истории русского социализма...»²².

Но все это стало заметно позже. Пока же она заставила будущих землевольтцев задуматься над методами работы с массами. Плеханов писал позже, что Казанская демонстрация была «первым крупным плодом сближения народников с петербургским пролетариатом» (т. 3, с. 123). Она показала, что приемы воздействия на массу еще в значительной степени отвлечены, абстрактны, а поэтому неудовлетворительны. Как известно, таких демонстраций, как Казанская, которая, по существу, была чисто политической, землевольтцы в дальнейшем не устраивали. Главное ее значение заключалось в том, что она способствовала выработке той тактики, которой стали придерживаться землевольтцы в будущем: внимательней относиться к социальной среде, в которой они работали, агитировать не исходя из собственного желания поднять массу, а сообразуясь с объективными условиями места и времени, где им приходилось вести агитацию.

Что касается Плеханова, то Казанская демонстрация знаменовала дальнейшее утверждение его на позициях бунтаря-бакуниста и предопределила вхождение его в центральное ядро организации, получившей впоследствии название «Земля и воля». Попутно хотим заметить, что нельзя смешивать два

хотя и связанных, но различных вопроса: формирование взглядов Плеханова и вступление его в организацию будущих землевольцев. Бунтарем-бакунистом с вполне сформировавшимися взглядами он предстает перед нами весной 1876 г., в организацию же (мы имеем в виду не рабочую группу, а основную кружок) он вступает вскоре после Казанской демонстрации²³.

Вместе с тем она заставила Плеханова перенести центр тяжести в своей революционной деятельности с рабочих на крестьян. И если в действительности ему так и не пришлось по-настоящему заняться работой среди крестьянства, то это произошло по не зависящим от него обстоятельствам.

Несмотря на меры, принятые полицией для ареста зачинщиков демонстрации, почти никто из ее главных организаторов на площади арестован не был. В числе других удачно избежал ареста и Плеханов. Окруженный толпой рабочих и студентов, с измененной внешностью, он ускользнул от полиции и был спрятан на конспиративной квартире.

Среди арестованных на Невском проспекте оказалась жена Плеханова Н. А. Смирнова, которая должна была скоро стать матерью. По освидетельствованию врача и за недостатком улики она была отпущена. Вскоре она родила девочку²⁴.

Однако следствием ее ареста был обыск, произведенный 10 декабря на квартире, где она проживала с Плехановым по Фурштадской улице (ныне ул. Петра Лаврова), дом 35, в квартире отставного унтер-офицера П. М. Рыкулина. В деле сказано, что накануне Казанской демонстрации 6 декабря Плеханов и его жена покинули квартиру в восемь часов утра²⁵. Никаких последствий обыск не имел. «При дознании выяснено, что Плеханов с женою вели жизнь скромную, сходок в занимаемой им с женою комнате не происходило, подозрительного приносимо ничего не было...»²⁶. Среди вещей, найденных на квартире, в описи имущества отмечалось большое количество учебных книг²⁷.

Вскоре после Казанской демонстрации в январе 1877 г. появилась прокламация (рукописная брошюра) под названием «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.». В ней давалась оценка демонстрации в связи с тем отношением, которое она встретила в части революционной интеллигенции и «обществе». Нашедшая этот документ и опубликовавшая его в печати Э. А. Корольчук высказала предположение, что автором прокламации мог быть Н. Н. Хазов, в бумагах которого она была обнаружена по-

лицией. Корольчук не исключала также возможности, что соавторами рукописи были А. Г. Богданович и Л. М. Зак²⁸.

После этого со статьей «Казанская демонстрация 1876 г. и Г. В. Плеханов» выступил Д. Кузьмин, по мнению которого, наиболее вероятным автором рукописной брошюры мог быть Плеханов²⁹. Его аргументация сводилась к следующему.

1. Прежде всего он указывает, что в отличие от Плеханова, с первых шагов своей революционной деятельности тяготевавшего не только к устному, но и печатному слову, Хазов, который был намного старше Плеханова, вел преимущественно устную пропаганду и до этого в печати не выступал. Кроме того, рукопись была найдена не среди бумаг Хазова, а среди его книг и поэтому могла иметь внешнее происхождение.

2. Далее он отмечает совпадение в характере и манере изложения рукописи с тем, что Плеханов говорил, выступая на Казанской демонстрации, и писал позже (особенно с его статьей «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», напечатанной в третьем и четвертом номерах «Земли и воли»), и указывает на полемичность и общие литературные достоинства рукописи и статей Плеханова. В авторе рукописи, пишет Кузьмин, чувствуется человек, чем-то лично задетый за живое, а таким мог быть прежде всего оратор на демонстрации³⁰.

3. Наконец, главное в опровержении мнения Корольчук, которая считала, что ярко выраженный бунтарь-бакунист не мог быть автором документа, где говорится о борьбе за политические свободы и придается особая роль рабочим, сводится у Кузьмина к тому, что следует различать две вещи: отношение к политическим правам и свободе вообще (свободе слова, собраний, стачек и т. д.) и отношение к государству и его учреждениям. «К правовому государству, — справедливо отмечает Кузьмин, — как бы оно ни было демократичным, народники 70-х гг. относились принципиально отрицательно, признавая в то же время все блага за политической свободой самой по себе. Иначе говоря, они были не столько аполитиками, сколько антигосударственниками, и эта точка зрения господствовала в русском революционном движении безраздельно вплоть до «Народной воли»³¹.

В то время были две тактики или две программы действий: пропаганда словом (лавризм) и пропаганда делом, фактами (бунтарство). Именно на точке зрения пропаганды фак-

тами стоит автор документа. Поэтому, делает резонный вывод Кузьмин, если Хазов не был сторонником бунтарства, как полагает Корольчук, он не мог быть автором данной рукописи³².

Д. Кузьмина поддержал автор статьи «Первое произведение Г. В. Плеханова»³³, который вначале объясняет, почему Плеханов не выступил в защиту Казанской демонстрации на первой же нелегальной сходке 8 декабря, где ее критиковал П. Г. Заичневский.

Дело в том, что через два дня после демонстрации на квартире М. Н. Ошаниной на Петербургской стороне Заичневский, сторонник заговорщической тактики, а не широких народных выступлений, который, как сказано выше, специально приехал в Петербург, чтобы противодействовать демонстрациям подобно той, которая состоялась 6 декабря, выступил с резкой критикой ее. Особенно нападал он на ее организаторов и оратора³⁴. А в это время Плеханов находился в соседней комнате и вынужден «был молча слушать, как Заичневский его клеймил»³⁵.

Три причины, по мнению автора, помешали Плеханову выступить в защиту демонстрации.

1. Нежелание товарищей подвергать его, разыскиваемого полицией, какой-либо опасности. Плеханов не мог действовать наперекор своим товарищам, «тем более, что на собрание он попал вопреки их воле и чуть ли не случайно»³⁶.

2. Собрание было широким по составу, и правила конспирации запрещали «проваленному» человеку обнаруживать себя в этом случае.

3. Нежелание подвергать неприятностям людей, давших ему приют после демонстрации, в первую очередь Н. Ф. Анненского.

Далее, со своей стороны в пользу авторства Плеханова он приводит такие соображения.

1. Так же, как и Д. Кузьмин, видит некоторые текстуальные совпадения или почти совпадения рукописной брошюры «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.» с речью Плеханова на демонстрации, а также с ближайшей по времени прокламацией, вышедшей из-под пера Плеханова, «К русскому обществу» (по поводу оправдания В. Засулич).

2. Для написания такого обширного и обстоятельного программного документа нужно было иметь не только желание и талант, но и много времени. Заняться этим мог человек

по необходимости оторванный от живого дела. Именно в таком положении оказался Плеханов на протяжении нескольких недель после Казанской демонстрации.

Несмотря на ряд серьезных аргументов в пользу авторства Плеханова, полемика, ведшаяся в конце 20-х гг., из-за отсутствия фактических данных не привела к установлению определенной точки зрения на вопрос об авторстве рукописной брошюры «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.». Но она все же поколебала предположение Э. А. Корольчук об авторстве Н. Н. Хазова. В последующее время в качестве автора (или соавтора вместе с Хазовым) рукописи Ш. М. Левин называл А. Д. Оболенева³⁷, а П. С. Ткаченко склонялся в пользу авторства А. Д. Михайлова и А. Д. Оболенева³⁸.

Новый весьма серьезный аргумент в пользу авторства Плеханова приводится в статье молдавского историка В. Гросула «Невыясненный эпизод из биографии Г. В. Плеханова»³⁹. Ссылаясь на воспоминания З. К. Арборе (Ралли), он впервые обратил внимание на слова последнего о том, что в архиве газеты «Работник» сохранилась «статья, кажется, Г. Плеханова, защищающая эту демонстрацию»⁴⁰, т. е. Казанскую демонстрацию. Как сообщает Ралли, статья была отдана Плехановым редакции газеты «Работник» во время его первой поездки за границу весной 1877 г., но в газете не появилась. Эту статью вместе с другими материалами Ралли передал в 1926 г. в Берлин Б. И. Николаевскому⁴¹. Дальнейшая судьба статьи Плеханова, как и других переданных материалов, неизвестна.

К сожалению, в воспоминаниях Ралли не приводится названия статьи Плеханова, но поскольку ко времени первой поездки Плеханова за границу не было известно ни одной работы, принадлежащей его перу, можно думать, что речь идет о статье того же названия, что и рукописная брошюра, т. е. о работе «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.».

Со своей стороны нам хотелось бы отметить, что в авторе рукописной брошюры подкупает знание пролетарского движения и обстановки, которая сложилась тогда в рабочем Петербурге. Но ее могли хорошо знать и Хазов и Плеханов, работавшие в рабочих кружках. Чувствуется, что автор придает особое значение движению рабочих в общей массе народа, что, при отсутствии хорошего знания взглядов Хазова, может говорить в пользу авторства Плеханова.

Прокламация (рукописная брошюра) появилась в январе 1877 г., когда Плеханов был еще в России. Он следил за процессом «казанцев», ознакомился с речью товарища прокурора Поскочина, ведшего процесс, читал в январском номере «Вестника Европы» внутреннее обозрение Л. А. Полоцкого, где высмеивалась демонстрация. Наконец, известно заявление Плеханова, что он не молчал, когда Заичневский критиковал оратора на сходке 8 декабря⁴². И так как никто не слышал его устного выступления в тот день, то, возможно, что речь у Плеханова идет не обязательно об устном выступлении, как полагал, например, Б. Козьмин⁴³, а вообще об ответе критикам Казанской демонстрации. Тогда это дополнительное аргумент в пользу его авторства.

К сожалению, у нас нет документа, по которому можно было судить о взглядах и настроениях Плеханова конца 1876 — начала 1877 г., документа, который вышел бы из-под его пера в то время. А можно ли говорить об авторстве Плеханова на основании известного совпадения взглядов, высказанных в рукописи, с тем, что он писал в 1878 и 1879 гг., — это вопрос, который требует дополнительного исследования. Впрочем, в свете отмеченного выше факта задача значительно упрощается: требуется только отыскать и подтвердить идентичность или хотя бы общее происхождение статьи, о которой говорит Ралли, и рукописной брошюры, найденной Э. А. Корольчук.

Жизнь нелегального Плеханова до его отъезда за границу подробно описана в воспоминаниях Е. Н. Ковальской. Приехав в Петербург из Харькова после Казанской демонстрации, она вскоре встретилась с Плехановым по его просьбе «Есть ли у вас какая-нибудь квартира? Кажется за всеми нашими следят», — обратился он к ней.

С ним она тотчас отправилась на квартиру студентов, не причастных к «политике», и устроила его под видом своего знакомого из Харькова. На следующий день Плеханов был переведен в другое, более безопасное место — на квартиру студента-медика Владимира Штанге⁴⁴, а еще через три дня последний устроил его на квартире своей матери, жившей на Васильевском острове. Далее Ковальская, посетившая его в мезонине маленького домика на Васильевском острове, пишет: «Крошечная квартирка блистала чистотой, на окнах — клетки с канарейками, на диване — старушка с каким-то занятием. Лицо старушки — сама доброта. А Плеханов, как раненый зверь в клетке, мечется из угла в угол. — «Надо про-

то скорее уехать в другой город, где люди, а не канарейки!»⁴⁵. Плеханову удалось настоять на переезде в Москву. Его устроили на квартире А. С. Пругавина⁴⁶ в Петровско-Разумовском.

Тем временем правительству стало ясно, что основные виновники демонстрации скрылись, но оно, естественно, не могло открыто признаться, что арестованные — не те люди, которых оно искало. Поэтому несмотря на суд над участниками Казанской демонстрации, который состоялся в январе 1877 г., продолжались поиски главных организаторов демонстрации.

В начале 1877 г. из одного анонимного письма, написанного провокатором шефу жандармов, стали известны имена видных землевольцев — организаторов демонстрации М. А. Натансона, Н. Н. Хазова, Г. В. Плеханова. Снова начались аресты.

«Как-то поздно вечером, — пишет Ковальская, — ко мне стремительно вбежала первая жена Плеханова, Наталья Александровна Смирнова, и, сильно взволнованная, стала умолять меня немедленно ехать в Москву, уговорить Жоржа отправиться за границу, так как получены сведения, что его уже ищут в Москве»⁴⁷. Из воспоминаний Ковальской видно, что не все землевольцы одобряли этот план, в частности, не соглашался с ним А. Д. Михайлов, считавший, что достаточно сменить только город. Видимо, того же мнения был Плеханов. Когда, получив московский адрес Плеханова, Ковальская явилась к нему в Москву, ей пришлось уговаривать его согласиться с мнением жены и ее самой.

Спустя некоторое время она снова увидалась с ним в Петербурге, на этот раз он встретил ее словами: «Ну, пусть будет так; я решил съездить за границу. Не хочется попасться зря, наскочив без всякого дела в какой-нибудь квартире. А попадешься — капут!»⁴⁸. Как пишет Ковальская, из-за разногласий с землевольцами Плеханов хотел при переходе границы воспользоваться услугами лавристов. Она уже договорилась с ними, но переезда не состоялось — Плеханова на железнодорожной станции Вильковишки никто не встретил. Удачно ускользнув от жандармов, ехавших с ним в поезде, он возвратился в Петербург⁴⁹. К этому времени мнение товарищей Плеханова, убедившихся, что за ним усиленно следят, изменилось, и они решили отправить его за границу с помощью А. И. Зунделевича.

Первая эмиграция Плеханова за границу является наи-

более бедной документальными материалами частью его биографии, а поэтому и наименее исследованной. Известно, что ранней весной 1877 г. для того чтобы «замести следы», Плеханов вместе с женой уезжает за границу. Его путь лежал от Петербурга до Двинска, далее от Двинска до Ковны и наконец, от Ковны до станции Вильковишки — последней станции перед пограничной станцией Вержболово. Затем нелегальные направлялись за 20 км в сторону от полотна железной дороги в местечко, где жили контрабандисты, занимавшиеся их переправой на прусскую сторону. Плеханов посетил Германию, Францию и Швейцарию.

Знакомство с германской социал-демократией делает его еще более убежденным бакунистом. Правда, знакомство было довольно поверхностным, так как из-за плохого знания немецкого языка Плеханову приходилось вращаться преимущественно среди русских эмигрантов, которые могли только усилить отрицательное отношение к немецкой социал-демократии. Германская социал-демократия в это время действовала в условиях легальности и парламентаризма, добиваясь все большего влияния на рабочий класс объединенной Германии. Ее успехи все больше тревожили правящие круги, и в 1878 г. против социалистов были введены «исключительные законы». Правительством Бисмарка показано свое настоящее отношение к успехам рабочего движения в Германии.

Но за год до этого тактика партии, рассчитанная на политическую деятельность в рамках буржуазного государства подвергалась критике со стороны анархистов разных стран в том числе и русских бакунистов. Тогда ее разделял и Г. В. Плеханов. «Мы, бакунисты, — писал Дейч, — обвиняли их в умеренности и аккуратности, в постепенности, в культуртрегерстве и в полном отсутствии у них «революционной жилки»⁵⁰. Кроме того, в Берлине он познакомился с артелью русских рабочих и написал о ней корреспонденцию в «Русские ведомости» в 1877 г.

Имеются сведения, хотя их нельзя считать вполне достоверными, что, желая заняться наукой, он подумывал о переезде в США. Однако летом 1877 г. обостряется политическое положение во Франции, и он спешит в Париж, чтобы «принять участие в сражениях на баррикадах за республику», оставляя мысль о поездке в Америку⁵¹. Но до баррикад дело не дошло. В Париже он встретился с известными революционерами-эмигрантами П. Л. Лавровым и П. Н. Ткачевым. Знакомство, однако, не было близким. Известно также, что в Па-

риже Плеханов познакомился с приехавшими в это время туда для связи с Лавровым его приверженцами из России, в частности, будущим известным народовольцем С. Г. Ширяевым, который впоследствии отмечал большую полезность этого знакомства для него⁵².

Поездка в Париж, по-видимому, ни в чем существенном не отразилась на Плеханове. «Из сообщений Георгия Валентиновича об этой его поездке, — вспоминал Дейч, — не могу припомнить ничего сколько-нибудь яркого, интересного, — по всей вероятности, ничего такого он тогда и не передавал. Не знаю даже, встречался ли он с французами и посещал ли какие-либо их собрания, — происходи это, он, наверно, рассказывал бы об этом впоследствии по обыкновению живо, ярко, образно, что не могло бы не удержаться в моей памяти»⁵³.

Зато в Швейцарии произошло событие, которое не могло не оказать ободряющего влияния на молодого бакуниста. В Берне 18 марта 1877 г. в память о Парижской Коммуне и по случаю конгресса Юрской федерации Интернационала произошла манифестация, в которой приняло участие до двух тысяч человек. Манифестанты, среди которых были известные участники Парижской Коммуны Арну и Лефрансе, пронесли красное знамя по главной улице города. Плеханов принимал в ней участие вместе с П. А. Кропоткиным, Д. А. Клеменцом, З. К. Арборе (Ралли)⁵⁴. Последний позже вспоминал: «Манифестация была крайне грубо встречена бернским мещанством, на главной улице города в нас бросали с балконов камни, которые и ушибли некоторых из нас. Процессия из 80 человек с красным знаменем выбралась, наконец, из этой улицы и приблизилась к вокзалу, где была встречена швейцарскими жандармами... С саблями наголо они врзались в нашу толпу с целью отнять красное знамя, которое нес Швицгебель. Небольшая группа окружила, однако, знамя и отбросила жандармов»⁵⁵. В результате завязавшейся борьбы было ранено семь манифестантов и пять жандармов. Среди раненых оказался и Ралли, которого пришлось поместить в больницу. Всю ночь у его постели были Кропоткин и Плеханов⁵⁶. Кроме Берна Плеханов побывал и в других местах Швейцарии. Например, известно, что мать получила от него письмо из Цюриха⁵⁷.

В целом эмиграция усилила бакунистские тенденции его мировоззрения. Видимо, картины капиталистического Запада как перспектива экономического развития России в будущем

удручили молодого бакуниста. В Россию Плеханов вернулся с твердым намерением «погрузиться в гущу народную», т. е. отправиться в «народ» для подготовки восстания»⁵⁸.

Прибыв в Петербург, по-видимому, не позднее 20-х чисел июня (свидетельство об увольнении из горного института Плеханов получил 27 июня 1877 г.) и пробыв некоторое время там, Плеханов в конце июля отправляется в Саратов, где у землевольцев имелось одно из самых крупных поселений.

Глава 3 В «ЗЕМЛЕ И ВОЛЕ»

С оформлением организации «Земля и воля», которое произошло в январе 1877 г. после принятия программы и устава, можно было приступить к реализации планов, связанных с созданием сельских поселений.

Первые поселения стали появляться с конца 1876 г. Одним из основных опорных пунктов землевольцев стал Саратов. Саратовская губерния еще до этого, в период «хождения в народ», оказалась в сфере деятельности народников. Там они завели первые революционные связи с местной интеллигенцией и учащейся молодежью, а также имели некоторые связи с либеральными кругами общества. Несмотря на аресты 1874 и 1875 гг., связь с центром не была полностью нарушена. Когда в 1877 г. в Саратов отправились члены «Земли и воли», там существовали местные революционные кружки.

Первыми весной 1877 г. для устройства конспиративной квартиры в Саратов прибыли члены Петербургского основного кружка О. А. Натансон и В. Ф. Трошанский. Они должны были завязать знакомство с местными влиятельными лицами, от которых зависело устройство на земские и иные должности землевольцев, изъявивших желание расселиться по деревням.

Успешно начатое дело было неожиданно прервано (после ареста М. А. Натансона 3 июня 1877 г.) сообщением, что Ольга Натансон и Трошанский нужны в Петербурге. Создавать новый «центр» и заново налаживать связи пришлось в условиях, когда в Саратове собралось довольно много землевольцев. Это одна из причин, почему не всем землевольцам удалось устроиться в деревне. Кроме того, опытных

энергичных О. Натансон и В. Трошанского не смогли заменить пришедшие им на смену в качестве нового саратовского «центра» М. А. Брешинская и А. Богомаз.

Приезд землевольцев произвел большое впечатление на местных деятелей. Как вспоминал один из них, приезжие из Петербурга революционеры были людьми опытными, «за весьма редкими исключениями все это были люди серьезные; разговоры их с молодежью всегда носили идейный характер; каких-нибудь мелких слабостей, при знакомстве не вполне близком, в таких людях нельзя было сразу же заметить»¹.

Плеханов приехал в Саратов в составе новой группы землевольцев, отправившейся из Петербурга в конце июля 1877 г. Кроме Плеханова в нее входили А. Д. Михайлов, Н. П. Мошченко, О. Е. Николаев и трое петербургских рабочих, согласившихся поселиться в деревнях². Спустя некоторое время туда прибыли О. В. Аптекман, С. А. Харизоменов, А. А. Хотинский и Н. И. Сергеев.

Плеханов появился в Саратове, по воспоминаниям того же местного деятеля, «с соблюдением всех требований конспиративного этикета». Когда он вместе с рабочим Григорьевым, участником Казанской демонстрации, явился на квартиру к автору воспоминаний гимназисту И. Майнову³ и представился, последний сразу же оценил в нем крупного деятеля «Земли и воли»: «На вид лет 26—27-ми (Плеханову тогда шел 21-й год. — А Б.), среднего роста, стройный, прилично одетый. У него было чрезвычайно интеллигентное лицо ровного матового цвета, умные карие глаза, густые и длинные темно-каштановые волосы, заброшенные прямо назад, а la Помяловский или Чернышевский (на старых карточках); окладистая каштановая борода придавали гражданину Набатову⁴ вид солидный, а в общем он производил впечатление столичного литератора или молодого адвоката»⁵.

Основная цель, которую ставил перед собой Плеханов, отправляясь в Саратов, — принять активное участие в новом походе в деревню, в устройстве деревенских поселений. Так как ремесла он не знал, то единственной возможностью устроиться в деревне было для него место учителя⁶. Вскоре открылась такая вакансия в Аткарском уезде, и Плеханов, воспользовавшись документами А. Д. Михайлова, попытался устроиться учителем от земства. Однако попытка окончилась неудачно. Саратовский губернатор еще с 1873 г. обращал особое внимание уездных исправников и уездных училищных советов на необходимость «ознакомиться как с служебной дея-

тельностью, так и с образом мыслей лиц, занимающих должности учителей, учительниц, акушеров и т. п.» и обо всем, что будет ими открыто не в пользу указанных должностных лиц, немедленно доносить ему⁷.

Вот как описывает эту попытку О. В. Аптекман: «Плеханов в Аткарске. Подает прошение председателю училищного совета. Последний, принимая прошение, просит его подождать ответа в приемной. Но тут-то случился неожиданно один курьез, который дорого стоил бы Плеханову, если бы он вовремя не овладел собою. Дело вот в чем. Священник, член училищного совета, ознакомившись с бумагами Плеханова, вдруг заорал во все горло: — «Да, ведь, это Дмитрия Михайлова, моего большого приятеля, сын — как же!.. Дмитрий Михайлов — почтенный человек». Восхищенный своим открытием «батюшка» выскакивает в приемную и кричит: «Михайлов! Михайлов! Где же этот Михайлов?» Наш Плеханов встrepенулся было, но, быстро овладев собой, спокойно заявляет: «Я!» «Батюшка» удивился: как «вырос», каким «молодцом стал!» И стал расспрашивать о его родителях, общих знакомых, разных прочих делах, вникая с видимым благожелательством во все подробности. Наш «оратор», не моргнув глазом, выложил все, как по-писаному. «Ладно, ладно, молодой человек, буду хлопотать за вас!» — и ринулся обратно в совет. Но тут-то нашла коса на камень: исправник уперся, как бык — не согласен да и только. Дмитрий Михайлов-де, может быть, и благомыслящий человек, а сын его, тем не менее, может, и социалист — «не согласен на то!»⁸ Пришлось ему возвратиться в Саратов и заняться привычной работой среди рабочих, а также местной молодежи и интеллигенции.

Среди революционеров Саратова преобладали тогда лавристские настроения, т. е. местные народники считали необходимым среди рабочих и молодежи вести предварительную, подготовляющую к революции пропагандистскую работу. То, что решили для себя землевольцы осенью и зимой 1876 г., предстояло разрешить саратовцам. В спорах между бакунистами и лавристами Плеханов сыграл видную роль.

Началось с того, что Плеханов был назначен руководить рабочим кружком, но так как с рабочими занимались местные революционеры, то ему пришлось прийти в довольно резкие столкновения с последними. Аптекман вспоминал, как для нужд местного кружка молодежи Плеханову пришлось в письменной форме изложить программу «Земли и воли», ко-

торая тогда была мало известна и имела, главным образом, устное распространение. Он отмечал, что Плеханов блестяще справился с этой задачей⁹. Яркие выступления Плеханова в защиту бунтарства создали ему «известный ореол как среди молодежи, так и среди рабочих»¹⁰ Саратова. Следствием явилось то, «что местная рабочая группа, а с нею и часть местного кружка интеллигентов, перешла на сторону «Земли и воли»¹¹.

Однако недолго пришлось Плеханову находиться в Саратове. Политическая атмосфера в стране все больше накалялась. В апреле 1877 г. Россия вступила в войну с Турцией. Официальная пропаганда пыталась представить ее как войну во имя освобождения братьев славян. Вместе с тем война яснее обнажала бесправное положение народа в самой России. Оживлялось либеральное движение. Летом 1877 г. произошел известный эпизод с истязанием А. П. Боголюбова (Емельянова), устроенный по указанию градоначальника Петербурга Ф. Трепова¹². Он имел своим последствием усиление боевых настроений среди революционной интеллигенции. Глубокое впечатление произвела весть об истязании и на саратовских землевольцев. Боголюбова Плеханов хорошо знал и высоко ценил его практический опыт работы в народе. Аптекман вспоминал, что, узнав о надругательстве над ним, «Плеханов был бледнее обыкновенного, в глазах его то и дело загорались огоньки, зловещие, боевые...»¹³.

26 ноября 1877 г. произошел разгром полицией центральной квартиры саратовских землевольцев на Камышенской улице, которую содержали М. А. Брецинская и А. Богомаз. Были арестованы А. А. Хотинский, Н. П. Мощенко, Н. И. Сергеев и др.¹⁴ На квартире была устроена засада, куда на следующий день попали еще некоторые землевольцы, не знавшие о провале «центра». В их числе был Плеханов.

«Плеханов был арестован на квартире Брецинской, — вспоминал Аптекман, — где была устроена засада. В сопровождении двух городских его повели в участок. В кармане у Плеханова было два паспорта, один — его, а другой — запасной. По пути Плеханов выбросил запасной паспорт, но, как назло, проходивший мимо него господин заметил упавшую на землю бумажку, поднял ее и любезно передал ее Плеханову со словами: «Господин, это вы изволили уронить?»

В участке Плеханов пробыл почти весь день, причем воспользовался подходящим моментом, чтобы окончательно отделаться от лишнего паспорта.

Помощник пристава, которому наскучило держать Плеханова в участке (день был воскресный и пристав, должно быть, загулял), отправился с Плехановым на его квартиру, осмотрел ее бегло и взял с него подписку явиться в участок на следующий день»¹⁵. Успев предупредить о провале квартиры оставшихся на свободе товарищей, Плеханов немедленно выезжает через Москву в Петербург.

В зиму 1877—1878 г. организация «Земля и воля» набирала силы. Помимо основной задачи — устройства поселений — она привлекала в свои ряды новые кадры. Обстановка этому благоприятствовала. Осенью 1877 г. после длительной подготовки правительство начало большой процесс, получивший впоследствии название «процесса 193-х». Многие из сидевших в тюрьмах ко времени процесса были освобождены или отданы на поруки и привлекались в качестве свидетелей. Суд, длившийся несколько месяцев, внес новое оживление в общество. Землевольцы активизируют пропаганду среди революционной молодежи. Свои силы они пополняли как за счет продолжавшейся идейной борьбы с лавристами, все более сходящими с общественной арены, так и за счет выпущенных на свободу революционеров первого призыва, ходивших в народ. Несмотря на различие их программных взглядов на практике они делали одно дело: выступали пропагандистами социалистических идей, т. е. вели преимущественно пропаганду среди народа. Теперь, оказавшись на свободе, они порой продолжали отстаивать свои старые взгляды, отвергнутые землевольцами.

На многочисленных и небывалых до тех пор по размерам сходках землевольцы развернули критику «лавризма». «Главной темой дебатов являлась защита нового направления, бунтарского народничества. Оппонентами ... выступали лавристы, к которым примыкали вышедшие из продолжительного тюремного заключения на волю подсудимые по «процессу 193-х». Попад в тюрьму в 1874—1875 гг., когда преобладало пропагандистское движение, эти лица сохранили почти без изменения взгляды, с которыми были арестованы. Для них поэтому указанные дебаты были не только чрезвычайно интересны, но и очень поучительны»¹⁶. Многих, вышедших на свободу, землевольцы пугали своей революционностью, а главное, в их программе и тактике они видели отход от того идеала социализма, к которому стремились прийти столь же идеальными средствами. В этом отношении характерно, что даже такому яркому стороннику политической борьбы в буду-

щем, как А. И. Желябов, выпущенному по «большому процессу», взгляды землевольцев казались слишком радикальными. Но это было временным явлением. Постепенно все больше «старых» революционеров принимало их программу.

Видную роль в это время на сходках играл Г. В. Плеханов. Впервые увидевшая его тогда лавристка Р. М. Богград, ставшая впоследствии его женой и другом, вспоминала об одной вечеринке с выпущенными, состоявшейся в ноябре или декабре 1877 г.: «Эта сходка состоялась на квартире в доме Николаева на Песках. Был горячий турнир. Председателем схода был «наш» Аннуковский, очень влиятельный в студенческих и революционных кругах; в споре принимал участие Семяновский, Рагуза и др. Со стороны бунтарей помню только молодого Плеханова, который с большой страстью старался довести своих противников до сокрушения»¹⁷.

Подробный рассказ о другой сходке, состоявшейся в начале 1878 г. на квартире Е. П. Дубровиной в ее особняке на Каменноостровском проспекте, имеется в воспоминаниях Н. С. Русанова. Со стороны лавристов в споре принимали участие Л. С. Гинзбург, А. А. Бубнов, А. А. Мурашкинцев и др., со стороны бунтарей — О. И. Каблиц и Плеханов. В то время как лавристы предостерегали молодежь от активных действий будь то демонстрация, шествие или даже участие в стачках рабочих, считая их преждевременными, искусственными и т. д., Каблиц доказывал с цифрами в руках и ссылками на разных авторов, что народ подготовлен для революции и «ему недостает только упражнения революционных инстинктов». В момент, когда казалось, что победа в споре достанется лавристам, явился Плеханов, и его яркая, образная, местами саркастическая речь склонила чашу весов в сторону землевольцев¹⁸.

Появлялся в это время Плеханов и в Москве. Об одной из таких сходок, которая привлекла выступлением на ней Плеханова большое количество народа (стояли даже на подоконниках), рассказывает С. А. Викторова-Вальтер. Сходка состоялась на квартире-коммуне в районе Лефортово, в Демидовском переулке, в доме Шильдбаха, по-видимому, на квартире С. Я. Елпатьевского, которая была явочным пунктом землевольцев в Москве¹⁹. Сходка состоялась где-то в конце марта 1878 г. На ней присутствовали Саблин, А. и П. Ивановские, Н. Армфельд и др. радикалы, студенты, рабочие. «Изложив идеологию бунтарства, Плеханов завел живой спор с лавристами, которые в ответ напустились на него

с резкой критикой самой идеи бунтарства, называя вызовы постоянных бунтов крестьян в деревнях, к которым призывали бунтари, вспышкой, а не серьезным приемом агитации. Особенно кипятился Гамов (лаврост). Он, волнуясь, говорил о том, что вкоренять в крестьян идею о вечных бунтах под всяким предлогом — значит заранее погубить дело социальной революции, когда пробьет ее час. Плеханов сердился и забрасывал Гомова своими доводами со свойственной ему логичностью суждений, а также и полемическими софизмами, которыми изобиловала его речь. Он доводил Гомова до бешенства, но тот с яростью продолжал защиту своих тезисов. Образовались две группы спорящих, и шум поднялся такой, что с трудом слышно было говорящих. Гомов совсем охрип.

«Вы, верно, думаете вечно пробавляться пропагандой и никогда не переходить к действиям. Поговорите с мужиками, ведь редко какой из них почерпнул что-нибудь от вас. Когда же он увидит, как всякий бунт крестьян отражается и поднимает на ноги подлую деревенскую администрацию, часто заставляя ее идти даже на уступки, он поймет тогда, что ему надо делать», — волновались анархисты, тоже наступая на Гомова»²⁰.

Вместе с привлечением в свою организацию новых членов и пропагандой землевольческого бунтарства, а также связанной с ней критикой поздних лавристов, организация «Земля и воля» не упускала возможности вести агитацию, что считалось несравненно более важной формой деятельности. Агитация понималась как пропаганда действием, а революционное действие закаляет не только ум, но и волю. Поэтому землевольцы прибегали к агитации во всех случаях, когда они соприкасались с массой: во время похорон, суда над политическими и вынесения приговора, шествий, собраний и т. д.

27 декабря 1877 г. умер Н. А. Некрасов. Его поэзия оказала очень заметное влияние на революционное движение 60—70-х гг. Плеханов писал, что «интеллигенция не только зачитывалась стихами Некрасова, но и ставила его талант выше таланта Пушкина и Лермонтова: он давал поэтическое выражение ее собственным общественным стремлениям; его «муза мести и печали» была ее *собственной музой*» (т. 10, с. 387). Известно, что позже Плеханов несколько пересмотрел свое отношение к поэтическому таланту Н. А. Некрасова и уже не ставил его талант выше таланта Пушкина и Лермон-

това, но зато и позже подчеркивал, что «Некрасов явился поэтическим выразителем целой эпохи нашего общественного развития» (там же, с. 379). В поэзии Некрасова, отмечал Плеханов, впервые наиболее полно нашли отражение мысли и чувства народные, и основное внимание уделено изображению народного героя.

В похоронах поэта решили принять участие землевольцы. Вот как описывает похороны сам Г. В. Плеханов: «Как раз в то время... в Петербурге собралось немало виднейших представителей южнорусского «бунтарства». Тут находились Фроленко, Волошенко, Валериан Осинский, Чубаров («Капитан») и еще многие другие. Все это был народ «нелегальный», смелый, энергичный, прекрасно владевший оружием и весьма склонный к рискованным выступлениям. Заручившись содействием этих испытанных удальцов, общество «Земля и воля» решило открыто явиться на похороны в качестве революционной социалистической организации. С этой целью оно заказало венки с надписью: «От социалистов». Не могу припомнить, кем именно исполнен был этот заказ, но я хорошо помню, что он был исполнен. Вокруг социалистического венка тесным кольцом сомкнулись южнорусские бунтари и землевольцы вместе с членами рабочих кружков, уже весьма нередких тогда на разных петроградских фабриках и заводах. Бунтари и землевольцы захватили с собой револьверы, твердо вознамерившись пустить их в дело, если полиция вздумает отнять венки силой.

Не знаю почему — может быть, потому, что, слишком поздно догадавшись о намерении революционеров сделать демонстрацию, она не приготовилась к отпору, — полиция не сделала попытки захватить социалистический венок. Он благополучно достиг до Волкова кладбища²¹, и только в тамошней церкви, куда внесли тело Некрасова для отпевания, с нашим венком произошло какое-то замешательство.

Я не знаю в чем оно состояло, так как в церковь вошли только немногие из нас. Все же остальные — за исключением «сигнальных», которые должны были поднять тревогу в случае, если бы полиция захотела арестовать лиц, приставленных к венку, — отправились к приготовленной для Некрасова могиле и расположились около нее сомкнутыми рядами. Нам было известно, что у гроба Некрасова будут произнесены речи, и общество «Земля и воля» нашло нужным со своей стороны выдвинуть оратора, который должен был, не стесняясь присутствием тайной и явной полиции, высказать то,

что думала об авторе «Железной дороги» тогдашняя революционная интеллигенция. Выбор пал на пишущего эти строки. Я не помню, много ли ораторов говорило передо мной. Помню только, что в их числе были Засодимский и Достоевский.

Речь народника Засодимского преисполнена была высочайшим сочувствием к поэзии Некрасова. Мы вполне разделяли это сочувствие, однако, к речи Засодимского отнеслись довольно холодно. Она была неудачна по форме. У него все как-то выходило, что Некрасов нам «дорог, ибо симпатичен, и симпатичен, ибо дорог». И он никак не мог выбраться из заколдованного круга взаимодействия психологических мотивов. Зато речь Ф. М. Достоевского вызвала в наших рядах большое оживление... Между прочим он сказал, что по своему таланту Некрасов был не ниже Пушкина. Это показалось нам вопиющей несправедливостью.

— Он был выше Пушкина! — закричали мы дружно и громко²². Бедный Достоевский этого не ожидал. На мгновение он растерялся. Но его любовь к Пушкину была слишком велика, чтобы он мог согласиться с нами. Поставив Некрасова на один уровень с Пушкиным, но дошел до крайнего предела уступок «молодому поколению».

— Не выше, но и не ниже Пушкина! — не без раздражения ответил он, обернувшись в нашу сторону. Мы стояли на своем: «Выше! Выше!». Достоевский, очевидно, убедился, что нас не переговорит, и продолжал свою речь, уже не отзываясь на наши замечания». Видимо, одними репликами землевольцы ограничиться не захотели, и от имени молодежи небольшую речь произнес Плеханов. «Я оттенял революционное значение поэзии Некрасова, — пишет далее Плеханов. — Я указывал на то, какими яркими красками изображал он бедственное положение угнетаемого правительством народа. Отметил я также и то, что Некрасов впервые в легальной русской печати воспел декабристов, этих предшественников революционного движения наших дней... Каково бы ни было содержание моей речи, факт тот, что я говорил языком, недопустимым с точки зрения полиции. Это сразу почувствовала присутствовавшая на похоронах публика. Не знаю, по какой причине полиция не пыталась арестовать меня. Прекрасно сделала. Тесным кольцом окружавшие меня землевольцы и южнорусские бунтари ответили бы на полицейское насилие дружным залпом из револьверов. Это было твердо решено еще накануне похорон...

Так почтили тогдашние революционеры память своего любимого поэта, собравшись на его могиле»²³.

Не менее важной была деятельность Плеханова среди рабочих Петербурга зимой и весной 1877—1878 г. Как известно, самостоятельного значения рабочему классу землевольцы не придавали, считая его лишь частью трудового народа, притом — в смысле революционных стремлений — не самой лучшей. Чем ближе к крестьянской массе стоял рабочий, тем больше он ценился землевольцами. В этом отношении рабочие они делили на заводских и фабричных. Последние ближе стояли к деревне и им уделялось больше внимания. Однако обойти первых они тоже не могли, так как их революционная программа требовала использовать любое недовольство масс на почве имеющихся стремлений. А наиболее способными к организации и массовому выражению недовольства были именно заводские рабочие.

К таким относились рабочие казенного патронного завода на Васильевском острове. В то время завод был одним из самых передовых предприятий столицы, он дал в свое время основные кадры членов в тот кружок заводских рабочих, где в 1872—1874 гг. вели пропаганду «чайковцы». Рабочие на заводе выпускали свой рукописный журнал. В одном из документов III отделения, относящемся к марту 1877 г., сказано: «Нельзя пройти молчанием особенного значения для Петербурга военного патронного завода, рабочие коего, в свою очередь, наиболее подвергаются губительному влиянию агитаторов»²⁴.

7 декабря 1877 г. на патронном заводе произошел взрыв, в результате которого погибло девять рабочих. Виновано было заводское начальство, пренебрегавшее элементарными требованиями технической безопасности. Рабочие решили во время похорон погибших товарищей на Смоленском кладбище, состоявшихся двумя днями позже, устроить демонстрацию. Землевольцы и находившиеся в Петербурге южные «бунтари» приняли в ней участие.

С утра 9 декабря к зданию завода стали собираться сотни рабочих. В отличие от Казанской демонстрации выступить при виде тысячной, празднично одетой толпы землевольцы не осмелились. Она, как писал Плеханов, «показалась им слишком «буржуазною» (т. 3, с. 156), и они не рассчитывали встретиться с ее стороны сочувствия. Видимо, год спустя после Казанской демонстрации «агитировать» в любом случае они уже не решались.

Собравшись, рабочие двинулись к кладбищу. На всем пути их сопровождали городовые. После панихиды с речью к присутствовавшим обратился один из рабочих. Тогда на толпу бросилась полиция, чтобы разогнать ее и арестовать оратора. Однако рабочие и присутствовавшие на похоронах революционеры, которые по этому случаю были хорошо вооружены, дали ей решительный отпор. Окружив оратора тесным кольцом, рабочие вывели его за ворота кладбища и на извозчике отправили домой. В это время другая часть рабочих блокировала полицейских и не дала им возможности выйти за пределы кладбища. Особенно энергично набросились на полицейских, как вспоминал Аптекман, С. Халтурин, В. Осинский и Плеханов²⁵.

Так был учтен опыт полицейской расправы с участниками Казанской демонстрации. В результате демонстрация закончилась удачно, и «известие об этих похоронах в связи с столкновением с полицией имело большое агитационное влияние на рабочую массу»²⁶. Как отмечал Плеханов, она явилась второй после Казанской демонстрации практической попыткой осуществить агитацию среди петербургских рабочих. О. В. Аптекман называл ее «первой чисто рабочей и определенно революционной демонстрацией»²⁷.

Однако в большей степени, чем заводские, внимание землевольцев привлекали фабричные рабочие как наиболее податливый для агитации, с их точки зрения, слой рабочего класса. К тому же в конце 70-х гг. значительно усиливается стачечное движение фабричных рабочих, особенно текстильщиков, на базе которого землевольцы надеялись найти благодатную почву для осуществления своих планов.

Отстаивание самих по себе экономических требований рабочих, разумеется, не входило в программу землевольцев. Наоборот, чем хуже было экономическое положение рабочих, тем, как они считали, активнее и бескомпромисснее должно была быть их борьба против существовавшего экономического и социального строя. Уместно здесь привести следующие слова П. Б. Аксельрода: «Крайняя нищета и «чрезмерное рабство» масс казались наиболее могучими импульсами и необходимейшими условиями активного стремления народа к социалистической революции. Всякое улучшение в жизни трудящихся слоев рассматривалось поэтому как величайшее средство отклонения их от социалистических идеалов, а стремление к организации этих слоев для борьбы за подобные улучшения считалось чуть не изменой народному делу»²⁸.

Стачки должны были быть лишь средством развертывания революционной агитации. Однако вопреки программе землевольцам приходилось включаться в экономическую борьбу рабочих, во-первых, для налаживания революционных связей с народом, а, во-вторых, из-за конкуренции, которую они испытывали со стороны лавристов, пытавшихся использовать стачки в своих целях. И здесь надо отметить одну существенную черту, отличавшую землевольцев от лавристов. Экономическим стачкам они старались придать, если можно так выразиться, «политический характер», что сближает их с социал-демократами. Именно так следует понимать слова Плеханова о том, что в практической деятельности «социал-демократ вовсе не так далек от народника», что «в этом отношении у народника гораздо больше общего с социал-демократом, чем, например, с «народовольцем»²⁹ и, добавим, с лавристом. Правда, «политический характер» стачек сводился к стремлению отучить рабочих заниматься политикой и поэтому в теоретическом плане это означало «не развивать, а запутывать его классовое сознание» (т. 3, с. 140). В этом отношении землевольцы уступали лавристам, несмотря на непоследовательность последних, заключающуюся в том, что, «отрицая «политику», они с величайшим сочувствием относились к немецкой социальной демократии» (там же).

Хорошей иллюстрацией сказанного являются стачки текстильщиков 1878 и 1879 гг., особенно стачка на Новой бумагопрядильне, к которой Плеханов имел самое прямое отношение. Стачка началась 27 февраля 1878 г. Причиной ее явилось снижение поштучных расценок, приведшее к значительному уменьшению заработной платы. Рабочие прекратили работу, вышли на фабричный двор и потребовали директора³⁰. Вместо него явился частный пристав, но уговоры последнего начать работу ни к чему не привели. На следующий день на фабрику прибыл исполняющий должность градоначальника Петербурга генерал Козлов, которому рабочие заявили, что расценки были изменены без предварительного извещения рабочих, и поэтому они отказываются работать. В свою очередь, они выдвинули требования о сокращении рабочего дня с 13³/₄ до 11¹/₂ часов, об уничтожении одних штрафов и уменьшении других и т. д. Козлов обещал рабочим рассмотреть их требования и просил начать работу. Стачка продолжалась.

«На следующий день, — писал Плеханов, — все улицы вокруг фабрики были переполнены городовыми и отчасти

жандармами. Ночью разъезжали казаки и жандармские патрули для наблюдения за рабочими. Полиция, убежденная, вероятно, в том, что «сыр-бор загорелся» от подстрекательства, арестовала несколько рабочих и интеллигентов, показавшихся ей почему-то подозрительными, и вся вина которых заключалась в хождении по той улице, где находилась фабрика. Из них, впрочем, большинство на другой же день было выпущено из-под ареста» (т. 3, с. 425).

3 марта Козлову снова пришлось приехать на фабрику и уверить рабочих, что их требования будут выполнены: надо только подождать до 15 марта и приняться за работу. Работа возобновилась в понедельник 6 марта³¹. Однако новые правила, вывешенные на фабрике 15 марта, ничем существенным не изменяли положения рабочих. Тогда рабочие решили продолжать стачку и рядом с фабричными правилами вывесили свои требования. Этим они не ограничились. По их просьбе землевольцы составили прошение на имя наследника престола.

М. Р. Попов пишет, что идея о прошении возникла с самого начала стачки и принадлежала Плеханову, который при обсуждении вопроса о стачке в основном кружке высказался за немедленное превращение ее в уличную демонстрацию с подачей петиции наследнику. Был принят план Попова — продолжать стачку. Однако бунтарский дух, а также боязнь потерять рабочих, если бы администрация пошла на уступки, возобладали у землевольцев, и они поспешили с осуществлением демонстрации³².

Прощение было одобрено собранием рабочих, состоявшимся во дворе фабрики, и 16 марта 200 человек отправились к Аничкову дворцу. Их встретил Козлов, принял прошение, а затем потребовал разойтись. Помощи от цесаревича не последовало, зато усилились репрессии. Обессиленные рабочие, которым хозяева фабрики пошли на незначительные уступки, вынуждены были 20 марта прекратить стачку.

Можно согласиться с М. Р. Поповым, что такой исход стачки был неожиданным для землевольцев. Их устроило бы иное: разгон демонстрации или, на худой конец, расправа с теми, кто передавал петицию Козлову. Тогда можно было бы призывать рабочих к новой демонстрации, т. е. продолжать бунтарскую тактику. В этом смысле их мало устроила бы и победа рабочих в стачке.

А между тем, как позже писал Плеханов, по мере того как в отношении между рабочими и управляющим фабрикой

все больше вмешивалась полиция, землевольцам «представлялся прекрасный случай выяснить им великое значение политической свободы. Они хорошо запомнили бы наши слова, так как всякая общая мысль, схваченная ими во время таких движений, чрезвычайно прочно укрепляется в их головах. Но мы сами презирали еще тогда «буржуазную свободу» и сочли бы себя изменниками, если бы вздумали восхвалять ее перед рабочими. В этом заключалась самая слабая сторона нашей тогдашней «агитации». Возбуждая рабочих против «властей» и «государства», она не сообщала им определенных политических взглядов и потому не придавала сознательного характера их неизбежной борьбе против *современного полицейского государства*» (т. 3, с. 170).

Во время забастовки на Новой бумагопрядильне были арестованы группа студентов и рабочих, а также землевольцы Тютчев и Плеханов. Произошло это при следующих обстоятельствах. Стачка вызвала большое сочувствие среди студенчества и всей либеральной части общества. Не довольствуясь денежной помощью, оказанной рабочим, небольшая группа студентов захотела поближе познакомиться с бастовавшими рабочими. «Довольно взволнованные добрались мы до той улицы, где находилась фабрика, — вспоминал один из студентов. — Толпа рабочих запружала улицу, масса полицейских разгоняла и удерживала любопытную публику и заботилась о водворении «порядка».

Подойти к забастовщикам не было возможности. Мы решили пообжидать и вошли в трактир на одной из прилегающих улиц, полагая, что мы сможем в ней найти тоже рабочих с забастовавшей фабрики.

Пивная была почти пуста. За одним из столов, недалеко от нашего, сидел за стаканом пива какой-то индивидуум, тотчас же признанный нами за «шпику». Это подлое существо настораживало свои уши и поглядывало на нас довольно внимательно и нахально. Мы тоже осматривали этого субъекта.

— Проклятый шпики! — проговорил мой сосед, кажется, архитектор Бондарев (автор воспоминаний ошибся: то был студент горного института Бондырев. — А. Б.) шепотом, а потом вслух:

— Читал ты, Николай, в Ростове-на-Дону одному шпику вкатили на днях семь пуль!...

— Извините, господа, — прервал Бондарева шпики, не-

сколько поднимаясь со своего места и лукаво улыбаясь, — не семь, а одиннадцать.

Шпик встал, надел шапку и вышел на улицу.

Когда мы, несколько минут спустя, были тоже на улице чтобы снова попытаться пройти к бастующим рабочим, к нам подошел городской, приглашая «на минуточку» в участок.

Идти было недалеко: участок был как раз на этой же улице, несколько домов дальше»³³.

Так были арестованы автор приводимых воспоминаний сын профессора Петербургского университета Н. В. Васильев, студент горного института В. А. Бондырев и студент земледельческого института С. Г. Сомов³⁴.

После этого полиция стала хватать всех чем-либо напомиавших ей студентов. Случайно поблизости оказались Н. С. Тютчев и Плеханов, проходившие по улице, на которой находилась Новая бумагопрядильня. Они были арестованы как предыдущие трое студентов приведены в третий участок Александро-Невской части³⁵.

Автор воспоминаний продолжает: «Как только какой-то городской доставил их в участок, они стали громко и энергично требовать, чтобы был составлен протокол об их аресте.

Среди арестованных находился какой-то мещанин, за полчаса до ареста приехавший из Пскова в Петербург, вышел с вокзала со своим чемоданчиком, проходил недалеко от места стачки и был остановлен и отправлен в участок. Так чемоданчиком он и ходил между нами. Быстро ориентируясь в обстоятельствах этого псковского мещанина, один из громко протестовавших (это был Плеханов. — А. Б.) начинает снова свою кампанию.

— Господин квартальный надзиратель, посмотрите же вы хоть на этого человека. Он только что приехал из Пскова. И вот его держат здесь. Это право же возможно только нас!

И, горя негодованием, протестующий бегал сердито взад и вперед по комнате. Квартальный гладил себе бороду и, видимо, беспокоился»³⁶.

Это был не первый случай, когда при подобных обстоятельствах Плеханов проявил исключительную находчивость, самообладание, помогшие ему уйти от рук полиции. Продолжая возмущаться, он в то же время стал разыгрывать из себя лояльного обывателя, который не прочь отметить промах полиции. Увидав на столе в участке «новые правила», он обратил внимание околоточного на редакцию этих правил: «С

начала в них идет речь о двух грошевых уступках, а дальше следует ряд статей, возвещающих понижение заработной платы. Надо было сделать наоборот: сначала возвестить о понижении платы, а потом уже обрадовать рабочих уступками. Таким образом они заели бы горькое сладким». — «Что прикажете делать, — возразил околоточный с видом глубокой, но грустной покорности судьбе, — рабочему человеку всегда будет горько, этого вы не перемените» (т. 3, с. 166).

На следующий день, 3 марта, Плеханов вместе с остальными арестованными, кроме Н. С. Тютчева, был выпущен полицией с подпиской о невыезде из Петербурга.

В свое время в описании обстоятельств, позволивших Плеханову скрыться от полиции, между Е. Колосовым и Л. Дейчем возник спор по поводу якобы имевшей место передачи Н. С. Тютчевым своего нелегального паспорта Плеханову в момент их ареста. Е. Колосов, ссылаясь на рассказ А. Прибылева о передаче паспорта Плеханову³⁷, со своей стороны пытался подтвердить его тем, что фамилия, которая значилась в паспорте, оказавшемся у Плеханова, никому известна не была, ее забыл даже Плеханов. А Тютчев, найдя документы в III отделении, относящиеся к аресту задержанных на Обводном канале во время стачки 1878 г., против имени Максимова-Дружбина написал: «Это Г. В. Плеханов. — Запись сделана Н. С. Тютчевым 3 марта 1920 г.»³⁸. Л. Дейч же отрицал факт передачи Тютчевым нелегального паспорта на имя Максимова-Дружбина Плеханову, ссылаясь на самого Плеханова, который об этом факте ни устно, ни письменно никогда не упоминал.

Прежде всего вызывают сомнения некоторые детали в рассказе А. Прибылева. Так, он пишет, что во время ареста 2 марта 1878 г. перед Тютчевым и Плехановым «встал вопрос о переходе на нелегальное положение»³⁹. Отсюда видно, что Тютчев нелегальным еще не был; относительно же Плеханова это утверждение неверно: он уже был на нелегальном положении, что позволяет считать, что именно он имел нелегальный паспорт, а не Тютчев. Но главное, что опровергает утверждение Е. Колосова, заключается в том, что приведенную выше запись в документах III отделения Тютчев мог сделать и не зная фамилии, под которой скрывался Плеханов, так как все остальные были арестованы под своими фамилиями. Зная каждого лично, Тютчеву ничего не стоило под единственной неизвестной ему фамилией подписать: это Плеханов⁴⁰.

Освобождением студентов 3 марта дело, однако, не кончилось. Генерал Козлов, занимавшийся подавлением стачки на Обводном канале, в донесении шефу жандармов от 7 марта предложил выпущенных студентов выслать административно: Васильева и Бондырева в Архангельскую губернию, а Максимова-Дружбина и Сомова в Олонецкую, с отдачей всех их под строгий надзор полиции⁴¹. В последующие дни всех, кроме Плеханова, удалось разыскать и арестовать вторично⁴².

Плеханов остался необнаруженным. 16 марта 1878 г. Министерство внутренних дел отправило губернаторам секретный циркуляр о розыске скрывшегося из Петербурга дворянина Александра Сергеевича Максимова-Дружбина и препровождении его в столицу⁴³. А между тем, как писал Плеханов, он добросовестно исполнял обязательство о невыезде, «так как долго после этого не покидал Петербурга» (т. 3, с. 166).

Ко времени стачки относятся первые литературные выступления Плеханова в легальной печати, если не считать корреспонденции в «Русских ведомостях» об артели русских рабочих в Берлине. В газете «Новости» (1878, № 61, 62, 75, 81) Плеханов поместил хроникальные заметки о событиях на Новой бумагопрядильной фабрике. Писал он о стачке также в нелегальной газете «Начало», выходившей весной 1878 г. в Петербурге.

В начале 1878 г. в связи с «процессом 193-х» и процессами 1877 г. петербургская учащая молодежь собиралась провести демонстрацию. Землевольцы стояли за проведение демонстрации с подачей петиции министру юстиции графу Палену. По этому поводу на Петербургской стороне состоялась сходка. На сходке от землевольцев присутствовали Плеханов, О. В. Аптекман и Г. П. Преображенский. Присутствовал также И. Ф. Фесенко, которому как самому опытному пропагандисту предложили написать петицию на имя министра юстиции. Однако стиль прокламации не удовлетворил землевольцев и ее поручили написать Плеханову⁴⁴. Тот быстро справился со своей задачей, и типография «Земли и воли» отпечатала его прокламацию «Русская учащая молодежь министру юстиции графу Палену». В ней от министра юстиции требовалось соблюдения в отношении подсудимых того, «что называется неотъемлемыми правами личности»⁴⁵. Между тем по вопросу о форме передачи шли споры: одни хотели устроить демонстрацию, другие — подать адрес с подпи-

ями через выбранных лиц. В результате демонстрация не состоялась.

В апреле 1878 г. Плехановым была написана одна из лучших его прокламаций «К русскому обществу» по поводу оправдания 31 марта судом присяжных В. И. Засулич. Мужественный и самоотверженный поступок Засулич, стрелявшей в Трепова, чтобы обратить внимание русской и мировой общественности на беззаконие, творившееся в стране, был встречен всеми с восторгом. Критиков не было. В выступлениях перед молодежью и рабочими Плеханов с энтузиазмом отзывался об этом поступке.

Несмотря на активную деятельность Плеханова среди рабочих Петербурга, он, как и весной предыдущего года, не отказался от мысли попробовать свои силы в агитации среди крестьянства. Приближалось лето — лучшее время для работы в деревне. Прошло более года с тех пор, как появились первые поселения землевольцев в деревнях. Необходимо было подвести итоги работы и сделать соответствующие выводы. В апреле 1878 г. в Петербурге собрался Большой совет «Земли и воли». Основным на нем был вопрос о внесении изменений в программу общества в связи с практическим опытом, накопленным к тому времени. При обсуждении программы особый интерес представило Чигиринское дело, как наиболее значительный результат деятельности в деревне. Это была попытка поднять крестьян на восстание, используя подложный манифест, написанный от имени царя. В целом решено было позаимствовать тактику организаторов Чигиринского бунта, однако в отношении к авторитарному принципу, к которому прибегли Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч и И. В. Бохановский, мнения разделились. «...Подавляющее большинство не только отнеслось с полным сочувствием к приему, употребленному в Чигиринском деле, — писал Плеханов, — но и настаивало на том, что землевольцы должны применять этот прием в своей агитации на Волге» (т. 12, с. 352; см. также: т. 24, с. 123). Особенно настаивал на применении принципа самозванства в деле организации в народе боевых дружин В. А. Осинский, который, кроме этого, внес еще одно предложение: использовать экспроприации в целях дезорганизации правительственного механизма⁴⁶. Предложения Осинского в пользу усиления дезорганизаторской деятельности явились следствием роста настроений в пользу борьбы с правительством, как ответной меры на репрессии, обрушившиеся на революционную молодежь. Однако из-за

решительного противодействия О. В. Аптекмана и особенно Плеханова как первое, так и второе предложение Осинского было отвергнуто⁴⁷.

Выступая против использования авторитета царя в революционном деле, Плеханов в то же время в спорах с лавристами, имея в виду Чигиринское дело, отмечал, что «это была первая попытка создания массовой организации крестьян» и в этом видел «крупное ее значение»⁴⁸.

При обсуждении вопроса о внесении изменений в программу общества выяснилось, что существенных возражений редакция 1877 г. не вызвала. Как известно, программа была сформулирована еще в начале 1877 г. С. А. Харизоменовым на заседании, где кроме него и М. А. Натансона были представители от харьковско-ростовского кружка Ю. М. Тищенко, О. В. Аптекман и Н. П. Мощенко⁴⁹. Затем над теоретическим обоснованием программы по просьбе А. Д. Оболенева работал А. Ф. Михайлов, который, по его словам, написал целую тетрадь, отправленную им из Москвы в Петербург. Возможно, что с содержанием тетради перед обсуждением программы на Большом совете ознакомился Плеханов⁵⁰. Во всяком случае на этот раз письменно программу сформулировал Плеханов, которому пришлось уже однажды (в Саратове) заниматься этим. Разумеется, разработка землевольческой программы не была плодом деятельности двух-трех лиц. Наоборот, та форма, в которой она дошла до нас, говорит о том, что если не в разработке, то в обсуждении ее приняли участие многие. Несомненно, однако, что личный вклад Плеханова в ее разработку был не малым.

Больше времени потребовалось на обсуждение устава организации. В результате настойчивости А. Д. Михайлова устав был изменен в духе усиления централизации и конспирации.

Таким образом, программа общества «Земля и воля», принятая на заседаниях Совета весной 1878 г., продолжала ориентировать его членов на устройство поселений в деревнях. Но события, происходившие в столице, заставили многих землевольцев направить свои усилия в иное русло по сравнению с тем, какое определялось их программой.

31 марта при освобождении Веры Засулич, оправданной судом присяжных, состоялась демонстрация, во время которой полицией был застрелен студент Г. Сидорацкий. 4 апреля во время панихиды по Сидорацкому во Владимирской

церкви состоялся митинг, где была произнесена речь, а затем произошла демонстрация с участием до трех тысяч человек. А через несколько дней после этого стало известно, что по настоянию шефа жандармов генерала Н. Мезенцева царь отклонил ходатайство суда о смягчении приговора осужденным на каторгу по «процессу 193-х». Молодежь охватывало чувство мести.

В этой связи на заседаниях Совета «Земли и воли», по сведениям А. Ф. Михайлова, обсуждались некоторые практические вопросы, поставленные в повестку «злобой дня». В частности, он писал, что на одном из заседаний был оглашен проект обращения к обществу, написанный одной из осужденных по «процессу 193-х»⁵¹. Но поскольку проект не удовлетворил Совет, С. М. Кравчинский взялся написать другое воззвание. То, что он представил на следующий день, Адриан Михайлов называет «обвинительным актом против правительства»⁵². Обращение было отпечатано и выпущено 15 мая 1878 г. Им была объявлена война самодержавному правительству⁵³.

Землевольцы, находившиеся в Петербурге, поставили перед собой две задачи: во-первых, направить удар возмездия на шефа жандармов, ответственного перед обществом за суровый приговор, и, во-вторых, попытаться силой освободить осужденных на каторгу по «процессу 193-х».

Однако эти вопросы обсуждались при измененном составе Большого совета и тогда, когда Плеханова в Петербурге уже не было. Еще в начале апреля от своего близкого друга М. Р. Попова, уроженца Нижнего Дона, Плеханов узнал о вспыхнувших среди донского казачества волнениях и устремился туда.

Волнения, а в некоторых случаях открытые выступления казаков Войска Донского, были вызваны введением у них земства, которое значительно ограничивало казачье самоуправление и связано было с установлением дополнительных налогов и новыми правилами пользования общественными лесами и другими угодьями.

С согласия «Земли и воли» или, может быть, по заданию организации в апреле — начале мая Плеханов отправляется на Нижний Дон с тем, чтобы посетить станицы, где недовольство было особенно сильным. Он побывал в станицах Каменской, Луганской и некоторых других. Потом лично виденное и слышанное описал в двух корреспонденциях, опубликован-

ных во втором и третьем номерах «Земли и воли» под названием «Каменская станица».

Непосредственным поводом для волнений послужил новый порядок пользования общественными лесами. Раньше лес находился в общем пользовании всего казачества, жившего в данной местности. По новым правилам запрещалось пастись в лесу скот, устанавливался определенный порядок рубки леса, сбора лесных плодов и т. д. По далеко не полным данным, волнения охватили Донецкий, Усть-Медведицкий и Хоперский округа, а в округах преимущественно те станицы, где были леса.

Как в то время нередко бывало, среди местных жителей нашлись люди, которые восприняли положение, утвержденное царем 22 февраля 1877 г. как подложное, и, выступая на сходках, призвали станичников не выполнять его. Так, Хоперский окружной начальник докладывал войсковому атаману 29 марта 1878 г., что в станице Филоновской урядник К. Н. Мельников «позволяет себе ложно толковать людям незаконность высочайше утвержденного положения о сбережении лесов, относя такое к выдумке местных властей, окружного начальника и участковых заседателей, обещая людям тех и других поперевешать. Такие действия Мельникова настроили общество к сопротивлению и если не будут приняты строгие меры по преследованию людей, подобных Мельникову, то не предвидится никакой возможности ввести положение о сбережении лесов». В этом же документе сказано, что по инициативе Мельникова «общество обложило каждого паевого пятью копейками с той целью, чтобы деньги эти были собраны и употреблены на поездку Мельникова в С.-Петербург для ходатайства лично у государя императора по лесному делу»⁵⁴.

В станице Луганской в таком же духе выступали отставной есаул С. Е. Никитченков и коллежский регистратор Матвей Казмичев. О последнем сказано, что на станичной сходке 25 июля он «прочел гражданам высочайшую грамоту, содержание которой ими понято, что станичный лес будто бы должен находиться на старых порядках»⁵⁵.

Агитация против земства и нового положения о пользовании лесами, которой потом воспользовались приехавшие из Петербурга и других мест народники, дала хорошие результаты. Один из очевидцев событий писал в третьем номере «Земли и воли»: «Сами донцы великолепно понимают свое положение: их ничем не убедишь, что меры, предпринимае-

мые земством, действительно, клонятся к их пользе, так как самое земство, по их мнению, есть выдумка бар и притом — способ для «омужичения» их»⁵⁶. В результате подписать договоры о передаче лесов под земскую опеку почти все лесные станицы и хутора отказались. Особенно упорно держалась Луганская станица Донецкого округа, вся окруженная лесами. Дважды станичники не допускали лесоустроительную партию к таксационным работам. Войсковому атаману пришлось приказать станичному правлению «для наблюдения за порядком при производстве лесоустроительных работ выслать от подлежащих хуторов и самой станицы полицейских приказных»⁵⁷. Попытка властей действовать с помощью силы, опираясь на казцкую верхушку, встретила дружный отпор станичников. Урядникам даже пришлось ретироваться от набросившихся на них казачек. Казачий атаман вынужден был отказаться от своей должности, а затем был изгнан землемер, приехавший для размежевания леса.

Для того чтобы сломить сопротивление казаков, власти арестовали 30 человек, явившихся на суд в Каменскую станицу — административный центр Донского округа, и посадили в острог. В ответ на это казаки стали договариваться об организованном отказе платить земские налоги. Кроме этого, волнения усиливались из-за недовольства возвращающихся с турецкой войны казаков мошенничеством своего полкового начальства.

В событиях на Дону активное участие принял Плеханов. Вот что он сам писал в этой связи: «Когда в том же 1878 г. начались волнения донских казаков, то прежде всех нас проникший на Дон товарищ Р.⁵⁸, — правда, формально не принадлежавший к обществу «Земля и воля», но безраздельно сочувствовавший ему и принимавший его программу, — хотел обратиться к «Славному Войску Донскому» с революционным манифестом от царского имени. При этом он собрался выдать себя за царского посланца. Я очень часто встречался с ним именно в то время, — так как я сам принимал участие в агитации, — и я очень хорошо помню мои ожесточенные прения с ним по этому поводу. Мне стоило очень большого труда отговорить его от его намерения» (т. 12, с. 353).

Известно, что Плеханов вступил в непосредственные сношения с волновавшимися казаками и даже, как пишет Аптекман, намеревался приступить к организации боевых дружин, для чего им был вызван на Дон А. Д. Михайлов⁵⁹. Но,

по-видимому, дело до этого все же не дошло. Как писал сам Плеханов, А. Д. Михайлов был вызван для того чтобы «принять участие в движении казаков, организовавши, предварительно, особую организационную группу из местных «радикалов» (т. 1, с. 83).

В разгар событий Плеханов при участии местных казаков составляет прокламацию «Славному войску казацкому Донскому, Уральскому, Кубанскому, Терекскому и проч. и проч.» (теперь уже от имени революционной организации) и спешит в Петербург отпечатать ее в тайной типографии «Земли и воли». В пути он разминулся с А. Д. Михайловым и, получив в Харькове от С. Перовской адрес А. Н. Малиновской, явился в Петербург.

За несколько дней до его приезда, в ночь с 11 на 12 октября полиция произвела аресты в нескольких местах, в том числе и в доме Сивкова по Царскосельскому проспекту, где жили А. Н. Малиновская и М. А. Коленкина. Был арестован ряд организаторов и руководителей «Земли и воли», члены основного кружка: А. Обошешев (В. Сабуров), Ольга Натансон, Адриан Михайлов и др., взято паспортное бюро («небесная канцелярия») и захвачены корректуры еще не появившегося тогда № 1 «Земли и воли». Это был первый крупный провал организации.

Только случайно Плеханов не попал в руки полиции, устроившей засаду на квартире Малиновской. «Меня спасло одно, можно сказать совершенно непредвиденное, обстоятельство. Когда я на Николаевском вокзале в Петербурге заглянул в свой кошелек, то увидел, что у меня осталось не более двугривенного, а за эту цену извозчик не хотел везти на Царскосельский проспект, где находилась квартира Малиновской. Пришлось ехать на Малую Итальянскую к покойному теперь А. А. Ольхину, который, услышав от меня, почему я не поехал на Царскосельский проспект, с пафосом воскликнул: «Ваше безденежье спасло вас от ареста!» (т. 24, с. 303).

Пришлось прежде всего заняться организационными делами. Известно, что организаторская деятельность — не самая сильная сторона Плеханова. Однако нельзя, как порой делается в литературе, слишком умалять это качество Плеханова. При необходимости ему приходилось брать на себя организаторские функции. Так было осенью 1878 г., когда он, по справедливому замечанию Дейча, «проявил большую сообразительность и дальновидность», благодаря которой провал не распространился на другие места.

Прибыв в Петербург, Плеханов узнал, что оставшиеся на свободе землевольцы находились в полной дезорганизации: у них не было ни денег, ни паспортов, ни конспиративных явок. Еще хуже было то, что, проявив непростительную халатность, объясняющуюся отчасти незнанием адресов (сношениями с провинцией до ареста занимался А. Обошешев), они не известили провинциальных товарищей о провале, а те, не зная о нем, посылали людей, в том числе и нелегальных, на квартиры, находившиеся в руках полиции. Это грозило разгромом провинциальных организаций «Земли и воли». При встрече с С. М. Кравчинским, как вспоминал Плеханов, ему удалось настоять на «немедленном исправлении этой оплошности» (там же). Временно центральная явка была переведена на квартиру В. Ф. Трошанского, и в Петербург был спешно вызван А. Д. Михайлов.

Но в ночь на 31 октября полиция напала и на эту квартиру. Трошанский был арестован с поличным: он занимался расшифровкой писем В. Осинского. На следующий день в засаду, оставленную на этой квартире, попал А. Д. Михайлов и чуть было не попал Плеханов. Выручило Плеханова то, что Михайлов, которому удалось бежать от сопровождавшей его в участок стражи, немедленно явился на Малую Итальянскую улицу на квартиру присяжного поверенного Ольхина и предупредил Плеханова о новом провале⁶⁰.

В конечном итоге усилиями А. Д. Михайлова, Плеханова, С. М. Кравчинского и др. был создан новый центр, и деятельность организации постепенно возобновилась. Заслугу А. Д. Михайлова в деле восстановления центра «Земли и воли», которую Плеханов называл «одной из самых главных заслуг его перед русским революционным движением» (т. 1, с. 83), частично разделяет он сам.

Время от осени 1878 до весны 1879 г. было для Плеханова заполнено интенсивной практической работой. Он занимался восстановлением центра организации, принял участие в студенческом движении, ведя агитацию во время студенческих сходов и составляя петиции и прокламации. Но главной была деятельность среди петербургских рабочих и участие в редактировании регулярного печатного органа, который начал выходить с осени 1878 г., журнала «Земля и воля».

Не забыл Плеханов и о донских казаках. В тайной землевольческой типографии ему удалось отпечатать воззвание, составленное еще на Дону, «Славному войску казацкому...». Но ехать самому на Дон не было никакой возможности, по-

этому Плеханов попытался привлечь к этому делу петербургскую молодежь. Молодежь, ослепленная примерами В. Засулич, С. Кравчинского, заколовшего 4 августа 1878 г. шефа жандармов Мезенцева, и др., все больше начинала склоняться к террористической деятельности, и найти охотников не удалось. «Эта молодежь, — вспоминал Плеханов, — насквозь проникнутая народничеством, с приятным удивлением слушала мои рассказы о казацких волнениях и вполне соглашалась с тем, что революционеры непременно должны воспользоваться этими волнениями. Но, несмотря на это, на Дон все-таки никто из петербургских революционеров не поехал (т. 24, с. 98). Аптекман писал, что Плеханов долго не мог смириться с этой неудачей. «Что это за люди? Нет характеров, нет темперамента, на словах на все готовы, а как к делу подходит вплотную — на попятный двор и в подворотню... дисциплины нет... ни знания, ни выдержки..., а вот на террор, на минутный порыв их явятся сотни. То ли рабочие?!...»⁶¹ Все же Плеханову удалось связаться с харьковской молодежью и оттуда вскоре на Дон отправилось несколько человек.

Но было уже поздно. Продержав 30 луганских казаков в Каменском остроге до конца ноября и не сломив их, власти решили прибегнуть к другому способу действия: узнать от одного шпиона из отставных офицеров всех зачинщиков бунта и потребовать от них, чтобы они уговорили казаков согласиться на новые правила пользования лесами. В противном случае всем 150 дополнительно арестованным грозили высылением в Сибирь. Так как рассчитывать на помощь других станиц было нечего, арестованные после колебаний согласились подписать договор об отдаче леса.

В своей второй корреспонденции «Каменская станица» Плеханов приходил к выводу, что, поскольку причина недовольства остается, можно ожидать от казачества нового, более сильного выступления в будущем. «...Я думаю, — писал Плеханов, — что нам, быть может, придется еще увидеть эпилог только что закончившейся драмы», который «будет интереснее самой драмы, хотя бы потому, что разыгрывать его будут не новички» (т. 1, с. 40). Этим практически заканчивается бунтарская деятельность Плеханова в деревне.

Вместе с восстановлением землевольческого центра Плеханову пришлось включиться в студенческое движение. Впервые, молодежь его интересовала в качестве смены для тех землевольцев, которые вынуждены были покинуть деревню,

во-вторых, в происходивших студенческих беспорядках на его долю выпало составление петиций и прокламаций.

Осенью 1878 г. на почве отставания своих корпоративных прав произошли серьезные студенческие волнения. Начались они в Харькове и вызваны были инцидентом студентов ветеринарного института с профессором Журавским, школярски устроившим им еженедельные репетиции (опросы). Сначала их поддержали студенты Харьковского университета, а затем харьковская учащаяся молодежь обратилась с воззванием к студентам столичных учебных заведений. В Петербурге на призыв харьковчан особенно горячо откликнулись студенты университета и Медико-хирургической академии. Студенты академии по прочтении воззвания решили на следующий же день отправиться к дворцу наследника, чтобы протестовать против преследования харьковских студентов и просить об изменении существующего устава высших учебных заведений. Петиция медиков была написана Плехановым⁶².

Утром 29 ноября несколько сотен студентов отправились через Воскресенский мост к центру города. Их пытались задержать: хотели развести мост, но не успели. На одной из улиц им преградили путь войска, но студенты смогли обойти их. Выйдя через Литейную на Невский, они повернули к Аничкову дворцу. У дворца их встретил градоначальник Зуров и, взявши прошение, обещал дать ответ в трехдневный срок, но обещания не выполнил.

На следующий день сходка студентов Медико-хирургической академии была разогнана полицейскими нагайками, много студентов было избито, а 130 человек было арестовано. Несмотря на это 1 декабря состоялась новая сходка студентов-медиков, на которую собралось 900 человек. Ни угрозы полиции, ни уговоры Зурова не помогли. Студенты требовали освобождения арестованных товарищей и изменения студенческого устава.

Прокламация «Студентам всех высших учебных заведений», написанная по этому случаю Плехановым, призывала студентов всех учебных заведений Петербурга и провинций продолжать начатую борьбу, а для этого создать денежные фонды для ведения агитации и прекратить слушание лекций⁶³. После этого «Землей и волей» было выпущено еще несколько листовок в связи с выступлениями студентов, которые не прекращались и позже. По неполным данным, в декабре 1878 г. за участие в студенческих беспорядках только в Харькове было исключено и выслано под надзор полиции

15 студентов ветеринарного института и 5 студентов университета⁶⁴. Кроме Харькова и Петербурга в 1878 г. студенческие выступления были также в Киеве и Москве.

Оживлялось либеральное и земское движение, достигшее своей высшей точки весной 1879 г. перед покушением А. Соловьева на царя. Это свидетельствовало о расширении русла революционной борьбы и увеличивавшейся изоляции правительства со стороны «общества».

К осени 1878 г. относится организация сети землевольческих конспиративных квартир по связи, пропаганде и агитации среди петербургских рабочих. Квартиры были созданы через Розалию Марковну Боград, предложившую свои услуги в деле их создания землевольческому центру. С весны 1879 г. она становится женой Плеханова.

Р. М. Боград родилась 3 мая 1856 г. в семье земледельцев-колонистов в Херсонской губернии. Затем родители переехали в г. Херсон. Там она училась в частной гимназии. В 1869 г. в Херсоне образовался кружок из гимназистов и гимназисток, занимавшихся чтением социалистической литературы. Кружок установил связь с петербургскими народниками. В 1872 г. члены кружка познакомились с первой программой деятельности в народе, то была программа П. Л. Лаврова⁶⁵. Неизвестно, принадлежала ли Розалия Марковна к кружку, но, по крайней мере, с некоторыми членами кружка и их близкими она была знакома.

После окончания гимназии она в 1874 г. приезжает в Петербург и становится сначала студенткой Высших женских медицинских курсов при Военно-медицинской академии⁶⁶, а затем — женской медицинской школы при Николаевском госпитале. В первую же зиму 1874—1875 гг. Розалия Марковна примкнула к лавристскому кружку в Петербурге, что свидетельствует о ее предыдущих связях с лавристами. В кружок тогда входили: студент-медик С. В. Дегтярев (позже один из редакторов газеты «Начало»), студенты университета С. И. Сергеев и Л. И. Котелянский, ее землячка по Херсону С. П. Чудновская, О. Ф. Анисьина и Е. А. Реброва.

Плеханова она впервые увидела в одной из петербургских читален осенью 1876 г.: «Я увидела молодого человека среднего роста, стройного, с интеллигентным лицом, правильным профилем, с красивой шапкой зачесанных назад каштановых волос»⁶⁷.

Летом 1877 г. в качестве фельдшерицы Р. М. Боград ездила в с. Широкое Самарской губернии, где вела пропаган-

ду и ознакомилась с настроением местного крестьянства. Из поездки она вынесла мнение, что крестьяне далеки от социалистических идеалов. В этот период идейных разочарований и происходит ее знакомство с Плехановым. Это было в декабре 1877 г. на квартире-коммуне в доме Николаева на 8-й улице Песков, где она жила со своими подругами-курсистками. «В этот первый вечер, — вспоминала Розалия Марковна, — Георгий Валентинович засиделся за полночь, и мы вели беседу о работе в народе; я передала свои впечатления, свежеснесенные из недавнего пребывания в деревне; о работе среди молокан... высказала свои сомнения относительно плодотворности социалистической пропаганды и, в особенности, агитации среди молокан и т. д. Георгий Валентинович не соглашался со мной, говорил с глубокой верой и большой убежденностью об идейной восприимчивости народа... Георгий Валентинович произвел на меня сильное впечатление блеском своего ума, остроумием и убежденностью»⁶⁸.

Летом следующего года в течение двух месяцев она служила в военном госпитале в Буззо в Румынии (только что закончилась русско-турецкая война), потом возвратилась в Петербург. К этому времени относится создание конспиративных квартир.

Р. М. Плеханова рассказывает, как осенью 1878 г. на квартиру, где она жила с приятельницами, явился бежавший из ссылки Н. Мухачев с рекомендательным письмом от рабочего Василия Кириллова, которого она хорошо знала, и предложил им войти через него в сношения с петербургскими рабочими, связи с которыми у него имелись почти на всех фабриках и заводах города. Предложение это было передано через А. Д. Михайлова организации «Земля и воля». «Несколько дней спустя, — сообщает Р. М. Плеханова, — явился в мою квартиру Александр Михайлов в сопровождении Г. В. Плеханова, которых организация «Земли и воли» часто делегировала для завязывания сношений и пропаганды среди молодежи. Волнуясь, я развила перед этими, еще молодыми, но уже испытанными революционерами наш план организации петербургских рабочих...

Наш план был таков: завести по возможности во всех рабочих районах свои конспиративные квартиры, поселив в них хозяек из интеллигенток, ходивших в народ и, следовательно, умевших подойти к рабочему, не вызывая в нем подозрения. На этих квартирах должны были поселиться уже распропагандированные рабочие, чтобы привлекать туда

своих малосознательных товарищей. Среди моих приятельниц, как мне казалось, были подходящие для этого лица.

План наш был одобрен делегатами от «Земли и воли». По конспиративным соображениям на свиданиях с делегатами были только я и Софья Присецкая⁶⁹.

Первая конспиративная квартира была устроена на Выборгской стороне, хозяйкой ее стала вызванная из Орловской губернии О. Е. Кутузова, впоследствии Кафиеро, жена известного итальянского революционера-бакуниста. Потом появилась квартира на Петербургской стороне, хозяйкой которой стала приехавшая в феврале 1879 г. в Петербург А. В. Якимова⁷⁰. Затем устроили квартиру в центре города, на Екатерининском канале, где хозяйкой была О. Н. Присецкая. Квартира на Екатерининском канале являлась центральной и служила как бы штабом для всех остальных, на ней собирались руководители конспиративных квартир для совещаний, формулировались требования рабочих и составлялись прокламации. На квартире имелся также небольшой склад оружия. Собраний рабочих на ней, как правило, не проводилось. Всего, как сообщает Р. М. Плеханова, было организовано пять конспиративных квартир, существовавших до апреля 1879 г.

Руководство районными кружками рабочих осуществляли Плеханов и А. Д. Михайлов, нередко посещавшие центральную квартиру. «Особенно часто, — вспоминала О. Н. Присецкая, — бывал Георгий Валентинович. Он приходил, переодевался в рабочий костюм, — для этого в квартире было несколько костюмов, — и шел на завод и в рабочие кружки. Возвращался довольно поздно, чтобы переодеться»⁷¹. В районных кружках с рабочими занимались С. Г. Ширяев, О. В. Аптекман, Н. Мухачев, Н. В. Шмеман, Н. Д. Гутерман и некоторые другие.

О цели, которую ставили землевольцы, создавая рабочие квартиры, Р. М. Плеханова писала: «Мы старались развивать классовое сознание рабочих, говорили о противоположности их интересов с интересами хозяев, разъясняли рабочим теорию прибавочной стоимости К. Маркса»⁷². Но ясно, что этим задача далеко не ограничивалась. Хотя рабочим, действительно, разъяснялись брошюры и статьи, читались рефераты и даже Плеханов, как отмечал Аптекман, прочитал ряд лекций по истории революционных движений в России, главное заключалось не в этом. На следствии С. Ширяев говорил, что кружки создавались «со специальной целью агитации среди петербургских рабочих, поддержания стачек, ус-

тройства отдельных мелких рабочих кружков в разных частях города, образования частных кружковых касс и общего стачечного фонда и пр.»⁷³. Именно поэтому устройство квартир совпало с усилением стачечного движения в Петербурге, несомненно, это было следствием деятельности землевольцев. Факты подтверждают это.

В конце августа 1878 г., когда Плеханова в Петербурге еще не было, произошла стачка рабочих на фортепианной фабрике Беккера. Бастовало около 40 человек. Рабочие требовали повышения зарплат. Через три дня их требования были удовлетворены.

24 и 26 сентября 1878 г., также еще до возвращения Плеханова с Дона и до создания конспиративных квартир, произошли забастовки на табачных фабриках Мичри и бр. Шапшал. На фабрике Мичри стачка началась с понижения расценок работникам. Сорвав объявление администрации, где говорилось о новых расценках, работники отказались работать и просили приказчика принять от них инструмент, с помощью которого они набивали папиросы. Тот грубо отказал им. Тогда они стали выбрасывать инструмент и даже скамейки в окна фабрики. Явившийся на фабрику хозяин согласился с требованиями рабочих.

На табачной фабрике Шапшал 26 сентября было вывешено следующее объявление: «Мастерицам табачной фабрики Шапшал. Сим объявляю, что, по случаю остановки сбыта товара, я сбавляю с каждой 1000 папирос по 10 к. Шапшал». Мастерицы немедленно сорвали его и вывесили свое следующего содержания: «Хозяину табачной фабрики Шапшал. Мы, мастерицы вашей фабрики, объявляем, что не согласны на сбавку, потому что и так от нашего заработка не можем порядочно одеться. Мастерицы вашей фабрики» (т. 3, с. 173, 174). Уговоры приказчика не помогли. Хозяину пришлось уступить работникам.

29 ноября 1878 г. произошла забастовка на прядильной фабрике Кенига за Нарвской заставой. Поводом послужила замена женщин на сортировке фабричных отходов малолетними рабочими, которых заставили выполнять и прежнюю работу. Мальчики заявили, что не будут выполнять и ту и другую работу одновременно. Их поддержали все другие рабочие фабрики. Началась стачка. Как обычно, в дело вмешалась полиция. Рабочие 2 декабря ходили с прошением к наседнику, но передали ее градоначальнику. «Хотя на этой фабрике совсем не велась революционная пропаганда, — писал

Плеханов, — но стачечники с первого же дня забастовки решили сойтись со «студентами», и отправили нескольких человек на Обводный канал разузнать, как можно найти этих людей, «помогающих рабочим». Хождение к наследнику было предпринято с ведома революционеров и предпринято больше так себе, на всякий случай, чтобы окончательно убедить всех колеблющихся и сомневающихся, если бы оказались такие между стачечниками» (там же, с. 171). Стачка кончилась расчетом рабочих с фабрики. «Петербургские революционные рабочие кружки, — отмечал Плеханов, — постарались пристроить их на других фабриках» (там же, с. 172—173).

С начала 1879 г. стачечное движение приняло в Петербурге небывалые до того размеры. После стачки февраля-марта предыдущего года брожение на Новой бумагопрядильне полностью так и не улеглось⁷⁴. «С тяжелым сердцем уступив полицейскому насилию, — писал Плеханов, — рабочие Новой бумагопрядильни говорили нам, что они покоряются не на долго и при первом же удобном случае опять забастуют» (там же, с. 174).

Действительно, уже 8 ноября 1878 г. рабочие бумагопрядильни на работу не вышли, ссылаясь, что на праздник (Михайлов день) работать грех. На других фабриках работа шла как обычно. Фабричная администрация решила увеличить рабочий день с 13 до 13¼ часа на то время, пока рабочие до полной работы не возместят день, который они прогуляли. Два дня фабрика работала на этих условиях, но на третий день кто-то завернул газопроводный кран. Работа прекратилась, рабочие разбили стекла, испортили основу, но виновников найти не удалось. Этим, казалось, все и закончилось.

Но через два месяца после этого, 15 января 1879 г., на фабрике было вывешено объявление об увольнении 44 рабочих как виновников предшествовавших беспорядков. В ответ рабочие прекратили работу и выработали следующие требования: 1) возвратить на работу всех уволенных рабочих, 2) повысить зарплату на 5 коп. за кусок ткани, 3) сократить рабочий день на 2½ часа, 4) не брать штрафы за поломки «вилок», так как их поломка неизбежна при работе, 5) при сдаче готовой продукции (т. е. полотна), кроме браковщиков должны присутствовать выборные от рабочих, 6) уволить несколько ненавистных мастеров и подмастерьев, 7) за время стачки выплатить зарплату.

На следующий день к новоканавцам, как называли ра-

бочие Новую бумагопрядильню, явились делегаты с фабрики Шау и предложили выработать общие требования. В результате были выработаны отдельные требования для рабочих фабрики Шау, так как условия труда были там еще хуже, чем на Новой бумагопрядильне.

О работе, которая проводилась на центральной конспиративной квартире, Р. М. Плеханова вспоминала: «Я помню тайное собрание на квартире, на котором присутствовали представители рабочих от всех этих учреждений. С рабочими беседовал Георгий Валентинович: расспрашивал их об их требованиях и формулировал их. Настроение рабочих было энергичное, боевое. Было даже предложено одним рабочим фабрики Шау инсценировать маленький террористический акт, вроде небольшого пожара, чтобы напугать фабриканта и сделать его более уступчивым. Но от этого мы все отговорили «буйную головушку» рабочего. Помню, что требования рабочих бумагопрядильни на Обводном канале и фабрики Шау, приведенные в статье Георгия Валентиновича «Русский рабочий в революционном движении», были сформулированы Георгием Валентиновичем на нашей конспиративной квартире»⁷⁵.

Кроме того, за материальной помощью для беднейших стачечников решили обратиться к рабочим всех фабрик и заводов Петербурга. А поэтому в типографии землевольцев была напечатана прокламация «От ткачей Новой бумагопрядильни, что на Новой канаве, к рабочим всех фабрик и заводов». Одновременно была отпечатана прокламация «От рабочих фабрики Шау всем Петербургским рабочим». Прокламации были разбросаны на многих фабриках и заводах. Так, только Р. М. Плехановой пришлось разносить прокламации с призывом поддержать стачечников за Невскую заставу, на фабрику Торнтон, на Охту, на табачную фабрику Шапшал, на взморье к одному из заводских рабочих.

По мере расширения забастовочной борьбы стали усиливаться преследования полиции. В ночь с 16 на 17 января было арестовано несколько человек рабочих фабрики Шау и Новой бумагопрядильни. Представители от обеих фабрик решили требовать освобождения арестованных. Они выработали заявление и с ним отправились к градоначальнику. По дороге в районе Фонтанки их остановили конные жандармы. Произошла стычка, во время которой рабочие защищались, как могли. П. А. Моисеенко кинжалом ранил лошадь насканивавшего на него жандарма. Но силы были неравными. В

результате пострадало несколько человек, которых отвезли в больницу, других арестовали.

Прошли аресты рабочих по квартирам, где они жили. От домовладельцев, квартирных хозяев, а также лавочников требовали, чтобы они настаивали на уплате рабочими всех долгов. Такими средствами стачки были подавлены. Часть рабочих рассчитали, часть была арестована и административно выслана, другие приступили к работе.

В результате распространения прокламаций заволновались рабочие еще нескольких фабрик (фабрики Мальцева, Чешера, на Охте и др.). Плеханов рассказывает, что как-то ему, как члену редакции «Земли и воли», передали конверт с надписью: «Господину редактору». В нем он нашел воззвание, озаглавленное: «Голос рабочего народа, работающих и страдающих у подлеца Максвеля». В нем в наивной, но непосредственной форме говорилось о тех притеснениях, которые испытывают рабочие на фабрике Максвеля, и содержалось обращение к остальным петербургским рабочим поддерживать их во время стачки. Воззвание заканчивалось словами целиком заимствованными из прокламации, напечатанной по поводу январской стачки на Новой бумагопрядильне. «Эти слова: «будем же твердо стоять каждый за всех и все за каждого», — пишет Плеханов, — как видно, хорошо выразили тогдашнее настроение петербургских рабочих, потому что после неизменно повторялись ими во всевозможных случаях их борьбы с полицией и предпринимателями» (т. 3, с. 181)⁷⁶

Судя по агентурным сведениям, Плеханов продолжал поддерживать контакты с волновавшимися рабочими до марта. В одном из жандармских донесений говорилось, что он бывает в д. Емельяновке за Нарвской заставой в доме № 2 у студентов Александра Шадрина и Михаила Садовникова работающих на заводе Путилова и занимающихся там пропагандой. Указывалось, что он был у них на неделе дважды первый раз с девицей (по-видимому, с Розалней Марковной) второй раз один⁷⁷.

Конец 1878 и начало 1879 г. (до апреля) можно считать расцветом деятельности землевольцев среди петербургских рабочих. Ни до этого, ни после, в период деятельности двух организаций «Народной воли» и «Черного передела», она не была столь значительной. Это сказывалось на изменении взглядов некоторых землевольцев — и прежде всего Плеханова — на значение рабочего движения. «Вопрос о городском рабочем, — писал Плеханов в № 4 «Земли и воли», — при-

надлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнь, самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей» (там же, с. 181—182).

Глава 4

КРИЗИС «ЗЕМЛИ И ВОЛИ» И Г. В. ПЛЕХАНОВ

Двухгодичный опыт устройства деревенских поселений так же, как предшествовавший ему период «хождения в народ», не дал тех результатов, на которые рассчитывали землевольцы. Как бы ни оценивать причины неудачи (коренившиеся, по мнению одних современников, в усилении полицейских преследований, по мнению других, в инертности крестьянства), итогом ее было заметно усиливавшееся разочарование все большего числа землевольцев в революционных возможностях самого народа. А это, несомненно, ускоряло распад деревенских поселений.

Вторым не менее важным итогом указанного периода явилось превращение так называемой «дезорганизаторской деятельности» землевольцев, игравшей до того подчиненную роль и выражавшейся в актах самозащиты и мести, в определенную систему политических убийств. Жизнь брала свое, и бунтарство логически приводило землевольцев к постановке вопроса о значении политической борьбы.

С осени 1878 г. «Земля и воля» вступила в полосу кризиса. Начался новый, считая со времени появления землевольчества, пересмотр программы и тактики. В отличие от 1875—1876 г., когда формировалось землевольчество, критика носила более глубокий характер и привела в конечном итоге к отходу сначала части, а затем и всего землевольческого направления от анархизма.

Говоря о Плеханове в связи с кризисом «Земли и воли», необходимо прежде всего отметить его работу в качестве редактора нелегального журнала «Земля и воля». Как теоретик он занимался дальнейшей разработкой землевольческого народничества. В этом плане его особенно интересовали вопросы, связанные с условиями существования и возможным развитием поземельной общины как экономической основы социалистического будущего крестьянства, а также «рабочий вопрос», все настоятельнее выдвигавшийся практикой,—

вопрос о роли рабочих в будущем социальном преобразовании России.

В связи с усилением террористических настроений внутри «Земли и воли» выдвигалась еще одна задача, которую пришлось решать Плеханову. Она заключалась в определении своего (а для Плеханова это означало землевольческого) отношения к актам террористической борьбы, которые принимали все более выраженный политический характер. Особенно это обозначилось во время полемики по поводу готовившегося А. К. Соловьевым покушения на царя.

Разработка проблемы общины, роли рабочего класса, а также практическая деятельность Плеханова среди петербургских рабочих двигали вперед его политическое развитие, что же касается его участия в полемике по поводу террора, то надо сказать, что она на время отвлекла его от эволюции в сторону признания «политики», но вместе с тем помогла выяснить те противоречия, которые лежали в основе сочетания старых народнических взглядов с политическим террором. Период этот для Плеханова заканчивается выходом его на Воронежском съезде из «Земли и воли» и защитой старой землевольческой тактики.

Острее всего кризис организации в связи с переходом к политическому террору отражался на деятельности основного кружка и редакции «Земли и воли», составлявшей как бы ядро центра. В конце 1878 г. даже постороннему наблюдателю бросался в глаза разлад среди руководителей «Земли и воли», находившихся в Петербурге. Это отмечала, в частности, В. Н. Фигнер, приезжавшая в Петербург в декабре 1878 г.

Положение в редакционном деле после восстановления центра складывалось следующим образом. Новый номер «Земли и воли», несмотря на отобранные полицией корректуры, благодаря усилиям главным образом С. М. Кравчинского в середине октября в основном был готов. Затем по предложению Кравчинского в редакцию был привлечен Д. А. Клеменц, незадолго до того приехавший из-за границы. Он помог Кравчинскому закончить работу над журналом. 25 октября вышел первый номер «Земли и воли». Затем по настоянию товарища Кравчинский, разыскиваемый полицией по делу об убийстве шефа жандармов генерала Мезенцева, покидает Россию, и редакцию кроме Клеменца и Н. А. Морозова включает Плеханов, а несколько позже Л. А. Тихомиров. Впрочем, относительно Плеханова имеются указания о намерении включить его в редакцию много раньше: с возникновения мысли об из-

дании нелегального органа. М. Р. Попов даже писал, что для этого Плеханов был вызван в 1877 г. из-за границы².

Таким образом, почти с самого начала выхода «Земли и воли» получилась следующая картина: теоретически обобщать и направлять землевольческое движение пришлось людям довольно различным по своим взглядам. Журнал не мог сколько-нибудь последовательно отражать эволюцию собственно землевольчества, так как в его редакцию вошли люди, до этого землевольцами не являвшиеся. Поэтому развитие землевольчества, каким оно отразилось на страницах журнала, имело сложную схему. В нем надо выделить эволюцию собственно землевольчества, какой она представляется прежде всего в статьях Плеханова, и нанизанную на нее и тоже изменяющуюся идеологию, шедшую от различных сторонников политической борьбы с различным ее пониманием. Все вместе взятое и давало такую пеструю картину, приводящую исследователя в недоумение: как можно в одном органе в одно и то же время высказывать столь противоположные взгляды?

Еще до выхода «Земли и воли» имелись разногласия между Плехановым и Морозовым. Последний вступил в организацию вместе с С. Л. Перовской, О. С. Любатович, Л. А. Тихомировым и др. в период восстановления «Земли и воли» после разгрома конспиративной квартиры Малиновской. Начав свою революционную деятельность во время подготовки, а затем «хождения в народ», Морозов, просидев в тюрьме и будучи освобожден по Большому процессу, к осени 1878 г. вполне определенно склонялся к террористической деятельности, понимая ее очень своеобразно как систему «неопартизанства», как «революцию в настоящем», т. е. практически признавал террор единственно пригодной формой деятельности. Правда, только с оформлением редакции «Земли и воли» и с приездом в Петербург М. Р. Попова, А. А. Квятковского и некоторых других разногласия между Плехановым и Морозовым принимают серьезный характер. Хотя программ «Земли и воли» Морозов, вступая в организацию, несомненно, знал, но разделять ее требования он, по существу, не мог. Во-первых, потому, что не входил в организацию в период становления и развития ее программы, а во-вторых, потому, что фактически от выполнения ее требований отказывалась часть основателей и руководителей организации, переходившая на сторону террора. О редакторах журнала Морозов писал: «...Все мы оказались в то время имеющими очень

мало общего между собою и по теоретическим воззрениям, и по вопросу о средствах, какие мы считали пригодными для освобождения своей родины»³. Для Морозова народническая идеология была уже «трафаретными фразами», продуктом «экзотической эмигрантской среды». «Я чувствовал, что был в это время в окружающей среде почти одинок в идеологическом отношении», — писал он⁴. Это не совсем верно в отношении к окружающей среде, но верно относительно землевольческой идеологии.

То же самое надо сказать о Л. А. Тихомирове, с той лишь разницей, что, не имея глубоких внутренних убеждений, он занимал промежуточную позицию между Плехановым и Морозовым. «Теории социалистов я уже знал в это время, — писал позже Тихомиров, — но не был ни за одну, хотя все-таки считал себя социалистом. Мой социализм, в сущности, сводился к государственной регуляции частной собственности»⁵. Что касается Д. А. Клеменца, то он также привлекался по «процессу 193-х» и до вступления в редакцию находился за границей. Как замечает Л. Дейч, «за все время редактирования «Земли и воли» им не написана была не только ни единая статья, но даже ни одной строки в народническом духе»⁶. В круг его интересов входили вопросы, преимущественно связанные с отношением к конституционалистам, которых он убеждал в том, что самый прочный путь завоевания политических свобод — это привлечение к борьбе за них широких масс крестьянства. При этом он подчеркивал, что предварительным условием такого участия должно быть экономическое освобождение народа⁷.

О редакторах «Земли и воли», за исключением Плеханова, Дейч писал: «Ни теоретически, ни практически почти никто из них не был знаком с теми основами народных воззрений, привычек и стремлений, из которых должна была вытекать принятая обществом «Земля и воля» программа»⁸. «Мы, — писал о себе, Клеменце и Морозове Тихомиров, — были чужие кружку, и хотя, входя, принимали его программу, но смотрели на это, как на формальность...»⁹.

Поэтому, на наш взгляд, в литературе правильно отмечалось, что Плеханов, во-первых, был единственным писателем, пытавшимся в новых условиях развивать старое землевольчество, и, во-вторых, основные искания он в отличие от других все более прочно старался поставить на почву экономики, этого «глухого колена бакунизма»¹⁰.

Ко времени вступления в редакцию Плеханов был не по-

вичок в литературном деле. Помимо корреспонденций и хроникальных заметок о стачках и волнениях рабочих, помещенных в газете «Новости», он вместе с И. И. Каблицем (Юзовым) имел отношение к издававшейся весной 1878 г. нелегальной газете «Начало»¹¹. Как мы уже отмечали, в первом номере газеты была помещена корреспонденция Плеханова «Стачка рабочих на Новой бумагопрядильной фабрике в С.-Петербурге». Газету «Начало» издавал подпольный кружок, группировавшийся вокруг братьев Л. К. и Н. К. Бух. К кружку, с одной стороны, примыкали либералы (преимущественно литераторы), с другой — землевольцы. Плеханов называл издателей «Начала» полулибералами (см. т. 3, с. 186). Все же кружок издателей смог сблизиться с землевольцами, которым в начале осени 1878 г. передал свою типографию¹².

Несмотря на сравнительную недостаточность систематических знаний в политэкономии и социальных учениях, Плеханов был, по отзывам современников, начитаннее многих других семидесятников. Он был знаком с «Капиталом» К. Маркса, что, впрочем, не мешало ему, как и подавляющему большинству других, изучавших «Капитал», оставаться правопольным бакунистом. По свидетельству Дейча, изучению «Капитала» «он посвятил всего десять дней, после чего лишь временами перечитывал на разных языках и в разных изданиях те или другие главы»¹³. Кроме этого, был знаком с произведениями А. Смита, Луи Блана; работами известного киевского профессора Н. Зиберы о Рикардо и Марксе, особенно с политэкономией Дж. Ст. Милля с примечаниями Н. Чернышевского; с Ф. Лассалем, Е. Дюрингом и К. Родбертусом, однако отрывочно и из вторых рук. Дейч указывает и причину этого: кроме «Капитала» Маркса, с немецкого на русский язык не были переведены указанные выше авторы. Плеханов в то время плохо знал немецкий язык и кроме русского читал преимущественно на французском.

Ко всему этому надо прибавить не ослабевавшее со школьной скамьи влияние, которое продолжал испытывать Плеханов от статей В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, влияние, которое позже оказалось, по выражению Дейча, «колоссально, ни с чем решительно не сравнимо»¹⁴. Известны слова Плеханова о влиянии на него Чернышевского: «Мое собственное умственное развитие совершилось под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной жизни...» (т. 6, с. 382). О влиянии критических статей Доб-

ролюбова на молодых людей той эпохи он писал: «Все они с восторгом читали критические статьи Добролюбова; все они видели в нем одного из самых дорогих своих учителей; все они готовы были следовать его указаниям»¹⁵. Вообще же о литературной критике 60-х гг. Плеханов писал: «Разбирая лучшие художественные произведения русской литературы, критика эта стремилась вызвать «русскую силу» на решительное дело; ей хотелось показать своим читателям законность и важность этого дела»¹⁶.

На сходках, особенно в зиму 1877—1878 гг., оттачивался полемический талант Плеханова, находили новое выражение его ораторские способности. Вместе с этим многочисленные дебаты, в которых он принимал участие, толкали его на поиски новых форм защиты землевольческой программы и тактики. Они заставляли его все больше внимания уделять теории. Трудно сказать, кем он был вначале: оратором, одновременно занимавшимся литературной деятельностью, или литератором, умевшим публично в яркой и убедительной форме высказывать свои взгляды, — одно несомненно: к концу 1878 г. он становится тем Плехановым, о котором принято говорить, что он никогда не расставался с пером.

В этой связи необходимо оспорить мнение О. В. Аптекмана и Л. Г. Дейча о том, что литературной деятельностью Плеханов занялся под влиянием А. Д. Михайлова в конце 1878 или даже начале 1879 г. Первый писал, что это было в феврале 1879 г. после ареста Д. Клеменца, когда Михайлов стал убеждать Плеханова войти в редакцию «Земли и воли»: «Слушай, Жорж, ты можешь писать, а поэтому войди в редакцию! Это необходимо таперь!»¹⁷. Второй — что это было осенью 1878 г., когда Михайлов «побудил Плеханова взяться за перо, чтобы описать, в виде корреспонденций, движение среди донских казаков, а также стачки рабочих на Новой бумагопрядильне»¹⁸.

Прежде всего нельзя согласиться, что в редакцию «Земли и воли» Плеханов вступил в феврале 1879 г., это было значительно раньше. Затем нам решительно не понятно, почему Михайлову требовалось «побуждать Плеханова взяться за перо», чтобы описать именно осенние и зимние стачки 1878—1879 гг. (не только на Новой бумагопрядильне), а не первую стачку на Новой бумагопрядильне (февраль — март 1878 г.), заметки о которой Плеханов поместил в легальной «Новости» и нелегально «Начале»?

Допустим, однако, что указания Аптекмана и Дейча от-

носятся к весне 1878 г. Тогда как быть с прокламациями зимы и весны 1878 г., с письменным изложением им в Саратове и Петербурге землевольческой программы; с имеющимся указанием М. Р. Попова, что еще весной 1878 г. вместе со статьей Адриана Михайлова слушалась редакционная статья Плеханова для предполагавшегося журнала «Земля и воля»¹⁹, не говоря уже о реальном предположении, что автором рукописной брошюры «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.» мог быть Плеханов?

Нет, видимо, Плеханова не требовалось побуждать браться за перо. К тому же во время первой стачки на Новой бумагопрядильне А. Д. Михайлова в Петербурге не было, он приехал в Петербург в начале апреля 1878 г. (см. т. I, с. 161)²⁰. Не было его в Петербурге также и в конце 1878 г. По агентурным данным, рождественские праздники 1879 г. А. Михайлов провел у своей матери в Киеве²¹.

В то же время вполне возможно, что включение Плеханова в состав редакции «Земли и воли» произошло при участии Михайлова, который отвечал за организацию печатного дела²².

Что же касается настояний А. Михайлова писать, то на эту его черту кроме Аптекмана и Дейча указывают и другие современники. Например, Р. М. Плеханова вспоминала, что Михайлов просил для «Земли и воли» описать ее пребывание в военном госпитале в Румынии²³. Но из этого не следует, чтобы все, к кому обращался Михайлов с настоянием писать, были обязаны ему в побудительных мотивах литературной деятельности.

И, наконец, последнее. Аптекман явно непоследователен, когда в предисловии к сборнику «Черный передел» пишет: «И уже в № 3 и 4 «Земли и воли», в своих передовых статьях, Плеханов уж, можно сказать, вполне определился как писательская индивидуальность вообще и как трибун-публицист — в частности»²⁴. Как можно совместить эти слова Аптекмана с приведенными выше? Как можно начать писать и сразу определиться как писательская индивидуальность? Ясно, что в последнем случае он ближе к истине, чем в первом.

В земледельческий период своей революционной деятельности Плеханов любил заниматься в Петербургской публичной библиотеке, о которой в годы эмиграции вспоминал с большой теплотой. В ней он нередко готовился к выступлениям на студенческих сходках и тайных рабочих собраниях, писал статьи для газеты «Земля и воля». «Петербургская пуб-

личная библиотека была для него «Alma mater», местом спасения от различных невзгод и преследований, а также духовным источником, из которого от времени до времени он черпал в спокойной и тихой обстановке знания для своей теоретической работы и практической деятельности»²⁵.

В конце декабря 1878 г. Плеханов выступил в легальной печати с первой теоретической статьей в защиту народничества «Об чем спор?». Она была посвящена критике взглядов Г. И. Успенского, печатавшего свои очерки «Из деревенского дневника» в журнале «Отечественные записки» в конце 70-х гг. Статья Плеханова была откликом на один из его очерков, помещенный под псевдонимом «Г. Иванов» в ноябрьском номере журнала за 1878 г.

В очерках, которые потом вышли отдельным изданием, Успенский правдиво описал крестьянский быт пореформенной России, который он наблюдал в Новгородской и Самарской губерниях. Его изображение крестьянства противоречило тому, какими представляли себе крестьянские идеалы народники. С критикой статей Г. Иванова выступили публицисты народнического направления. В их числе был и Плеханов, поместивший свою статью в «Неделе» — органе либеральных народников.

В статье «Об чем спор?» Плеханов защищает народничество от попытки подвергнуть сомнению его основные положения. По его словам, они сводятся к тому, «что махехистория не вытравива у русского народа начал общественности, что и до сих пор наш крестьянин «один в поле не воин», что и до сих пор его «жуть съедает», когда ему приходится действовать в одиночку. Эти качества характера гарантируют народу светлое будущее, только не искажайте этого характера, только устраняйте тормозы, стоящие на пути народа к этому будущему (т. 10, с. 402).

Вместе с тем нельзя сказать, чтобы противоположный взгляд казался ему несерьезным или, как он выражается в полемике с журналами «Слово» и «Отечественные записки», лишенным «делового отношения» к возражениям противной стороны» (там же, с. 403). Чего он требует от этих журналов, так только того, чтобы они придерживались последовательности и строгой определенности в проведении своих взглядов, как это было в лучшие времена журналистики, чтобы на их страницах не происходило того, что он называет «кошачьи концерты» из-за разногласия по основным вопросам. Здесь Плеханов, несомненно, прав. Но когда ему в заключе-

нии статьи приходится еще раз говорить по существу вопроса, затронутого в очерках Успенского «Из деревенского дневника», он признается, что они на него производят тяжелое впечатление (см. т. 10, с. 405). Утешение он находит, во-первых, в том, что Иванов-Успенский еще неопытен в изображении быта крестьян и смотрит на них теми же глазами, какими до этого смотрел на городских мещан и рабочих. А во-вторых, в том, что на страницах того же журнала в статьях Златовратского и Трирогова быт крестьян получает иное освещение, которое Плеханов считает более объективным, чем первое.

В настоящее время статья Плеханова «Об чем спор?» представляет бóльший интерес, однако не как работа, посвященная защите народничества, а как документ, отражающий развитие взглядов на законы общественного развития землевольца-бакуниста, каким был Плеханов, когда писал статью. «...Без высокого уровня социальных чувств, — пишет он, — народу нельзя было бы выработать таких справедливых земельных отношений, того обычного права, в основе которого лежит трудовое начало и по которому судятся и рядятся наши крестьяне» (там же, с. 403). Получается как будто так: трудовое начало (экономические отношения) определяет существование того или иного обычного права, но и первое (трудовое начало) и второе (обычное право), не вырабатываются без «высокого уровня социальных чувств», т. е. социальные чувства господствуют над экономикой. На самом деле ответ на противоречивость этого положения дает следующая выдержка из той же статьи. «...Считая экономические отношения данного общества самым лучшим реагентом для узнания степени развития социальных чувств в этом обществе и видя, что общинное владение считается крестьянами за идеал, заключили из этого, что альтруистических чувств, привычек к общественности и «социализации труда», — которыми только и держится всякое общество, — русскому народу не занимать у его западноевропейских соседей, у которых испарилось всякое воспоминание об общине» (т. 10, с. 404).

Из этой выдержки вытекает, что «экономические отношения» (в данном случае общинное владение) определяют (являются реагентом) степень развития социальных чувств в обществе. Таким образом, все же получается, что и в основе правовых отношений и в основе развития социальных чувств лежат экономические отношения (т. е. трудовое начало). Экономика являлась «глухим коленом» бакунизма, с помощью

которой, хотя и непоследовательно, все же старались объяснить общественные явления правового и идеологического порядка. Вот почему Плеханов писал о себе: «В народнический период моего развития я, — как и все наши народники, — находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории. Я уже тогда был твердо убежден, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности» (т. 1, с. 19). И далее он ссылается на работу «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», к разбору которой мы и переходим.

Работа Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» стала печататься месяцем позже статьи «Об чем спор?» и явилась программной для последнего периода существования общества «Земля и воля». Она состоит из двух отличных одна от другой частей, напечатанных соответственно в третьем и четвертом номерах журнала «Земля и воля». В первой части Плеханов выясняет особенности экономического развития России и обосновывает практические задачи русских социалистов. Вторая часть посвящена исключительно роли городского рабочего в революционном движении с точки зрения народнического социализма. Статья писалась по живым следам петербургских стачек конца 1878 — начала 1879 г. и явилась обобщением и дальнейшим развитием взглядов землевольцев на «рабочий вопрос».

Во времена теологического периода в развитии социологии, пишет Плеханов, на историю смотрели как на процесс, в своем развитии зависящий от воли лиц, управляющих государством. Соответственно этому считалось, что социальные перевороты легко осуществить путем заговора и захвата власти. Теперь, пишет Плеханов, этой точки зрения придерживается только узкий круг лиц — «кучка революционеров», под которой в России он, видимо, имеет в виду сторонников П. Н. Ткачева и П. Г. Заичневского.

Этот взгляд в современной социологии вытеснен более правильным, согласно которому исторический процесс есть взаимодействие народа и правительства, причем за народом остается значительно большая доля влияния. Поняв это, революционеры в своем большинстве отказались от осуществления социальных переворотов путем заговора. «Они поняли,—

пишет Плеханов, — что перевороты бывают гораздо более прочными, когда они идут снизу» (т. 1, с. 57). И вот социалистические писатели 30—40-х гг. XIX в. принялись составлять различные планы социального переустройства общества и усиленно рекомендовать их народной массе, рассчитывая путем одной лишь пропаганды склонить ее к перевороту снизу. При этом, замечает Плеханов, мало задумывались об осуществимости на практике тех форм кооперации труда, которые рекомендовались, «предполагалось, что люди могут по собственному желанию ввести в употребление какую им угодно форму сочетания труда, лишь бы она казалась им выгодной и разумной» (там же).

Все же, отмечает Плеханов, это был шаг вперед, поскольку старое положение теологического периода «все для народа» дополнялось положением «все посредством народа». Но и этому периоду был свойствен один серьезный недостаток — не отводилось надлежащего места «законам общественного развития» (т. 1, с. 57). Это был период гоподства метафизического (утопического) социализма.

Но вот на смену ему приходит позитивный период развития социализма, представленный именами Родбертуса, Энгельса, Карла Маркса, Дюринга. И далее в объяснении этого периода Плеханов ссылается на Маркса: «У автора «Капитала» социализм является сам собою из хода экономического развития западноевропейских обществ. Маркс указывает нам, как сама жизнь намечает необходимые реформы общественной кооперации страны, как самая форма производства предрасполагает умы масс к принятию социалистических учений, которые до тех пор, пока не существовало этой необходимой подготовки, были бессильны не только совершить переворот, но и создать более или менее значительную партию» (там же, с. 57—58). В приведенной выдержке слово «жизнь» заменяет у Плеханова ясное понимание зависимости социально-общественного устройства от экономического строя общества, но стремление к экономически-материалистическому объяснению истории ясно выражено²⁶.

Далее он останавливается на словах Маркса, приводимых им в предисловии к первому изданию «Капитала»: «Когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития, оно не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития, ни отменить их при помощи декрета; но оно может облегчить и сократить мучения родов» (там же, с. 58)²⁷. Русские либералы из этих слов

Маркса делали тот вывод, что, пока Россия не пройдет через фазу капиталистического производства, для социализма, а следовательно, и для социалистической пропаганды почвы в России нет. Поэтому с их точки зрения, пишет Плеханов, «задача русских последователей Маркса заключается в том, чтобы покровительствовать развитию отечественной промышленности, изменить вековым традициям своего народа и обезземелить его, утешаясь сознанием того, что все это необходимо для развития социализма в России» (т. 1, с. 58—59).

К чему обязывает учение Маркса русских социалистов? — спрашивает Плеханов. Итак, если общество напало на след естественного закона своего развития, то оно не может перескочить через естественные фазы своего развития, т. е. ему предстоит пройти через фазу, как выражается Плеханов, капиталистической продукции (капиталистического производства). Но, замечает Плеханов, история не есть однообразный механический процесс, укладывающийся в прокрустово ложе «общих законов», на что, по его мнению, указывают и труды Маркса. Поэтому, считает он, «покуда общество не напало еще на след этого закона, обуславливаемая этим последним смена экономических фазисов для него необязательна» (там же, с. 59). Главным при решении этой проблемы, считает Плеханов, является факт существования помещичьей общины. В России она существует если не как форма производства, то, во всяком случае, как форма владения в то время, как на Западе она давно пала.

С момента падения общины Западная Европа стала на путь капиталистической продукции, которая в результате заключающихся в ней противоречий должна привести к торжеству принципа коллективизма. В отличие от принципа индивидуализма принцип общественного землевладения, считает Плеханов, не несет в себе самом неизгладимого противоречия, а следовательно, и элементов своей гибели. Здесь он, правда, делает различие между первобытным общинным и родовым бытом (другими словами, территориальной и родовой общиной), признавая в последнем существование противоречий в виде войн и конкуренции. Но поскольку в России существует первобытный общинный быт, а не родовой, указанные противоречия ему не грозят. И он приводит примордонских казаков, которые, владея землями в отдельных общинах, вместе с тем являются членами всей казацкой области и могут переходить из одной общины в другую, имея право на земельный надел.

«Поэтому, — делает вывод Плеханов, — пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станцией на пути его прогресса» (т. 1, с. 61).

Отсюда следует, что социалистическая агитация в России не только своевременна, но даже необходима. Однако, указывает Плеханов, в отличие от Западной Европы ее исходная точка и практические задачи различны. Дело в том, что возможности агитации определяются, как он выражается, формами производства и техникой производства. Если страна земледельческая — то формой землевладения и техникой земледелия, если промышленная — то формами и техникой промышленности.

На Западе, где существует крупная промышленность и коллективный труд, в качестве основного лозунга социалисты должны выставить принцип коллективного владения орудиями труда. В России при общинном владении землею, экстенсивной культуре земледелия и примитивных орудиях труда пропаганда коллективного владения орудиями труда не будет иметь успеха, так как не имеет оснований в технике русского земледелия. Что касается коллективной формы землевладения, то она «не только не нуждается в пропаганде, но составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле, она составляет для крестьянина завет всей его истории» (там же, с. 65).

Остается пропаганда коллективного труда. На Западе коллективный труд явился следствием машинного производства. Поскольку русское общинное земледелие лишено возможности использовать машины, время для пропаганды коллективного труда еще не настало. «А не настало оно потому, — объясняет Плеханов, — что при том первобытном способе земледелия, какой практикуется нашим крестьянством, коллективный труд немного изменил бы условия успешности труда. Там же, где успешность труда находится в большей зависимости от дружного, артельного ведения дела — во всевозможных промыслах, — такая пропаганда может и должна иметь успех. Но там мы и без того видим всестороннее проведение артельного принципа в отношении русского рабочего люда...» (т. 1, с. 65).

Каковы тогда задачи социализма в России? Как известно, общество «Земля и воля» стояло на точке зрения, что пропаганду социализма необходимо подчинить задаче агитации

на почве имеющегося у народа недовольства существующим государством. Средством усиления и обобщения недовольства, а также сплочения и организации революционных сил народа должна была быть агитация, «начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным восстанием, т. е. бунтом»²⁸.

Плеханов, по существу, повторяет установки «Земли и воли», но в своей статье делает упор на организацию революционных сил народа в борьбе с развращающим влиянием помещичьего землевладения и бюрократического государства. Он даже не употребляет слово «агитация», когда говорит о задачах социалистов в России. «...Центр тяжести нашей деятельности переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации, для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем» (там же, с. 66).

Мы уже говорили, что в статье «Об чем спор?» Плеханов с должным вниманием относился к тем, кто оспаривал возможность социалистического развития крестьянской общины. В этой работе, предвидя возражения тех, кто усомнится в программе действий на такой шаткой основе, как община, разрушаемая правительственными распоряжениями, Плеханов, опять не высказываясь против, только замечает, что и в этом случае программа останется в силе, так как «коренного изменения народного характера нельзя ожидать тотчас же за падением общины» (там же). В подтверждение он ссылается на движение чигиринских крестьян, желавших ввести у себя общинное землевладение несмотря на то, что оно уже почти исчезло у них.

Таким образом, на Западе пропаганда социализма идет и идет успешно, от коллективизма труда к коллективизму владения (т. е. коллективной собственности). В России, наоборот, она идет от коллективизма земельной собственности как основного средства производства, к коллективизму орудий производства и труда. И если она не имеет такого успеха, как на Западе, то это объясняется, полагает Плеханов, тем, что коллективное владение орудиями труда и коллективный труд не имеют пока под собой основания в машинной технике. Но поскольку один из главных принципов социализма — принцип коллективного владения землей с его высоким уровнем социальных чувств и привычек — наличествует в крестьянской общине, борьба за его сохранение с разрушающим влиянием

государства будет в условиях России тождественна борьбе за социализм. Таково резюме взгляда Плеханова на задачи социализма в России.

Вторая часть работы посвящена роли городских рабочих в создании боевой народно-революционной организации для осуществления социального переворота в ближайшем будущем.

Плеханов отмечает, что в планах социалистов городские рабочие занимали второстепенное место: пропаганде с ними отводилась сверхштатная часть сил революционеров и время, свободное от пребывания в деревне. Кроме того, сама пропаганда велась «исключительно с целью выработать из городского рабочего пропагандиста для деревни же» (т. 1, с. 67). Это исключало возможность как регулярной систематической пропаганды в рабочей среде, так и самостоятельной организации городских рабочих.

А между тем, замечает Плеханов, несмотря на незначительность затраченных на него сил, городской рабочий «проникся идеями социализма в довольно сильной степени. Теперь уже трудно встретить такую фабрику или завод, или даже сколько-нибудь значительную мастерскую, где нельзя было бы найти рабочих-социалистов» (т. 1, с. 67).

Однако значение этого факта в большой степени умаляется тем, пишет Плеханов, что влияние таких рабочих на события, происходящие в рабочей среде, пока малозаметно. И он сетует на то, что во время последних крупных стачек в Петербурге роль рабочих-социалистов была незначительна.

По его мнению, это является следствием, во-первых, того, что рабочие-социалисты организационно не связаны между собой, чтобы «обратить на себя внимание массы каким-нибудь крупным проявлением своих симпатий, своих желаний действовать в интересах рабочих» (там же, с. 68). («Северный Союз русских рабочих», заявивший о себе в начале 1879 г., Плеханов считает только началом и первой попыткой организации рабочих). Во-вторых, потому что до последнего времени рабочие, приверженные идеям социализма, не шли дальше задачи самообразования и занимались почти исключительно кружковой пропагандой. «Масса существенно, кровно заинтересована прибавкой или уменьшением заработной платы, большей или меньшей свирепостью городского, — пишет Плеханов. — А социалисты разводят перед нею разные теории, призывая ее к развитию, к образованию и тому подобным, сводящимся иногда к чтению лекций о каменном

периоде или планетах небесных» (там же). Естественно, что рабочая масса не только не видит никакой пользы от социалистов, но смотрит на них отчужденно, так как «не понимает, каким образом сведения о каменном периоде могут привести к устранению чересчур придирчивого табельщика» (там же, с. 69).

Иному положению дела мешала, по мнению Плеханова, «первоначальная ложная постановка городского вопроса», когда к городским рабочим не относились «как к целому, имеющему самостоятельное значение», а видели в них «только материал для вербовки отдельных личностей» (там же).

Такое отношение к городскому рабочему совершенно ошибочно. Составляя часть того же самого крестьянства, пишет Плеханов, но «не представляя западноевропейской оторванности от земледельческого класса, наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижной, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения. Благодаря этому они явятся драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота» (там же, с. 69—70). Значение этого союзника, во-первых, в том, что без поддержки городской революции, которая должна будет отвлечь военные силы правительства и дать крестьянскому восстанию окрепнуть до степени непобедимости, успех социального переворота будет сомнительным, а во-вторых, — разойдясь по селам и деревням, городские рабочие «подготовят почву для приближающейся лавины революционного движения» и тем самым «сыграют роль «воровских прелестников», оказавших столько услуг Разинскому и Пугачевскому движению» (там же, с. 70). Для осуществления этой задачи нужна агитация всей массы рабочих на доступных их конкретному пониманию фактах и организация рабочих-социалистов, влияющая на массу.

Агитационная деятельность может и должна вестись постоянно, но особое значение Плеханов придает ей во время стачек. «Агитация на экономической почве, — главным образом, во время стачек, — писал он много позже, — такова была ближайшая практическая задача, на которую я указывал тем из наших товарищей, которые занимались с рабочими» (т. 3, с. 123).

В этой связи он останавливается на значении стачек. Плеханов отмечает, во-первых, воспитательное значение стачек, позволяющих рабочим на практике выяснить, кто их истинные друзья и кто друзья мнимые. И, во-вторых, организу-

ющее значение стачек, сплавляющих рабочих разных местностей и даже наречий во имя общих интересов, прививающих им идею солидарности всего «рабочего сословия». (Не забудем, однако, что «рабочее сословие» — это всего лишь часть крестьянства, наиболее поддающаяся революционному воздействию, но не самостоятельный класс.)

Плеханов выступает против тех, кто считал, что неудачные стачки оказывают деморализующее влияние на рабочих. Такого мнения в то время придерживались лавристы, занимавшиеся пропагандой среди рабочих, и те, кто стоял близко к ним. Так, во время первой стачки на Новой бумагопрядильне нелегальная газета «Начало» писала: «...Мы считаем агитацию уместной и полезной преимущественно тогда, когда результатом борьбы предвидится ее успех, так как неудачи, за весьма немногим исключением, производят подавляющее впечатление на массу, точно так же роль агитации при само собой возникающей борьбе должна, по нашему мнению, определяться главным образом вероятностью достижения практических результатов»²⁹. Опираясь на опыт петербургских стачек, Плеханов указывает на то, что даже неудачные стачки не теряют своего значения как средство воспитания и организации рабочих; что касается потери уверенности в себе со стороны рабочих, на что ссылались лавристы, то очень часто, справедливо отмечает Плеханов, такой уверенности у рабочих не бывает еще перед стачкой. Неудачная стачка поэтому не приведет к потере того, чего нет, но зато будет способствовать постепенному превращению не сознающей своих сил и возможностей массы из величины мнимой в величину действительную.

В организацию рабочих должны войти наиболее выдающиеся лица, выдвинутые и проверенные борьбой за рабочие интересы. И здесь, таким образом, агитация должна сыграть главную роль. Плеханов ссылается на опыт английских тредюнионов, добившихся отмены законов против коалиций и создавших свои организации с помощью агитационного воздействия на массу. Он, кроме того, рекомендует использовать и способы, практиковавшиеся английскими рабочими союзами до 1824 г., — «страшная тайна и величайшее насилие в средствах», так как при существующих условиях в России организация рабочих может быть только тайной и строго законспирированной.

Основные положения второй части работы Плеханова, развивавшие взгляды землевольцев на «рабочий вопрос» в

рамках народнической идеологии, можно кратко свести к следующим.

1. Землевольтцы действовали через пропаганду и агитацию на отдельных рабочих, в лучшем случае на узкий круг наиболее сознательных рабочих, чтобы подготовить их к такой же деятельности в деревне. Но действия на массу рабочих программа землевольтцев не предусматривала. В рабочей программе буквально говорилось только о заведении «сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих, заводских и фабричных»³⁰, а во второй, где говорилось об агитации как главном средстве достижения задач по мобилизации и организации народных сил, было добавлено, что одним из лучших средств организации революционных сил считаются также стачки и всякого рода волнения³¹.

Правда, Плеханов отмечал, что на практике землевольтцы занимались рабочими больше, чем этого требовала их программа. Работа Плеханова и подводила, по его словам, «итоги этому опыту» (т. 3, с. 123). А опыт землевольтцев выдвигал задачу перехода от кружковой пропаганды среди рабочих к массовой агитации особенно во время стачек.

2. Плеханов ставит задачу организации городских рабочих как «целое, имеющее самостоятельное значение» и указывает на формы организации в условиях царской России. Мы бы сказали, что в этом плане мысли Плеханова в чем-то превосходили идею создания петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», осуществленную В. И. Лениным уже в середине 90-х гг.

3. Обосновывается идея городской революции как революции городских рабочих для поддержания крестьянского восстания в качестве необходимого условия осуществления социального переворота. Как известно, в программе землевольтцев городская деятельность в момент подготовки и совершения социальной революции сводилась к дезорганизаторской деятельности против правительства. По всему видно, что в теоретических построениях Плеханова городской революции отводится несравненно большее значение, чем дезорганизации правительства.

Чтобы правильно оценить работу Плеханова, надо иметь в виду, что она писалась в условиях начавшегося кризиса «Земли и воли», когда менявшееся настроение в пользу непосредственной борьбы с правительством отвлекало внимание землевольтцев от анализа экономических условий существования крестьянина и рабочего и тем самым затрудняло вы-

яснение действительных причин неудачи деятельности в деревне.

Хотя Плеханова-бакуниста можно упрекнуть в недостаточно ясном понимании природы экономических противоречий, о которых он пишет (вместо рассмотрения противоречий того или иного способа производства он говорит о противоречиях, якобы присущих принципу индивидуализма, коллективизма), все же его работа показывает, что он с успехом овладевал экономически-материалистическим методом объяснения истории. Кроме того, заметно стремление Плеханова в разработке тактики социалистов делать основной упор на экономический анализ русской действительности.

О работе Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» О. В. Аптекман писал: «Это, по-моему, лучшее, самое содержательное, что было написано в подполье по вопросу о революционном народничестве»³². Л. Г. Дейч считал, что для своего времени работа Плеханова «была замечательным, исключительным произведением, которое можно было поставить рядом с «Философскими предубеждениями против общинного землевладения» Чернышевского»³³. Об известности статьи Плеханова «Закон экономического развития общества...» говорит тот факт, что по ней узнавали о рабочем движении в Петербурге и, в частности, о создании «Северного Союза русских рабочих» даже в селах Ставропольской губернии³⁴.

После провала землевладельческого центра необходимо было восполнить потери, понесенные организацией после осенних арестов 1878 г. Центр пришлось восстанавливать за счет землевольтцев, бывших до этого активными «деревенщиками» и находившихся на периферии. Плеханов и А. Д. Михайлов возвратились с Дона, М. Р. Попов и А. А. Квятковский приехали из воронежского поселения; оттуда же прибыли и некоторое время находились в Петербурге А. И. Баранников и М. Н. Ошанина. Затем позже, в начале 1879 г., на помощь центру были вызваны товарищи из тамбовского и саратовского поселений (О. Аптекман и Н. Мощенко). Таким образом, восстановление организации происходило за счет перемещения наличных сил и средств из деревень в города. Правда, осенью 1878 г. к «Земли и воле» присоединилась группа в прошлом известных народников, судившихся по «процессу 193-х» (С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров и др.). Тем не менее, потребность в молодых силах не только осталась, но и со временем возросла. Только приток молодежи

в деревни не нарушил бы баланса в распределении сил между городской и деревенской сферами деятельности.

Однако с осени настроение стало резко меняться в пользу городской деятельности (освобождение заключенных из тюрем, убийство наиболее ненавистных царских сатрапов, ликвидация шпионов и провокаторов и т. д.) и возместить потери не удавалось. Характеризуя положение дел в конце 1878 г., Аптекман писал: «Наша главная операционная база — деревня, была плохо укреплена; наш авангард — новосаратовское и тамбовское поселения, за недостатком людей, не восполнялся: новые силы не притекали, армия не формировалась».

Воронежское поселение только складывалось: производились рекогносцировки и намечались пункты для поселений. А между тем то тут, то там в народе происходят серьезные волнения: волнуются на Дону, на Кубани и на Урале. Надо во что бы то ни стало использовать эти волнения, — мы это сознаем, — но опять-таки: нет людей! сил не хватает! На Дону разрывается Плеханов; мечется во все стороны, ищет сотрудников, зовет работников, но в результате — нуль»³⁵.

Характерно следующее. Если в начале лета 1878 г. от поездки в деревни часть землевольцев отвлекли практические дела, требовавшие немедленного осуществления, то весной 1879 г. уже открыто заговорили, что деятельность в деревне хотя бы на время нужно оставить. При этом надо заметить, что у молодежи настроение менялось не вследствие того, что она приходила к выводу о невозможности работы в деревне. Не находясь в деревне, она плохо знала обстановку, которая там складывалась, но зато хорошо видела, что происходило в городах. А в городах шла борьба с правительством за человеческое достоинство, за гражданские права, против произвола и беззакония, которую вели революционеры во время арестов, политических процессов, находясь в тюрьмах и на каторге.

Та часть землевольцев, которая все более склонялась к террористической борьбе, а затем поддержала идею царубийства, считала главной причиной неудачи деятельности в деревне полицейские преследования и усиление репрессий. Позже эту точку зрения выразил Э. А. Серебряков, который писал, что наиболее уязвимым местом для полиции оказалась деревня. Именно невозможность «деревенской» деятельности заставляла землевольцев возвращаться в города и заниматься «политикой»³⁶.

Против такой оценки деятельности в деревне решительно выступал Плеханов, который объяснял исчезновение землевольческих поселений главным образом сменой настроения революционеров. «Деятельность в крестьянстве отнюдь не была невозможна, — писал он, — революционеры справились бы с полицейскими препятствиями, если бы их настроение продолжало толкать их в деревню» (т. 24, с. 97). Их разочаровывала перспектива длительной, без ощутимых результатов в ближайшем будущем, агитации и пропаганды в народе. Рушилась их вера в быструю революцию, а это приводило к разочарованию в крестьянстве.

С тех пор в литературе о народничестве этот вопрос стал дискуссионным. Народовольческие писатели в большей или меньшей степени разделяли точку зрения Серебрякова, основывавшуюся, впрочем, на записках О. В. Аптекмана³⁷, материалами которого он пользовался при написании своего очерка. Позже сам Аптекман, по-видимому, не без влияния Плеханова, в значительной степени изменил свой взгляд³⁸. В 1924 г. в своей книге «Общество «Земля и воля» 70-х гг.» он уже не писал, что работа в деревне была невозможна, а говорил о круто изменившемся настроении и стремлении «революционных сил схватиться непосредственно с правительством»³⁹.

Современные исследователи народовольчества, как правило, принимают к сведению мнение Плеханова, считая его в основе верным⁴⁰, но нередко при этом делают оговорки, что нельзя «совершенно игнорировать влияние на народников «ударов полиции», как это делает Плеханов»⁴¹. Вот, например, что пишет Ш. М. Левин: «Что «проповедь» чернопередельцев, настаивавших на необходимости и целесообразности продолжения работы в народе, отнюдь не была в этом отношении бессмысленна, как это пытался представить Серебряков, является бесспорным. Критикуя в этом пункте Серебрякова, Плеханов в основе был прав. В то же время не подлежит сомнению, что в своем стремлении опровергнуть Серебрякова и отстоять правоту чернопередельцев в их споре с народовольцами в конце 70-х гг., Плеханов весьма приуменьшил в статье 1903 г. трудности работы в деревне, значение в этом смысле полицейских преследований, травли революционеров и даже переоценивал в известной мере реальные положительные результаты народнической деятельности среди крестьянства»⁴².

Последнее замечание Ш. М. Левина не совсем справед-

ливо. Нельзя сказать, что Плеханов не видел трудностей работы в деревне. В полемике с народолюбцами Плеханову важно было подчеркнуть главную причину исчезновения деревенских поселений. Вне полемики он порой очень сдержанно высказывался о результатах деятельности в деревне. Вот что он писал, например, в статье «Н. А. Некрасов» в том же 1903 г., что и предисловие к книге А. Туна с полемикой с Серебряковым: «Стремления нашей радикальной интеллигенции оставались неизвестны и непонятны народу. Ее лучшие представители, не задумываясь, приносили себя в жертву его освобождению; а он оставался глух к их призывам и иногда готов был побивать их камнями, видя в их замыслах лишь новые козни своего наследственного врага — дворянства. И в этом заключалась великая трагедия истории русской радикальной интеллигенции»⁴³.

В то же время следует подчеркнуть, что историки землевольчества в объяснении причин распада деревенских поселений склоняются к взгляду Плеханова⁴⁴.

Как позже отмечал Плеханов, оценка деятельности в деревне явилась показателем отношения будущих «политиков» и «деревенщиков» к крестьянству. Со стороны первых это был уход от реальных трудностей, с которыми сталкивались революционеры в своих попытках сблизиться с крестьянством. Сначала крестьянству приписывались большие революционные возможности, потом столь быстро и решительно стали отрицать их у них для того, чтобы затем в теории «народного государства» снова прийти к идеализации крестьянства и утверждать, что 90% депутатов Учредительного собрания явятся сторонниками социальной революции.

«Деревенщики», а потом чернопердельцы с большим постоянством смотрели на крестьянство, когда в первом случае не были сколнны так быстро разочароваться в нем, а во втором — не доходить до такой степени идеализации (см. т. 2, с. 42—43).

Во всяком случае ясно, что реальные трудности нельзя было преодолеть, уходя в сторону от работы в деревне. Разочарование в революционных возможностях крестьянстве еще не объясняло причин неудачи, а поэтому не указывало и правильного выхода из сложившегося положения. У «политиков» получалось, что причины неудачи — в преследованиях полиции и отсутствии самых элементарных условий для общения с народом, т. е. во внешних по отношению к крестьянству причинах. А такая постановка вопроса, как отмечал Пле-

ханов, представляла еще одно отступление перед трудностями работы в деревне, если считать, что само землевольчество сложилось как результат первой уступки трудностям социалистической пропаганды и агитации в крестьянстве в нерезанном виде (см. т. 24, с. 101, 102). Такая трактовка проблемы создавала впечатление, что после уничтожения самодержавия социалистическая деятельность и будет возможна и даст желаемые результаты, т. е. приведет к социализму на базе поземельной крестьянской общины.

Конечно, прежде, чем думать об осуществлении социализма через народную революцию, необходимо было получить возможность пропаганды среди народа. Народники же бросились в пропаганду и агитацию, не имея, по существу, такой возможности. В этом смысле можно сказать, что пропаганда была невозможна не только в конце 70-х гг., когда усилился полицейский террор, но и в середине 70-х гг., когда начинала свою деятельность «Земля и воля». Больше того, можно сказать, что пропаганда в России была невозможна вообще в условиях самодержавно-полицейского государства. И тем не менее она велась и в 60-х, и в начале 70-х, и в середине 70-х гг. В период социал-демократического движения она не переставала вестись в самые мрачные годы реакции. Спрашивается, почему ее нельзя было вести в конце 70-х гг.?

Критика Плехановым взглядов, подобных воззрениям Серебрякова, сводится к следующей мысли: революционеры, чьи социальные программы основываются на принципе «освобождение народа есть дело самого народа», могут и должны работать в народе даже в периоды жестоких политических гонений.

О непреодолимых препятствиях, которые встречает пропаганда в народе со стороны полиции, говорили не только в конце 70-х гг., но также в 80-х, 90-х гг. и даже накануне революции 1905 г. «Напрасно вы думаете, — обращался Плеханов к либералам-конституционалистам в 1888 г., — что пропаганда невозможна при современных условиях. Трудно всякое дело, если только не хочется его делать, легко всякое дело, за которое мы беремся с полным убеждением в его плодотворности и необходимости» (т. 3, с. 24). Первым социал-демократам, приступившим к пропаганде среди рабочих, но объяснявшим свои неудачи вмешательством полиции, Плеханов в 1891 г. отвечал, что на это часто ссылаются люди, не имеющие достаточного опыта в деле пропаганды. «Без умения невозможно никакое революционное дело, а умелых лю-

дей не остановит никакая полиция» (там же, с. 146)⁴⁵. В годы предреволюционного подъема (1901—1904 гг.) о невозможности иной работы, кроме террористической, говорили социальности-революционеры. Это лишний раз подтверждает мысль о том, что терроризм «Народной воли» вытекал из слабости массового движения, а не из невозможности работы в массе в условиях политических репрессий.

Нельзя, разумеется, упрощать постановку вопроса Плехановым и считать, что если бы прежняя поселенческая деятельность продолжалась, то она дала бы те результаты, на которые рассчитывали землевольцы. Но причины этого надо искать не в полицейских преследованиях, а прежде всего в программе землевольцев: деятельность в крестьянстве могла дать видимые результаты, если бы она проводилась дифференцированно, а для этого надо было видеть развивающийся в деревне капитализм. И вообще в качестве массового объекта социалистической пропаганды и агитации они избрали не тот класс. Всего этого не видели ни «деревенщики», ни «политики». Они не видели того, позже писал Плеханов, что «логика общественных отношений» в деревне «находилась в резком противоречии с логикой «бунтарской» доктрины»⁴⁶. Что же касается деревенских поселений, то они, действительно, распадались, землевольцы уходили в города, деревенская деятельность не давала того, что возлагали на нее бунтари, желавшие поднять народ на восстание.

По свидетельству О. В. Аптекмана, к концу 1878 г. оставалось только два землевольческих поселения — новосаратовское и тамбовское⁴⁷. Но и они прекратили свое существование осенью 1879 г. Однако, как замечает Плеханов, понятие «распалось» применительно к деревенским поселениям не означает «провалилось» (см. т. 24, с. 95). Саратовский провал 1877 г. коснулся только тех, кто жил в самом городе и занимался пропагандой «частью в среде местных рабочих, частью между семинаристами и гимназистами» (там же, с. 94), но почти не коснулся деревенщиков. Поэтому нетрудно было в следующем году на той же базе создать новосаратовское поселение. На прекращение существования новосаратовского поселения в 1879 г. самое непосредственное влияние оказало покушение А. К. Соловьева на царя⁴⁸. Так, сестры Вера и Евгения Фигнер вынуждены были покинуть Петровское земство, так как в результате покушения Соловьева правительству стало известно о сношениях последнего, приезжавшего в Петербург из Вольского уезда Саратовской губернии,

с поселенцами других уездов той же губернии. Сестрам Фигнер грозил в этом случае арест⁴⁹. Следовательно, и в этом случае новосаратовское поселение распалось в значительной степени из-за «городской деятельности» одного из поселенцев.

Не подвергались преследованиям полиции воронежское поселение и поселения на Дону и Кубани. Донское поселение после отъезда Плеханова и А. Д. Михайлова не пополнялось и фактически было обречено на бездействие, а воронежское прекратило существование в связи с отъездом сначала М. Р. Попова и А. А. Квятковского, вызванных в Петербург, а затем М. Н. Ошаниной, взглядам и склонностям которой мало соответствовал характер деревенской деятельности. О людях ее образа мыслей Плеханов писал: «Они примкнули к воронежскому поселению за неимением более подходящей для них деятельности, а когда такая деятельность явилась вместе с началом *террористической* борьбы, тогда они уже не могли усидеть в деревне и покинули ее при первом удобном случае» (там же, с. 95)⁵⁰. По выражению Аптекмана, на все «пришлось махнуть рукою»: и на донских казаков, и на раскольников Саратовской губернии, и на создававшееся воронежское поселение⁵¹. И только тамбовское поселение подверглось арестам, но это было после Воронежского съезда. В начале 1879 г. оно было довольно многочисленным (М. В. Девель, Э. К. Пекарский, Л. Н. Гартман, Н. П. Мощенко, Н. С. Никифоров, А. И. Прозоровский, О. А. Мацнева (Никифорова) и др.), причем некоторые покинули его еще до арестов⁵².

К вопросу о причинах прекращения существования деревенских поселений Аптекман возвращается более подробно еще раз во вступительной статье к сборнику «Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880—1881», но и здесь он вынужден признать, «что крушение названных поселений (саратовского, нижегородского, самарского в 1876—1877 гг.— А. Б.) не столько вызвано репрессиями местных властей, бдительностью местной власти, сколько главным, если не исключительным, образом, так сказать, рикошетом из города Петербурга, или другого далекого пункта»⁵³.

В анализе причин «распада» деревенских поселений в 1878—1879 гг. Аптекман ни в чем существенном не противоречит Плеханову, объясняя их «террористическим настроением», «чувством мести к правительству», «непосредственной борьбой с правительством в центре» и т. д.⁵⁴ Таким образом, картина с «распадом» деревенских поселений выглядела

не столько мрачно, как ее рисуют сторонники террористической деятельности.

В подтверждение взгляда, что поселенческая деятельность не была невозможна, Плеханов приводит следующие мысли: «...Если деятельность в деревне встречала такие непреодолимые трудности, то ко времени Воронежского съезда там не осталось бы никого из землевольцев; а между тем мы видим, что на этом съезде было много «деревенщиков», и притом не таких деревенщиков, которые *только собирались бы «идти в народ», а таких, которые жили и действовали там именно в эпоху съезда*» (т. 24, с. 95—96). Больше того, известно, что некоторые, не дождавшись съезда, разъехались по деревням, чтобы не потерять своих мест там. И далее: «Если тогдашняя деревня была недоступна для революционеров по полицейским причинам, то в этом прежде всех других должны были бы убедиться именно «деревенщики»... Но деревенщики не только не убеждены в этом и не только не бежали в город, а, наоборот, с величайшею горячностью доказывают необходимость оставаться в народе и оспаривают своих *городских* товарищей, всеми силами старающихся уверить их, что в народе действовать невозможно» (т. 24, с. 96—97).

Вот почему Плеханов утверждал: «Революционное народничество погибало, но погибало не под ударами полиции, будто бы загородившей революционной интеллигенции все пути к народу, а в силу неблагоприятного для него настроения тогдашних революционеров, которым во что бы то ни стало хотелось «отомстить» правительству за его преследования и вообще вступить с ним в «непосредственную борьбу», т. е., собственно говоря, как можно скорее добиться конституции» (там же, с. 99—100).

Эволюция народничества в сторону признания политической борьбы шла от отрицания «политики» в полном ее объеме, включая государство, к постепенному признанию в начале значения за политическими (гражданскими) свободами при одновременном безразличном или даже отрицательном отношении к политическим учреждениям и самому государству. И только затем оно приходит к признанию необходимости существования государства и политических учреждений по крайней мере в течение некоторого времени. В полной мере отойти от анархизма можно было только по-новому решив проблему государства. Без этого так называемая «политика», включая политические убийства, укладывалась в рамки

анархизма и понималась как расширение и углубление бунтарской деятельности.

С вопросом об отношении к государству землевольцы столкнулись вплотную тогда, когда террористическая борьба привела их к покушению на жизнь царя. Вот почему в эволюции землевольчества покушения на цареубийство были не простыми террористическими актами, стоявшими в ряду других, им подобных, а явлением особенным, и неудивительно, что разногласия среди землевольцев вплоть до их окончательного разделения в конце лета 1879 г. концентрировались вокруг этого вопроса. Если покушения на правительственных лиц предпринимались в связи с их конкретными преступлениями перед революционным движением, то при покушении на царя речь должна была идти уже не о конкретном носителе преступления, а в целом о системе, которую олицетворял царь.

Разгар споров внутри «Земли и воли» приходился на то время, когда полностью еще не определилось отношение «политиков» к государству, когда они еще не стали государственниками. Поэтому не случайно, что спор между двумя фракциями в «Земле и воле» принял прежде всего не программный характер, а характер тактических разногласий по вопросу о цареубийстве, хотя за этим, несомненно, скрывалось различное отношение к политической борьбе.

«Дезорганизаторская деятельность», которая перед землевольцами по-новому поставила проблему государства, в начале включала борьбу с наиболее ненавистными и вредными, с точки зрения революционеров, лицами из правительственного лагеря, а также ликвидацию шпионов и провокаторов. Основным средством борьбы являлся индивидуальный террор, т. е. террор против отдельных лиц. Террористическая деятельность была уделом членов дезорганизаторской группы «Земли и воли». Правда, случалось, когда террором занимались землевольцы, не входившие в дезорганизаторскую группу, и лица, формально не принадлежавшие к организации, но сочувствовавшие ей. Однако во всех случаях, начиная от покушения В. Засулич, «Земля и воля» официально признавала и брала на себя ответственность за совершенные акты возмездия, а также всегда объясняла мотивы как своих, так и не своих приговоров перед публикой. На террор тогда можно было еще не смотреть как на политическую борьбу: он был текущим делом части организации. Вопрос об убийстве то-

го или иного лица, как правило, не обсуждался всей организацией, поскольку не был вопросом принципиальным.

Первым, по-видимому, террористическим предприятием, которое обсуждалось на Большом совете в связи с наметившимися разногласиями, было покушение на шефа жандармов генерала А. Дрентельна. Это произошло в конце февраля 1879 г. По данным О. В. Аптекмана, смертный приговор был вынесен всеми голосами против одного Плеханова, который «в противовес политическому террору предложил городской экономический террор, причем указал и на конкретный случай из тогдашних рабочих стачек, в котором было совершенно уместно применение террора последней категории»⁵⁵. Здесь, несомненно, речь идет о защите П. А. Моисеенко от нападения конного жандарма во время второй стачки на Новой бумагопрядильне. В работе «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» Плеханов рекомендовал организованным рабочим прибегать к красному террору в ответ на белый террор правительства.

Ранней весной 1879 г. с намерением убить царя в Петербург приезжает А. К. Соловьев. Так как осуществление этого намерения требовало тщательной подготовки и средств, он обратился за содействием к землевольцам, предлагая осуществить покушение от имени организации. Вскоре с такими же планами в Петербург прибыли Г. Д. Гольденберг и Л. А. Кобылянский. Сразу же возникли резкие разногласия относительно правомерности такого рода действий с точки зрения землевольческой программы, допускавшей дезорганизацию правительства, но ничего не говорившей о цареубийстве и вообще о политической борьбе. Поскольку среди руководителей «Земли и воли» имелись решительные противники цареубийства (Плеханов, М. Р. Попов, О. В. Аптекман, В. Н. Игнатов)⁵⁶, переговоры с Соловьевым и Гольденбергом повели только те члены основного кружка, которые одобряли стремления. Состоялось несколько совещаний с участием А. Михайлова, А. А. Квятковского, А. И. Зунделевича и некоторых других. Понятно, что на совещании, где представлена была только часть центральной организации «Земля и воля» Соловьев, на котором остановились как более подходящие кандидаты в цареубийцы, не мог получить одобрения от имени всей организации. Но участвовавшие в совещаниях землевольцы-политики заверили его в том, что они постараются парализовать противодействие другой части «Земли и воли», и, кроме того, дали согласие на содействие в убий-

царя со стороны землевольцев, желавших принять участие в покушении как частные лица. По существу, это означало участие, хотя и неофициальное, организации «Земля и воля» в предприятии Соловьева.

Противникам цареубийства стал известен этот план, и они со своей стороны попытались предотвратить его исполнение. Позже в письме к Дейчу Зунделевич писал: «Кривили мы тогда душой, изображая дело так, что Соловьев все равно совершит покушение, будет ли ему помощь или нет. Я думаю, что если бы настойчиво просили Соловьева оставить свое намерение, он согласился бы не делать покушение»⁵⁷. Хотя крайне сомнительно, чтобы кто-либо мог повлиять на Соловьева⁵⁸, тем не менее, как отмечает Дейч, старания А. Михайлова, Морозова, Квятковского и Тихомирова воспрепятствовать встрече Плеханова с Соловьевым подлили масло в огонь подозрений⁵⁹. Если к этому добавить, что внутри «Земли и воли» уже существовал тайный «Исполнительный комитет», от имени которого совершались террористические акты, станут понятны упреки в неискренности и в стремлении действовать помимо воли организации, исходившие от противников нового метода действий.

В марте 1879 г. состоялось заседание членов основного кружка «Земли и воли», а точнее членов «Земли и воли», находившихся в то время в Петербурге, которое привело к бурным спорам по вопросу о цареубийстве и которое многими считается началом раскола организации на две части.

Отметим, что оно не одинаково освещено в мемуарной литературе. Это прежде всего относится к объяснению основных мотивов разногласий. Так, Н. А. Морозов в своих воспоминаниях пишет, что до заседания основного кружка, противникам цареубийства не была известна фамилия человека, который собирался это сделать. Когда А. Михайлов предложил оказать ему помощь, предоставив в его распоряжение лошадь для бегства после покушения и назначив кого-нибудь кучером, противники этого предприятия стали требовать, чтобы не только не оказывать никакого содействия, но принять меры для противодействия покушению. По описанию Морозова, М. Р. Попов заявил, что сам убьет «губителя народного дела», если предотвратить покушение не удастся⁶⁰. А Плеханов, который на заседании держался более сдержанно, якобы только потребовал, чтобы Михайлов назвал фамилию желающего совершить покушение. Так как кто-то (Морозов полагает, что В. Н. Игнатов) назвал фамилию Гольденберга, то

сочувствовавшие Соловьеву побежали предупредить Гольденберга о грозящей ему опасности, и он будто бы немедленно покинул Петербург⁶¹.

В своих ответах на вопросы Л. Г. Дейча, озаглавленных «О былом и небылицах» и с дополнениями Дейча опубликованных в 1923 г. в журнале «Пролетарская революция» (с небольшими разночтениями они вошли в XXIV том сочинений Г. В. Плеханова), Плеханов дает иное описание заседания основного кружка. Он говорит: «Я прекрасно знал от Михайлова, что план этот должен быть приведен в исполнение не Гольденбергом, а Соловьевым. Когда я объявил Михайлову, что я против указанного плана и что на общем собрании петербургских членов «Земли и воли» я потребую, чтобы они воспретили Соловьеву привести в исполнение свое намерение, Михайлов мне ответил: «Вы забываете, что Соловьев был членом самарской группы, которая будучи автономной, не обязана подчиняться нашим решениям; притом Соловьев вышел даже из самарской группы, так что он теперь вольный казак».

Таким образом, получается, — добавляет Дейч, — что никто не мог бежать предупредить Гольденберга об опасности ему со стороны «народников», как сообщает Морозов⁶². Само же собрание было бурным. «Точнее сказать, — говорит Плеханов, — оно стало очень бурным, после того как выяснилось, какие препятствия поставит на пути нашей деятельности попытка Соловьева. Так, решено было, что, ввиду неизбежного белого террора, наша типография должна будет временно перестать функционировать и что все нелегальные должны будут уехать из Петербурга, а это последнее решение означало, что должны будут прекратиться наши «занятия» в петербургской рабочей среде. Это решение действовало на нас очень тяжелым образом. Я помню, что я сказал: «Под влиянием ваших затей наша организация вынуждена покидать одну за другой наши старые области деятельности, подобно тому, как Рим покидал одну за другой свои провинции под напором варваров»⁶³. Кроме того, прекращался выход печатного органа землевольцев, как полагали вначале, на некоторое время. На деле же оказалось, что № 5 «Земли и воли», вышедший в середине апреля 1879 г., стал последним.

Следовательно, Плеханов, Попов и др. выступили с резким протестом против намерения Соловьева не потому, что сторонники покушения, с которыми вел переговоры о содействии Соловьев, умолчали его имя, и не потому, что, как пи-

шет В. Н. Фигнер, Плеханова и Попова особенно возмутило, что покушение будет совершено независимо от решения организации⁶⁴. Резкое выступление Плеханова и Попова объясняется главным образом тем, что покушение Соловьева должно было привести к прекращению сношений с петербургскими рабочими⁶⁵. Кому же, как не Плеханову, отдававшему больше других землевольцев времени рабочим, было выступить против того направления, которое грозило разрушить так хорошо налаживавшиеся и расширявшиеся связи землевольцев с петербургскими рабочими? Для таких землевольцев, как Плеханов, террор означал отказ от основной, насущной и вместе с тем увлекавшей их деятельности.

Одновременно надо подчеркнуть, что даже в период самых горячих споров никем не осуждался террор как средство индивидуальной или даже групповой защиты, если этого требовали честь и достоинство человека. Красноречивей всего говорит об этом заключительная часть заседания землевольцев в описании Плеханова. «Спор достиг своего апогея, когда раздался сильный звонок: «Господа, полиция! — воскликнул Михайлов. — Мы, конечно, будем защищаться?» — «Разумеется», — единодушно отвечали ему как «дезорганизаторы», так и «народники». Каждый из присутствовавших вынул из кармана револьвер и взвел курок, а Михайлов медленно и спокойно пошел в переднюю, чтобы отворить дверь». Тревога оказалась ложной. Это положило конец бурным сценам, вскоре все разошлись. «Но мы, народники, шли по домам, унося с собой то убеждение, что старое, некогда образцовое единство общества «Земля и воля» было разрушено и что теперь каждое направление пойдет своей дорогой, не заботясь, да уже и не имея нравственной возможности заботиться об интересах целого»⁶⁶.

С конца 1878 г. Плеханов вместе с Р. М. Богград проживал на квартире у студентки Е. Н. Сиротининой (Кирочная ул., д. 44, кв. 4), хорошей знакомой Розалии Марковны. В жандармском донесении от 5 января 1879 г. указывалось: «К Богград довольно часто приходит какой-то молодой человек, по-видимому, студент, среднего роста, брюнет, с окладистой бородой»⁶⁷. Спал он на диване в столовой, из которой было удобно наблюдать подходы к дому, и в случае необходимости мог через кухонное окно выпрыгнуть на крышу небольшого сарайчика, а с нее — во двор и скрыться. «Под подушкой у Плеханова всегда были наготове револьвер и кастет, что-

бы в случае внезапного появления в комнате полиции, не отдаться в ее руки без сопротивления»⁶⁸.

В связи с намечавшимся покушением Соловьева все подвергавшиеся опасности быть арестованными должны были хотя бы на время покинуть Петербург. Предложили это сделать и Плеханову. Р. М. Плеханова сообщает: «Дней за пять до 2 апреля ко мне, на квартиру Сиротининой, явился наш друг Никандр Мощенко, член организации «Земля и воля», от имени Клеточникова с настоятельным требованием от последнего покинуть как можно скорее Петербург ввиду предстоящего акта Соловьева. Квартира моя на примете, и ко мне, несомненно, явится полиция. С таким же настойчивым требованием от имени Клеточникова пришел к нам и А. Михайлов»⁶⁹. Перед отъездом Розалия Марковна посетила нелегальные квартиры и просила больше не устраивать собраний. Когда она недель через шесть возвратилась в Петербург, то квартиры были ликвидированы, а «рабочие разбрелись»⁷⁰. Таковы были практические последствия террора, о которых два месяца спустя говорил Плеханов на Воронежском съезде.

30 марта Плехановы покидают Петербург и вместе едут до Харькова. Георгий Валентинович отправляется на Дон, а Розалия Марковна из Харькова едет к своим родителям в Херсонскую губернию. Известно, что 2 апреля в день покушения Соловьева на Александра II Плеханов был в Харькове⁷¹, а на следующий день он прибыл в Ростов-на-Дону.

Покушение Соловьева оказалось неудачным и еще больше обострило разногласия в «Земле и воле». «Политики» решили завершить дело, начатое Соловьевым. На их решимость влияло настроение «общества». Усилились репрессии, тяжесть которых все сильнее испытывали простые обыватели. «Раз вы начали, так обязаны и докончить, дабы вывести нас из такого тяжелого положения», — говорили они⁷². В Петербурге становилось все больше землевольцев, желавших, чтобы дело Соловьева было официально продолжено организацией «Земля и воля». В мае 1879 г. землевольцы-политики создают в Петербурге специальную террористическую группу «Свобода или смерть», которая должна была действовать под непосредственным руководством Исполнительного комитета. Ее можно считать духовным детищем Н. А. Морозова с его принципом: «террор есть революция в настоящем», так как Л. А. Тихомиров в то время еще колебался между терроризмом и работой в народе, а А. Д. Михайлов и некоторые другие смотрели на «политику» несколько шире, чем Морозов.

условия обострявшихся разногласий внутри «Земли и воли» выход мог быть только в созыве общего съезда всех членов организации. С инициативой такого съезда и выступили прежде всего противники царевубийства, надеясь получить поддержку со стороны землевольцев, находившихся в деревнях. Съезд было намечено провести в середине лета 1879 г. с тем, чтобы на нем могли присутствовать «деревенщики», работавшие в местах землевольческих поселений.

Тем временем землевольцы-политики провели свой отдельный съезд в Липецке. Его значение заключалось в том, что он подготовил для «политиков» базу на случай, если бы им пришлось действовать самостоятельно. Некоторые историки (В. Я. Яковлев-Богучарский, М. Г. Седов) считают, что в большой организаторской деятельности сторонников террористической борьбы, которую они развернули перед Воронежским съездом, проявилась жизнеспособность и превосходство нового направления и, наоборот, меньшее подвижничество «деревенщиков» свидетельствовало об обреченности старого народничества. Слов нет, организационная сплоченность «политиков», разработка ими новых программных и организационных установок на Липецком съезде, а также привлечение новых сил в свою организацию способствовало более успешному отстаиванию своих взглядов на общем съезде «Земли и воли» в Воронеже. Но была и другая сторона вопроса. Дело в том, что с точки зрения устава организации действия «политиков» могли считаться незаконными, так как о них ничего не знали противники террора. Попытки некоторых землевольцев-политиков оправдать в глазах деревенщиков созыв отдельного Липецкого съезда не выдерживают критики. Так, А. И. Зунделевич пишет: «Мы это делали на основании устава «Земли и воли», допускавшего образование подгруппы без необходимости посвящать всю организацию в деятельность этих подгрупп»⁷⁴. Но считать «политиков», организовавшихся на Липецком съезде, рядовой подгруппой «Земли и воли» можно, конечно, лишь чисто формально, так как на самом деле речь шла о начале нового направления, а не об одном из кружков, действовавших на основе старой программы. Поэтому в отсутствие организационно оформленных совещаний деревенщиков можно видеть более строгое с их стороны соблюдение устава «Земли и воли».

Однако главное, что определило победу сторонников политической борьбы, заключалось не в этом. Победу нового направления обусловила не большая или меньшая активность

тех и других перед Воронежским съездом (формально, как известно, Воронежский съезд не закончился победой «политиков»), к тому же проявить активность деревенщикам было сложнее, чем «политикам», так как первые были рассеяны по деревням, в то время, как последние сконцентрированы в немногих центрах. Не определили победу нового направления также субъективные качества «политиков» и деревенщиков на которые любят ссылаться те, кто в «политиках» видит прежде всего крупных организаторов и борцов, а в деревенщиках — критиков и отвлеченных теоретиков⁷⁵. Это деление и условно и субъективно. Среди деревенщиков были такие, которые умели свой боевой темперамент подчинять рассудку⁷⁶.

Победу нового направления определило прежде всего то, что новая программа действий давала выход тому политическому недовольству, которое охватывало все более широкие круги молодежи и передовой общественности, тогда как старая программа «Земли и воли», которую отстаивали деревенщики, такого выхода не давала. Это не означало, что программа действий сторонников нового направления была в теоретическом отношении выше программы «Земли и воли», как полагают некоторые современные историки «Народной воли», видящие в ней попытку по-новому решить старые же проблемы — воздействовать на народ не пропагандой и агитацией, а непосредственной борьбой с правительством⁷⁷. Но она действительно отражала насущную потребность, стоявшую тогда перед страной, — настоятельную необходимость вести политическую борьбу с самодержавием. В этом была ее притягательная сила и в этом же заключалась бесперспективность пропаганды против «политики».

В этом смысле террористическая борьба была неизбежна. Все ее значение в том, что это была борьба лучшей, сознательной части общества за политические свободы с помощью средства, которое было ей наиболее доступно. Политический террор в этом своем качестве не может быть осуждаем. К. Маркс отмечал, что это был исторически неизбежный способ действия, «по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе...»⁷⁸. Но при всем том неизбежном, из чего вытекал террор, нельзя не видеть, что его возникновение не явилось следствием развития социалистической теории, на которой покоилось землевольчество, ибо никакого отношения к проблеме общины (экономической основы социализма), классовой борьбе, как ее понимали народники, он не имел, а ди-

лемму «социализм и политика» ставил на голову. В этом отношении террор можно было и нужно было осуждать с точки зрения социализма и классовой борьбы, а также за ограниченность и узость в борьбе за политические свободы. Другими словами, не осуждая политический террор с точки зрения морали, его можно и нужно было критиковать с точки зрения теории. В будущей программе партии «Народной воли» получали развитие не социалистические, а только общедемократические элементы землевольческой программы.

В Ростов Плеханов прибыл на следующий день после известного ростовского бунта, происшедшего на пасху 2 апреля 1879 г. Это был стихийный бунт трудящихся низов Ростова, города, который в то время превращался в один из крупных промышленных, торговых, железнодорожных и портовых центров юга России. К лету в Ростов на заработки приезжало и приходило большое количество народа из разных мест, и он становился многолюдным городом. «Не только в уездных, но и в губернских городах России, — пишет местный краевед, — были тишь да гладь, размеренное, ленивое течение жизни. А здесь, на берегу степной реки, кипела азартная авральная работа. Она шла на густо заставленном судами Дону, на кишасшем тысячами людей берегу, на железнодорожных станциях, фабриках и заводах, на улицах, в конторах. Казалось весь город спешит, торопится, весь город обуреян жаждой наживы»⁷⁹.

Плехановым оставлено подробное и образное описание событий 2 апреля. Когда познакомишься с официальными архивными материалами об этом событии, удивляешься документальной точности плехановского повествования. Попытаемся как можно полнее восстановить события более чем столетней давности.

Бунт начался неожиданно. Был праздник пасхи, и каждый, как мог, отмечал его. 2 апреля на базаре, как пишет Плеханов, полицейские схватили подгулявшего рабочего и потащили его в участок, не забывая при этом о пинках и подзатыльниках. «Братцы, заступитесь, — кричал рабочий покрывавшему базарную площадь народу, — изувечат меня в части!». Народ, — пишет далее Плеханов, — зашевелился; довольно значительная группа рабочих последовала за удивившими арестованного полицейскими, прося отпустить его. Те отвечали ругательствами и, введя арестованного в здание части, принялись колотить его не на живот, а на смерть» (т. 3, с. 190).

А вот официальная версия начала событий: «Возмущение произошло от того, что полицейский, сидя верхом на лошади, вел за волосы (!) пьяного в полицию. Народ просил отпустить, но пристав Бубликовский вместо того, чтобы успокоить толпу, приказал взять в полицию и запереть ворота...»³⁰. Плеханов продолжает: «Услыхав его отчаянные крики, эта группа стала бросать камни в окна и ломиться в ворота частного дома. Группа быстро разрослась в толпу. Кто-то крикнул, что следует разнести всю часть. Сделать это было не так-то легко: ее крепкие ворота были заперты, а в окнах нижнего этажа стояли городовые с обнаженными шашками и револьверами. Начался правильный приступ. Несколько дюжих молодцов притащили откуда-то огромное бревно; толпа поняла их мысль, бревно схватили десятки рук; распевая «дубинушку», им стали действовать как тараном, и через несколько минут ворота были выбиты. Народ ворвался в часть. Полицейские, которые успели тем временем сделать несколько выстрелов в нападавших, моментально скрылись. В самое короткое время часть была разнесена. Покончив с нею, толпа бросилась на другие полицейские части, потом опустошила квартиры полицеймейстера и некоторых квартальных. О сопротивлении ей никто не думал. Полуживой от страха полицеймейстер прятался в Нахичевани, а военные власти Ростова не уверены были даже в том, что им удастся оборонить банк и острог (где сидело несколько «политических»). Разумеется, полетели телеграммы к губернатору; из Новочеркасска двинулись для усмирения казаки, а в Таганроге стала готовиться к выступлению артиллерия» (т. 3, с. 190).

Все написанное Плехановым документально подтверждается. По официальным данным разбиты были: первая и вторая полицейские части, полицейское управление, квартиры полицеймейстера Сербинова, пристава Бубликовского³¹. О паническом страхе бежавшего в Нахичевань полицеймейстера говорят его телеграммы, посланные в штаб атамана Войска Донского. Первую он, видимо, успел послать из Ростова 2 апреля: «Народная чернь возмущена. Производит беспорядки. Разбиты части полицейские. Команды нету. Благоволите, Ваше превосходительство, выслать полк для усмирения экстренного положения»³². Добравшись до Нахичевани, он в тот же день послал вторую телеграмму: «Волнение народной черни в Ростове усиливается. Разбиты полицейское управление и части квартир полицеймейстера, исправника и другие. Телеграфьте поспешить высылкою достаточное число

войск экстренным порядком. Ответ в Нахичеванский вокзал оплачен».

На следующий день он продолжал слать телеграммы уже вместе с нахичеванским подполковником Баженовым не только в Новочеркасск, но и в Екатеринбург к губернатору. 3 апреля в Ростов вступила карательная команда из казаков и жандармов. Что касается артиллерийской части, стоявшей в Таганроге, о которой пишет в своих воспоминаниях Плеханов, то ее прихода не потребовалось. Порядок был восстановлен. Правда, как отмечает Плеханов, антиполицейский характер ростовской «революции» был омрачен диким разгулом ростовских босяков («босой команды»). Воспользовавшись отсутствием полиции, в ночь на 3 апреля они разграбили питейные заведения и, напившись до беспамятства, напали на публичные дома и стали избивать проституток. В официальных донесениях говорилось о разграблении всех шести публичных домов³³. Но в этих беспорядках, как пишет Плеханов, «рабочие совсем не участвовали» и «были возмущены до такой степени, что и без прихода войск их антиполицейское движение, вероятно, прекратилось бы в силу естественной реакции против подвигов босой команды» (т. 3, с. 191).

Когда 3 апреля Плеханов приехал в Ростов, город сохранял все следы стихийной расправы с полицией. «Невозможно представить себе картину более полного опустошения. В зданиях частей выломаны были полы, выбиты стекла с рамами и двери с притолоками, разрушены печи, попорчены дымовые трубы и крыши. И на далекое расстояние мостовая, усеянная обломками мебели, покрыта была, как снегом, мелкими клочками разорванных полицейских бумаг» (там же). Вместе с тем необходимо подчеркнуть то, что Плеханов называл умением даже разъяренной толпы «сохранить свое достоинство». «Никто из опустошителей не позволил себе взять ничего из опустошаемого имущества полицейских, — писал Плеханов. — Это тогда же подтверждено было всеми очевидцами. Только когда стали «разносить» дом полицеймейстера и выкинули на улицу несколько штук прекрасного полотна, какой-то солдат попросил себе кусок на рубаху. Толпа удовлетворила просьбу «служивого», тут же уничтожив весь остаток» (там же). Это утверждение Плеханова также подтверждается официальными документами. «Возмущение направлено исключительно против полиции», — сообщал в первой телеграмме войсковому атаману помощник полицеймей-

стера г. Новочеркаска, бывший с войсками в Ростове. «Я проезжал по всему городу, но нападения ни на кого не заметил», — сообщалось во второй телеграмме⁸⁴.

По всему видно, что события 2 апреля в Ростове привлекли пристальное внимание Плеханова и, находясь в городе, он со всей тщательностью их изучил. Об этом говорит не только почти полное совпадение фактов и обстоятельств дела в описании Плеханова с имеющимися официальными документами, но и те выводы, к которым он приходит.

Во-первых, это был стихийный бунт, а не организованное выступление народа. Во-вторых, это было выступление городских низов, а не крестьян или казаков. В-третьих, это было выступление против «всемогущей» в России полиции, а не антипомещичьи или античиновничьи беспорядки. Наконец, в-четвертых, толпа сумела не только защитить себя, но перейти в наступление и изгнать полицию из города. Плеханов писал, что события 2 апреля надолго ободрили рабочих и вызвали сочувствие в округе. До него даже дошли слухи, за достоверность которых он, впрочем, не ручался, что, получив известие о «разнесении» полицейских участков в Ростове, донецкие углекопы решили в помощь ростовцам послать отряд рабочих в 150—200 человек. Отряд был задержан в пути известием, что в Ростове восстановлен «порядок» (см. т. 3, с. 191—192)⁸⁵.

Знаменательно, что ростовские события произошли в день, когда А. Соловьев в Петербурге стрелял в царя, но к покушению Соловьева никакого отношения не имели. Для тех землевольцев, кто связывал свою деятельность с выступлениями народа, ростовский бунт, несомненно, давал пищу для размышлений. Оказывалось, что в то время, как разочарованные в работе с народом (или считавшие ее невозможной) землевольцы-политики шли на единоборство с царем и правительством, народные массы, предоставленные самим себе, не теряли порой способности к открытым выступлениям.

Правда, это было городское выступление, которому правоверный народник должен был отводить подчиненное значение; это было выступление не во имя исконных «крестьянских идеалов», представлявшихся народнику социалистическими, и даже не на экономической почве во время стачки. По существу, это была борьба городских низов за элементарные человеческие права. Но ведь писал же Плеханов в четвертом номере «Земли и воли», что вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей рабочий во-

прос самой жизнью выдвигается на первое место; писал же он о необходимости перехода от кружковой пропаганды, действующей на отдельных рабочих, к самостоятельной организации и массовой агитации среди рабочих? И писал он это не в опровержение, а в развитие народнических взглядов.

Как бы там ни было, но ростовский бунт давал дополнительный аргумент в пользу того, чтобы продолжать работу в народе. Перед общим съездом «Земли и воли» в Воронеже живые впечатления убеждали Плеханова в правильности отстаиваемых взглядов.

Месяц спустя после событий 2 апреля Плеханова в Ростове посетила Розалия Марковна, направлявшаяся снова в Петербург. Прожила она несколько дней у той же хозяйки, где скрывался Плеханов и еще несколько членов местного кружка землевольцев. «В Ростове Георгий Валентинович вел большую работу среди местной интеллигенции, среди донских казаков и среди портовых рабочих»⁸⁶.

Как-то раз, уже после отъезда Розалии Марковны в Петербург, среди грузчиков ростовского порта полицейский приметил человека в мещанском одеянии, с картузом на голове, походившем на молодого купчика средней зажиточности. Это был Плеханов. Полицейский, которому Плеханов сказал, что приехал в Ростов по торговому делу, потребовал чтобы тот отвел его на квартиру, где он остановился, для производства обыска. К счастью, у опытной хозяйки квартиры все нелегальное было прибрано, и непредвиденный визит окончился благополучно⁸⁷.

Из Ростова Плеханов ездил на хутор отца своего друга и товарища по революционной борьбе М. Р. Попова. Отец Михаила Родионовича был священником с Самарского Таганрогского уезда. Он сочувственно относился к революционной молодежи, помогал ей скрываться от полиции и даже предоставлял свой хутор для нелегальных съездов и совещаний. Так, еще в 1876 г. на его хуторе Глафировка происходили совещания с участием В. Осинского и Л. Гартмана, занимавших тогда должности земских служащих в Ростове⁸⁸. Там Плеханову удалось на время устроить скрывавшегося от преследований полиции Л. Мирского. Мирский в марте 1879 г. неудачно стрелял в шефа жандармов А. Дрентельна, после чего покинул Петербург.

Затем Плеханов побывал в Таганроге, где познакомился с одним из офицеров артиллерийской части, которая предназначалась для отправки в Ростов⁸⁹. Настроение офицеров, со-

общает Плеханов, было неблагоприятно для властей (см. т. 3, с. 190).

После этого он направляется на съезд в Воронеж, по пути объезжая землевольческие поселения. Имеются указания, что перед Воронежским съездом Плеханов посетил саратовское поселение. Кроме Н. А. Морозова⁹⁰ на это обращает внимание следующая бумага III отделения от 11 июня 1879 г.: «Имеется сведение, что Георг Плеханов под чужою фамилиею в настоящее время находится в Саратове и по всему вероятно имеет там пристанище у священника кафедрального собора Николая Николаева, проживающего по Сиротской улице в д. Трахтенберга...»⁹¹. Правда, несколько удивляют приметы Плеханова, приводимые в документе: «рост средний, лет 27, красивый худощавый блондин (?), волоса средней величины, борода небольшая, на щеках волос нет, носит пальто потертое ниже колен гранатового цвета и очки иногда светло-синие, а иногда белые»⁹². Но это не должно нас особенно смущать, если учесть, что в описаниях не только жандармских агентов, но и современных ему революционных деятелей диапазон его внешности выглядит довольно широким⁹³. С весны 1879 г. Плеханову, которому приписывалось участие в террористических актах, часто приходилось менять свою внешность. «Описания его внешности по полицейским донесениям были самые фантастические», — отмечала Р. М. Плеханова⁹⁴. Во всяком случае, судя по его собственным произведениям⁹⁴, Плеханов был хорошо знаком с положением дел в Саратовском поселении накануне Воронежского съезда и вместе с М. Р. Поповым принимал меры, чтобы вызвать на съезд как можно больше представителей этого поселения (см. т. 24, с. 95, 160).

Порядок работы Воронежского съезда излагается разными авторами, как мемуаристами, так и исследователями, по-разному. Основа разногласий помимо того, что события воспроизводились много лет спустя, может быть, в том, что в представлении мемуаристов отсутствует ясность, какие из заседаний считать официальными и какие неофициальными. Съезд проходил, по данным С. Н. Валка, с 18 по 21 июня 1879 г.⁹⁵, но современные историки нередко указывают более поздний срок.

Н. А. Морозов изображает начало съезда так, что с первого же заседания Плеханов покинул съезд, и все остальные заседания проходили без его участия⁹⁶. В описании В. Н. Фигнер нет точного указания, когда Плеханов покинул съезд,

но отмечается, что это было «вначале»⁹⁷. По О. В. Аптекману, выходит, что Плеханов присутствовал на всех заседаниях, обсуждавших вопрос о программе в широком смысле слова. Только на четвертом заседании, которое обсуждало вопрос о ведении печатного органа, Плеханов покинул съезд после того, как съезд отказался осудить пропаганду террора, ведущую на страницах «Листка «Земли и воли»»⁹⁸. Приблизительно так же описывает ход съезда М. Р. Попов, хотя и не указывает, когда со съезда ушел Плеханов⁹⁹. Из современных исследователей с присутствием Плеханова почти на всех заседаниях Воронежского съезда согласна В. А. Твардовская¹⁰⁰.

Сейчас трудно восстановить работу съезда с необходимой степенью достоверности. Плеханов же изображает съезд таким образом. Первые несколько заседаний проходили на песчаных (у Морозова — лесистых¹⁰¹) островах р. Воронеж. На этих заседаниях обсуждались «самые серьезные вопросы нашего тогдашнего движения» (т. 24, с. 310), а затем заседания были перенесены в рощу, называвшуюся Архиерейской рощей (или Архиерейским садом). Вот здесь, по утверждению Плеханова, заговорили о статьях Морозова и здесь-то на одном из заседаний (надо думать, что если их было два, то на первом) Плеханов «заговорил о своем выходе из «Земли и воли» (там же). Значит, можно считать, что на большей части заседаний съезда Плеханов присутствовал лично. Кроме того, из его воспоминаний известно, что, покинув съезд, он не покинул Воронежа. Что касается приема новых членов, а также выступлений на съезде А. Желябова, то Плеханов отмечает, что это произошло после его ухода, и он лично «не слышал речей, произнесенных на съезде Желябовым» (там же, с. 138).

Основными вопросами съезда были: 1) обсуждение программы в связи с внесением в нее политических моментов, 2) вопрос о терроре, 3) вопрос о практических последствиях террора (здесь же вопрос об отношении к террористической группе внутри организации с целью убийства царя), 4) о ведении печатного органа, а также 5) организационные вопросы и прием новых членов.

На решения съезда, приведшие к компромиссу деревенщиков со сторонниками террора, немалое значение оказало усиление недовольства передовых слоев общества политикой царского правительства после покушения А. Соловьева. На военном положении объявляются Петербург, Москва, Харь-

ков, Киев, Одесса, а в пол-России, по выражению М. Ф. Фроленко, назначаются генерал-губернаторы. В промежуток от апреля до начала съезда в Воронеже были казнены: 20 апреля В. Дубровин за вооруженное сопротивление; 14 мая в Киеве — В. Осинский, Л. Брантнер, Антонов (Сидоренко); 28 мая в Петербурге — А. Соловьев. Особенно горестной была весть о казни Валерьяна Осинского, предсмертное письмо которого было прочитано на съезде, и опасность за жизнь другого видного землевольца Дмитрия Лизогуба, которого вместе с С. Чубаровым и И. Давиденко должны были судить в Одессе. Настроение, таким образом, было в пользу террористов.

Председателем съезда единогласно был избран Ю. М. Тищенко — представитель деревенщиков.

На первом заседании обсуждалась программа с точки зрения внесения в нее добавлений и исправлений. В главном она осталась прежней. В пункт об агитации в деревне добавлялся аграрный террор, который должен был пониматься как агитация действием. На ведение аграрного террора предоставлялись необходимые силы и средства.

Обсуждение первого вопроса прошло сравнительно гладко, так как «политики», имевшие на своей стороне семь-восемь явных сторонников¹⁰², не могли, да и не собирались ее существенным образом изменить. Для них важнее было в рамках старой программы получить право на террористическую деятельность. Деревенщики, которые склонялись к компромиссу, полагали, что самое главное — это сохранить основы старой программы «Земли и воли». Положение об аграрном и фабричном терроре было выдвинуто ими еще раньше в ответ на политический или центральный террор «дезорганизаторов». Напомним в этой связи предложение Плеханова о городском экономическом (или фабричном) терроре, высказанное им еще при обсуждении вопроса о покушении на генерала Дрентельна в феврале 1879 г., а также работу «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России».

Вторым был вопрос о политическом терроре, целях и задачах, которые он преследовал, а также вытекавшей из него тактике революционной организации. Неправильно считать, что Плеханов, как и другие противники «политики», выступал против террора вообще. Пока террористические акты были направлены на отдельных представителей власти и не касались личности императора, на террор можно было смотреть по-разному. И действительно, хотя отдельные сторон-

ники «политики» появились в «Земле и воле» до 1879 г., в общем и целом на террор смотрели как на «дезорганизацию» правительства, что не противоречило программе «Земли и воли». Но когда террор оказался направленным против носителя самодержавной власти, стало ясно, что он принял сугубо политический характер. А это означало, что программа, даже измененная в Воронеже, приходила во все большее несоответствие с той тактикой, которую избрали «политики». Как отмечал Плеханов, большинство деревенщиков совершенно не понимало, какие решения должны быть приняты на съезде для защиты старой тактики. «Положение дел было таково, что надо было отказаться или от террора, или от агитации в народе. Террористы поняли это и потому отказались от агитации. Народникам тоже следовало понять это и отказаться от террора. Но они этого не понимали и потому продолжали «признавать» и террор и агитацию» (т. 24, с. 309).

Особенно резко, энергично и последовательно непримиримо против террора, пишет Аптекман, выступал Плеханов¹⁰³. Во-первых, он доказывал, что так называемая дезорганизаторская деятельность, «дезорганизует не правительство, которому она, напротив, указывает на незамеченные им раньше недостатки его организации, побуждая его этим к их устранению, а нас самих» (т. 24, с. 144). Об этом говорили оставленные в Петербурге рабочие квартиры, заброшенная деятельность среди рабочих других городов, а также учащавшиеся провалы в городах. Во-вторых, он утверждал, что «даже полная удача самого главного «дезорганизаторского» плана приведет к перемене лица, но не политической системы, так как «дезорганизация» ровно ничего не изменит в соотношении общественных сил» (там же, с. 144—145). Плеханов отмечает, что он «не только *устно* повторял все эти доводы, но изложил их в особой *записке*, посланной им съезду вместе с письменным заявлением о своем выходе из общества» (там же, с. 145).

Таким образом, Плеханов выступал против политического террора. Что касается политической борьбы в широком смысле слова, то, как показывает его полемика с Н. А. Морозовым, он ее понимал правильной, чем многие террористы. Дело в том, что у Морозова политическая борьба, по существу, сводилась только к насильственным действиям. Получалось, что деятельность мирная, ненасильственная — не политическая. По этому поводу Плеханов писал: «...Задача революционного действия (под которым он в данном случае по-

нимает политическую борьбу. — А. Б.), — если уж признавать таковое, что резко противоречило нашему тогдашнему бакунизму, — представлялась нам гораздо более широкой. Я возражал Морозову, что на кончике кинжала нельзя утверждать здание парламента. Я и некоторые другие мои единомышленники надеялись, что нам удастся привести из Воронежа резолюцию, осуждающую такое неслыханно узкое понимание революционного действия» (там же, с. 307).

В этой связи необходимо подчеркнуть, что неправильно считать, как это делали некоторые мемуаристы и историки, что деятельность землевольцев, поскольку они придерживались анархической программы, носила не политический, а мирный культурнический характер. Все обстоит значительно сложнее, и Плеханов обращал на это внимание тех, кто писал о Воронежском съезде. «Обыкновенно история этих разногласий, — отмечал он, — изображается в том виде, что народники старого направления стояли за какую-то мирную деятельность, а террористы стремились к революции. В действительности спор шел о том, продолжать ли *революционные — «бунтарские»* — попытки в народе, или, *махнув рукой на народ*, ограничить революционное дело *единоборством интеллигенции с правительством*» (т. 9, с. 19). Относительно описания Морозовым разногласий между старым землевольческим направлением и новым политическим Плеханов писал: «Если Морозов думал, что наши разногласия выражаются антитезой: или террор, или убеждение, то он просто-напросто ничего не понимал в тактике общества «Земля и воля». Это общество было обществом *бунтарей*, стремившихся вызвать путем *агитации массовое движение* в народе. Стало быть, спор между нами мог быть выражен формулой: или агитация в массе или террор. Но об этом до сих пор забывают те, которым хочется изобразить тогдашних «народников» в виде «культуртрегеров» (т. 24, с. 308) ¹⁰⁴.

Такая характеристика старого землевольчества встречается и у современных историков. И. Д. Ковальченко, например, пишет: «Успех революционной агитации среди крестьянства мог быть обеспечен лишь большой работой по его политическому воспитанию. Землевольцы не понимали этого. Однако, оставаясь в среде крестьянства более длительное время, они убеждались в том, что для завоевания его доверия, обеспечения успеха революционной агитации и тем более создания в его среде революционной организации необходима какая-то подготовительная работа. В результате работа с

крестьянством практически принимала культурнический, а не революционный характер» ¹⁰⁵. Получается, что землевольцы были культуртрегерами, против чего выступал Плеханов.

Никто, конечно, не станет возражать против того, чтобы, давая оценку революционным попыткам землевольцев вести агитацию среди крестьянства, которым так и не удалось поднять крестьян на восстание, характеризовать теперь ее как некую «культурную работу». Но не всякую «культурную работу» можно назвать подготовительной, если иметь в виду то, о чем пишет Ковальченко. Была «культурная работа» народников 60—70-х гг., исходивших из задач поднять народное восстание, и была «культурная работа» либеральных народников 80—90-х гг., ведших речь о пользе агрономических знаний и о роли кредита в крестьянском хозяйстве. Ясно, что характер «культурной работы» в том и другом случае был совершенно различный. «Люди этого направления, — писал о либеральных народниках Плеханов, — приурочивают свои надежды и упования не к *мужицкому бунту*, а к *законодательной деятельности царского правительства*. Там где одни мечтали о *новом Пугачеве* или *новом С. Разине*, другие мечтают о *помпадурах*, своей мощной рукой укрепляющих устои. Это очень большая разница» ¹⁰⁶.

Одновременно следует иметь в виду, что критика политической борьбы на Воронежском съезде велась Плехановым с позиций землевольческого бакунизма, который мог указать на несостоятельность «политики» с точки зрения крестьянского социализма, но не мог удовлетворить политическим стремлениям своего времени. А они властно овладевали чувствами все новых представителей молодежи и общества. По этому вопросу, как и по предыдущему, не желая обострять разногласия между двумя фракциями, съезд принял компромиссное решение. Он признал политический террор формой борьбы организации, против чего возражали деревенщики еще при обсуждении замысла А. Соловьева. Однако политический террор признавался съездом мерой борьбы исключительной и должен был применяться в крайних случаях.

На третьем заседании в связи с рассмотрением на первых двух вопросов программного характера решались вопросы о санкционировании деятельности в рамках «Земли и воли» террористической группы, о необходимости убийства царя и др. Плеханов отмечает, что на Воронежском съезде разногласия далеко не ограничивались спорами о «политике». Те, интересы которых шли дальше технической подготовки

заговоров, задумывались «о практических последствиях террора» (т. 24, с. 144). Сплоченной группе «политиков» противостояло разрозненное большинство деревенщиков. По вопросу о царевубийстве слабое большинство, как отмечает Аптекман, считало данный случай специальным и исключительным. Оно полагало, что аграрный террор требует предварительной подготовки и убийство царя призвано было, по их мнению, ускорить развязывание аграрного террора. Кроме того, как пишет Плеханов, «многие из них надеялись, что новаторы сами не захотят идти слишком далеко в своем увлечении «дезорганизацией»; многие приняли всерьез резолюцию, обещающую ввести в сравнительно тесные границы затрату средств на «дезорганизаторские» предприятия. И только потому, что они приняли ее всерьез, они так нерешительно повели себя в Воронеже. Они искали компромисса и нашли его в ней. Скоро (осенью того же года) они увидели полную невозможность каких бы то ни было компромиссов на этой почве. И тогда общество «Земля и воля» раскололось. Но пока что их склонность к компромиссу очень ослабляла силу их сопротивления и облегчала победу над ними «дезорганизаторов» (там же, с. 146).

«Правое меньшинство» во главе с Плехановым было против этой, как выражается Аптекман, «черной ереси». «Не подлежит никакому сомнению, — писал Плеханов, — что лишить жизни то или другое лицо несравненно легче, нежели вызвать «восстание» или «партизанскую войну». Но это не освобождает тех, кто остается народником, т. е. следует правилу «освобождение народа должно быть делом самого народа», продолжать более трудную работу по подготовке народного восстания» (см. т. 24, с. 150, 151). А в этом плане Плеханов считал, что террор поглотит все силы организации и сделает другие формы деятельности практически невозможными. И так как сфера деятельности «Земли и воли» была сравнительно широка (она включала пропаганду и агитацию среди крестьян и рабочих, работу среди молодежи и общества, а также «дезорганизацию» правительства), то это практически означало ограничивать борьбу с правительством главным образом террором.

Плеханов полагал также, что политический или центральный террор не может быть средством воздействия на народные массы, на что тогда надеялись многие «политики», так как в целом народ оказывался в стороне от подобных методов борьбы. Действительно, если невозможно было в то

время поднять крестьянские массы на борьбу с самодержавием посредством пропаганды и агитации, т. е. путем непосредственного общения, то, понятно, что террористические акты, совершаемые в городах, вдали от народа и вне связи с непосредственными его нуждами, не могли оказать на него сколько-нибудь серьезное влияние. Политическая борьба превращалась в борьбу группы лиц или даже одиночек.

Переубедить большинство конгресса правому меньшинству не удалось. Было постановлено легализовать существование террористической группы («Исполнительного комитета») в рамках «Земли и воли» и оказать ей содействие деньгами и людьми в подготовке покушения на царя.

Четвертое заседание обсуждало вопрос о ведении печатного органа. Нужно заметить, что перед отъездом Плеханова из Петербурга взаимоотношения редакторов «Земли и воли» еще более обострились. Морозов в выпускаемом им «Листке» открыто пропагандировал политический террор, Тихомиров все больше склонялся в его сторону. Плеханов оставался в одиночестве. Но даже то, что в редакции решалось коллегиально, не всегда проводилось в жизнь, если это было не в интересах «политиков». Так, незадолго до отъезда Плеханова из Петербурга на одном из редакционных совещаний для очередного номера «Земли и воли» была утверждена статья Плеханова, в которой он продолжал развитие землевольческой программы в духе предыдущей статьи, напечатанной в третьем и четвертом номерах журнала. Однако в пятом номере «Земли и воли» вместо плехановской в качестве передовой появилась «вне очереди» статья Тихомирова¹⁰⁷. Кроме того, Морозов не ознакомил Плеханова до его отъезда из Петербурга с содержанием своей статьи во втором и третьем номерах «Листка «Земли и воли», представлявшей сплошную апологетику терроризма. Понятно поэтому, что все это не могло не сказаться на обсуждении вопроса о том, как в дальнейшем вести печатный орган землевольцев.

Обсуждение началось с того, что Плеханов зачитал отдельные места из статьи Морозова, где пропагандировался террор как новый способ революции (по Морозову, попросил его прочесть¹⁰⁸). Затем он, как пишет Аптекман, обратился к присутствующим с вопросом: «считают ли они, товарищи, что редакция имеет право и впредь высказываться в таком духе?»¹⁰⁹ Произошла горячая словесная перепалка между Плехановым и остальными членами редакции, с одной стороны, и террористами и «деревенщиками», с другой. Чтобы

выйти из затруднительного положения, председатель съезда поставил вопрос на голосование. Большинство голосов было решено, «что, принимая во внимание особенности данного момента, редакция это право имеет»¹¹⁰.

Долго сдерживаемая досада от невозможности переубедить товарищей в очень важном для будущих судеб организации деле вылилась, наконец, у Плеханова в резкий протест. «Точно ужаленный вскочил он с места, — вспоминал Аптекман, — и разразился страстной, едкой филиппикой против конгресса. Раз конгресс того мнения, — говорил Плеханов, — что «политическое убийство — это осуществление революции в настоящем», то это значит, что общество «Земля и воля», как носительница и выразительница революционно-народнических идей, перестает существовать, и это надо сказать прямо, открыто надо заявить об этом. А так как он, Плеханов, продолжает стоять на старой народнической точке зрения, то он не считает возможным оставаться в организации. И он оставил конгресс»¹¹¹. Удержать Плеханова пыталась было В. Н. Фигнер, но ее остановил А. Михайлов словами: «Оставьте его». «После этого, — пишет она, — был поставлен вопрос: считать ли уход Плеханова за выход из общества? Ответ был удовлетворительный»¹¹².

На следующий день в адрес съезда Плеханов прислал письменный протест, «составленный спокойно, сжато и выразительно»¹¹³.

После ухода Плеханова обсуждались следующие вопросы. Во-первых, закончили, по-видимому, обсуждение вопроса, в каком духе вести печатный орган. Затем выбрали редакцию журнала «Земля и воля». В нее вошли от террористов Морозов и Тихомиров и от деревенщиков вместо Плеханова Г. П. Преображенский (Аптекман отказался). Потом была выбрана администрация в составе А. Михайлова и М. Фроленко от «политиков» и Ю. М. Тищенко от деревенщиков.

В конце заседаний, как пишет Аптекман, просмотрели устав и проверили кассу. Решено было не более 1/3 средств тратить на террор и 2/3 на деревню. Террористы против этого почти не возражали, понимая, что при отсутствии дел в деревне, деньги пойдут на террор. Формально удалось сохранить общество «Земля и воля», но, как показали дальнейшие события, ненадолго.

В заключение следует особо остановиться на воспоминаниях о Воронежском съезде Н. А. Морозова. О своем изображении в них Плеханов писал: «Почти все, касающиеся роли

пишущего эти строки в борьбе с «террористической» тактикой, изложено в них совершенно неправильно» (т. 24, с. 153). Действительно, при чтении описания Морозовым съезда в Воронеже возникает вопрос, на который читатель не находит сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Вопрос следующий: почему Плеханов не стал бороться за разъяснение своей точки зрения, а только попросил Морозова зачитать его статью «По поводу политических убийств» во втором и третьем номерах «Листка «Земли и воли», а затем, когда «деревенщики» проявили нерешительность и склонность к компромиссу, сразу же заявил о своем выходе из организации? Согласно описанию Морозова, получается потому, что поведение деревенщиков оказалось полной неожиданностью для Плеханова, он просто не нашелся, что возразить им. Но если учесть большие пропагандистские и агитационные возможности Плеханова, его способность оказывать влияние на слушателей, то придется признать данный поступок по меньшей мере тактической ошибкой. Казалось бы, если несоответствие между практической деятельностью террористов и программой организации он видел яснее других, надо было не только не выходить из «Земли и воли», а наоборот, продолжать убеждать колеблющихся, склоняя их на свою сторону.

Объяснение поведения Плеханова мы находим у него самого. Прежде всего он отвергает мнение Морозова, что нерешительность деревенщиков была для него неожиданностью. Напротив, и поведение деревенщиков и в известной степени решения съезда он предвидел. Следовательно, ничего неожиданного для него на съезде не произошло. Происходило то, свидетелем чего Плеханов был уже давно, — разочарование в деятельности в деревне. Мы уже писали, как не удалось ему сагитировать петербургскую молодежь отправиться к казакам на Дон, а это были еще необстрелянные «зеленые» молодые люди. Перед Воронежским съездом состоялся выезд деревенских поселений, который также способствовал ознакомлению с настроением деревенщиков. До официального открытия съезда Плеханов имел, как, впрочем, многие другие, ряд неофициальных встреч и бесед с приехавшими в Воронеж, на которых обсуждались вопросы о терроре и царубийстве. В воспоминаниях «О былом и небылицах» описаны безрезультатные разговоры его с О. Е. Николаевым и С. Л. Перовской о необходимости решительного выступления против террористов на съезде, Р. М. Плеханова пишет о горячих столкновениях Плеханова с А. И. Желябовым в Воронеже, где они

впервые познакомились¹¹⁴. Если учесть, что Плеханов, по его же словам, покинул съезд до выступления на нем Желябова (см. т. 24, с. 138), то столкновения между ними могли быть скорее всего на неофициальных встречах, продолжавшихся и во время съезда¹¹⁵.

Из этого видно, что Плеханов пытался оказать воздействие на деревенщиков, о которых он знал, что раньше они отрицательно относились к террору. Но из частных встреч и бесед, состоявшихся как до съезда, так и во время него, он вынес вполне определенное мнение, что изменить эклектическое настроение подавляющего числа деревенщиков будет нельзя. Возможно, что решительнее Плеханова могли бы поддержать Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрод, принятые на Воронежском съезде заочно в «Землю и волю». Но первые трое не попали на съезд, так как задержались при переезде через границу, а Аксельрод в это время находился в Одессе. На решительную поддержку других рассчитывать не приходилось. Надо было действовать. И Плеханов, судя по статье «О былом и небылицах», уже тогда, по видимому, считал разрыв неизбежным. «...Мысль о выходе из «Земли и воли», — сказано там, — вовсе не явилась в моей голове так внезапно, как это можно подумать на основании воспоминаний Морозова. Выход этот был для меня заранее обдуманном средством подтолкнуть народников к более решительной борьбе с террористами» (там же, с. 310).

Как известно, своим уходом Плеханову не удалось вызвать раскола на Воронежском съезде, а скорее наоборот, — без него возможность компромисса возросла, и он состоялся¹¹⁶. Но его поступок показывает, насколько он оказался дальновиднее своих товарищей, которым все же пришлось разойтись с «политиками» и создать отдельную организацию, хотя и несколькими месяцами позже.

По окончании Воронежского съезда у Плеханова была договоренность о встрече с Розалией Марковной в Киеве. Туда она должна была приехать из Петербурга, где побывала снова в середине мая 1879 г. Рабочих квартир она уже не застала — одни были превращены сторонниками нового направления в лаборатории по производству нитроглицерина и динамита, другие даже разгромлены¹¹⁷. Что касается связей «Земли и воли» с рабочими Петербурга, то, как сообщает Плеханов, он перед отъездом из столицы передал их С. Ширяеву (см. т. 3, с. 201). Однако после этого они фактически прекратились. Экзамены на высших женских медицин-

ских курсах Розалия Марковна сдавать не могла, так как пропустила много занятий. Все же ей удалось сдать один экзамен по практической анатомии. После этого она поспешила в Киев, где ее уже ждала Т. В. Полляк, только что вернувшаяся из Швейцарии. По агентурным данным, Розалия Марковна покинула Петербург 5 июня 1879 г.¹¹⁸

Она знала, что Георгий Валентинович в гуще важных событий, происходивших в «Земле и воле», что он устал. Было лето, начало их совместной жизни, и ей хотелось провести хотя бы короткое время наедине с Георгием Валентиновичем. Вместе с подругой она подыскала уединенное место на даче близ Выдубицкого монастыря и ждала мужа. До приезда Плеханова Киев посетил П. Б. Аксельрод. Он побывал на квартире у Розалии Марковны, но Плеханова не застал. После съезда Плеханов остался, казался, совсем один — ведь только он вышел из состава организации, с которой было связано три года лучшей поры его юности и которую Аптекман называет его революционной alma mater¹¹⁹. Как-то Плеханов с грустью сказал Дейчу: «Что и говорить: тяжело было. Но у меня от всего имеется хорошее лекарство — стремление побольше приобрести знаний: если бы вы вернулись из-за границы не как единомышленники, а, наоборот, как террористы и не состоялось бы распадение «Земли и воли», в которую я не вернулся бы, а целиком отдался бы наукам»¹²⁰.

Нужно было осмотреться, продумать перспективу дальнейшей деятельности. Лучшим местом для этого стал Киев, куда Плеханов приехал в начале июля. Время, проведенное с Георгием Валентиновичем в Киеве, Розалия Марковна называла счастливейшим в их совместной жизни до эмиграции. «Отдыхая в обстановке близких и любящих его людей от пережитого, — вспоминала Розалия Марковна, — он вместе с тем не оставался во время своего короткого пребывания в Киеве без дела, встречался с местной революционной молодежью, посещал публичную библиотеку, читал и писал у себя дома, присматривался и намечал товарищей для дела и продолжал думать и работать над теоретическими и практическими вопросами революционного движения»¹²¹. Между прочим, за короткое время Плеханову удалось ознакомиться с солидным материалом по освободительному движению на Украине, в частности, по истории малороссийского казачества. Когда некоторое время спустя, будучи за границей, он завел разговор по данному вопросу с эмигрантом-украинофилом профессором М. П. Драгомановым, тот уди-

вился: «Скажите, Георгий Валентинович, где и когда вы успели прочитать все это?» — ...спросил с чрезвычайным удивлением этот специалист, назвав некоторые приведенные Плехановым источники. — «Я провел в прошлом году несколько месяцев в Киеве, там удалось мне достать их», — ответил Плеханов»¹²².

Со своей стороны друзья Г. В. Плеханова, включая А. Д. Михайлова, пытались смягчить остроту недавней борьбы на Воронежском съезде и снова привлечь его к организации. Это произошло во второй половине июля 1879 г., когда А. Михайлов приехал в Киев с целью привлечения местной молодежи к организованной террористической борьбе с правительством¹²³. Розалия Марковна вспоминала, как он предложил ей войти в «Землю и волю». Она замечает, что предложение в большей степени относилось к Георгию Валентиновичу, чем к ней. «Мне было ясно, что Александр Дмитриевич хочет через меня повлиять на Георгия Валентиновича»¹²⁴. Состоялась личная встреча Г. В. Плеханова и А. Д. Михайлова, но как только, вспоминала Розалия Марковна, разговор зашел о результатах съезда, отношения снова приняли резкий характер. «Вчерашние друзья стояли друг против друга с блестящими гневом и неприязнью глазами. Это было невыносимо тяжело»¹²⁵. Примирения со стороны Плеханова не последовало.

6 июля 1879 г. в Таганроге был арестован Л. Мирский, оказавший при аресте вооруженное сопротивление. Это стало известно Плеханову от М. Р. Попова, приехавшего по совету Стефановича в Киев, чтобы вести работу среди чигиринских крестьян. Весть взволновала Плеханова, так как у Мирского был киевский адрес для переписки с Розалией Марковной, и он мог попасть в руки полиции. Действительно, в первом часу ночи 20 июля в Киев пришла следующая телеграмма из Петербурга: «Делу Мирского необходимо розыскать и задержать Георга, назвавшимся Яценко, уезжая из Таганрога Киев, для сношений дал адрес Большая Житомирская, дом Ганкевича, Варваре Трофимовне Грабовской, внутри конверта Розалии для Г., т. е. Георга»¹²⁶.

Вечером следующего дня от управляющего III отделением пришла еще одна телеграмма, которая, уточняя первую, имела несколько иной смысл: «При арестовании Таганроге Мирского у него найден адрес: Киев, Большая Житомирская, дом Ганкевича, Варваре Трофимовне Грабовской, внутри будет конверт Розалии для Г., т. е. Георга Валентиновича Пле-

ханова; этот адрес дал Мирскому бывший Таганроге некто под фамилиею Яценко, на случай если бы Мирский вздумал писать Георгу; если Георг и Яценко окажутся в Киеве, то их арестовать и мне телеграфировать. Яценко имеет фальшивый указ об отставке на имя поручика Бориса Никитина Сабанеева»¹²⁷. Таким образом, в первом случае предстояло искать одно лицо, во втором Г. В. Плеханов и Яценко, он же Б. Н. Сабанеев, оказывались двумя разными лицами. Может быть, давая последнее указание, III отделение исходило из того, что, по имевшимся у него агентурным сведениям, под фамилией Яценко скрывался И. И. Каблиц, сотрудник нелегального «Начала»¹²⁸, и что, следовательно, Плеханов и Яценко — разные лица. Как бы там ни было, начальник Киевского губернского жандармского управления полковник В. Д. Новицкий действовал в духе второго указания.

Но поскольку поиски можно было вести через Грабовскую, а ее ко времени получения телеграмм из Петербурга в Киеве не оказалось, дело затягивалось. «Для пользы дела по выяснению личностей Розалии и Георга, — сообщал Новицкий в III отделение, — располагаю выждать ее возвращение, но не останавливаюсь в розысках, наблюдениях»¹²⁹.

Тем временем не подозревавшие, что их ищут, супруги Плехановы и Т. В. Полляк все же решили сменить на всякий случай место жительства и переехали с дачи у Выдубицкого монастыря, где, как сообщает Р. М. Плеханова, она жила без прописки, в домик одной из тихих спокойных частей города. «Комната наша была длинная, темноватая, полуподвальная, но зато с отдельным ходом, с окном в сад и очень удобная в конспиративном отношении, — вспоминала она. — Это было в начале августа 1879 года»¹³⁰.

К концу лета стараниями Т. В. Полляк супруги Плехановы нашли новую квартиру с большими удобствами и более благоустроенную, где Розалия Марковна, ждавшая ребенка, решила провести зиму. Георгий Валентинович согласился было еще некоторое время прожить в Киеве, но в конце августа 1879 г. он получил известие о прибытии из-за границы В. Засулич, Л. Дейча и Я. Стефановича и поспешил в Петербург. Через некоторое время Розалия Марковна получила от него письмо, что «дело налаживается» и что в Киев он не вернется»¹³¹. В середине сентября ей пришлось уже нелегально перебираться из Киева в Петербург.

Только к началу октября, разыскивая Плеханова, киевская полиция напала на первое место его жительства — дачу

близ Выдубицкого монастыря. Были допрошены хозяйка дома в Зверином околке Е. П. Лебедева, где проживали Р. М. Плеханова и Т. В. Полляк, хозяин дома в том же околке Ф. Д. Бобарыкин и некоторые другие лица. Бобарыкин показал, что летом у него наняла комнату за шесть рублей в месяц одна из барышень, живших у Лебедевой (Т. В. Полляк). В этой комнате жил какой-то господин всего три недели. Господин этот носил фуражку санитаря, часто бывал у квартиранток Лебедевой, а из ее квартиранток приходила к нему рыжая барышня (Р. М. Плеханова), с которой он и уехал¹³². Позже полиции удалось установить, что в Киеве Плеханов проживал по «виду» на имя студента Харьковского университета Василия Ключарева, 28 лет¹³³.

Глава 5

В РУКОВОДСТВЕ «ЧЕРНОГО ПЕРЕДЕЛА»

Как и следовало ожидать, после Воронежского съезда спянной работы не получилось: каждая фракция тянула в свою сторону. Нарушались условия о трате денежных средств в определенной пропорции на нужды деревни и террор, сохранились разногласия в редакторском деле несмотря на замену Плеханова Г. Преображенским и т. д. Поэтому еще до приезда Плеханова в Петербург 15 августа 1879 г. состоялось заседание в Лесном (так называемый Петербургский съезд), на котором террористы и деревенщики решили урегулировать разногласия путем составления договора («федеральной конституции»). Но и это существенным образом не помогло. После майских казней 1879 г. в августе в Одессе и Николаеве были приведены в исполнение еще пять смертных приговоров. Среди повешенных был любимец землевольцев Д. А. Лизогуб. Это решило участь царя.

26 августа «политики» вынесли окончательный смертный приговор Александру II и приступили к его практическому осуществлению, требовавшему все больше средств и людей. Споры разгорелись с новой силой. «Характеризуя в немногих словах сущность споров, — писал Дейч, — следует сказать, что они сводились к вопросу, — надо ли продолжать «облаву на Сашку», как промеж себя мы величали Александра II... К деятельности же в народе некоторые сторонники цареубийства в это время относились не только вполне отрицательно, —

несмотря на принятое на Воронежском съезде решение, по которому ей отводилось равное место с «облавой на Сашку», — но прямо крайне враждебно, — как к дорогостоящей, пустой, никому не нужной забаве, как к переливанию из пустого в порожнее»¹.

Когда вскоре после составления договора («федеральной конституции») в Петербург с Кубани приехал Аптекман и застал раздел организации «осуществившимся», он предложил следующий, как он выражается, тактический компромисс: «каждая из революционных фракций действуют самостоятельно в революционном отношении: мы, народники, — в народе, а террористы — в городе, мы организуем народ, а они — интеллигенцию; мы действуем на экономической базе, а они — на политической, таким образом мы одновременно, но разными путями — и снизу, и сверху будем тревожить правительственную организацию»². Кроме того, необходимо было решить вопрос с выпуском печатного органа, который не выходил с апреля 1879 г. Аптекману удалось было уговорить товарищей не делить печатного органа, а вести его в духе решений, принятых на Воронежском съезде. Но когда собралась редакция в составе Н. Морозова и Л. Тихомирова от «политиков» и Г. Преображенского и О. Аптекмана от деревенщиков, чтобы послушать руководящую статью, написанную Морозовым, стало ясно, что никакого соглашения быть не может. «Статья была написана не только в строго террористическом направлении, террор не только возводился в систему борьбы, но политика поставлена во главу угла программы. Мы, конечно, категорически отвергли эту статью: такого общего центрального органа нам, народникам, не нужно — и дальнейшие переговоры о каком-либо соглашении навсегда были прекращены. И мы пошли разными дорогами»³. В конце августа «политики» приступили к оборудованию своей типографии в Саперном переулке⁴.

Плеханов приехал в Петербург в конце августа, когда там собралось довольно много бывших деревенщиков. Л. Дейч, не видевший Плеханова несколько лет, вспоминал: «Со времени моей первой встречи с Георгием Валентиновичем, весной 1876 г., прошло более трех лет, что для той поры являлось чрезвычайно длинным промежутком. За истекшие годы он значительно возмужал, стал еще более серьезным и «солидным», чем каким выглядел, когда ему не было еще двадцати лет. Мы, конечно, встретились как старые товарищи, к тому же как единомышленники, — к большому его удовольствию, — чего он, ввиду дошедших до него сперва слухов,

совсем не ожидал, так как предполагал, что мы трое — Стефанович, Засулич и я — тоже примыкали к «политикам-террористам»⁵.

Через две недели в Петербург нелегально приехала Розалия Марковна. Встретившись в тот же вечер и обсудив свое положение, они решили устроиться по семейному паспорту и поселиться вместе. Плеханов предложил сфабриковать паспорт на имя своих родственников — дворян Семашко⁶. Расчет был таков: если на запрос III отделения, значатся ли проживающими в Тамбове А. С. и М. В. Семашко, последует положительный ответ, это позволит Плехановым некоторое время прожить в Петербурге как временно приехавшими из Тамбова.

Быстро был сфабрикован паспорт, с которым они заехали в одну из гостиниц и прописались там. «Мы спокойно прожили денька два, — писала Розалия Марковна, — пока нашли себе квартиру в Графском переулке, в доме № 6, у каких-то двух немок из Риги. Не откладывая дела в долгий ящик, мы переехали и устроились»⁷. Квартира в Графском (ныне Пролетарском) переулке была фактически последней, в которой жил Плеханов до отъезда за границу.

Несмотря на то, что со времени Воронежского съезда Плеханов формально не состоял в организации, однако, прибыв в Петербург, он принял участие в дебатах и обсуждениях, происходивших у деревенщиков с политиками. Плехановым описаны его споры в Петербурге с А. Желябовым (см. т. 24, с. 138), неоднократно встречался он в словесных стычках с А. Михайловым и Л. Тихомировым. Свидетельницей острых столкновений между Плехановым и Желябовым поздней осенью 1879 г. была приехавшая тогда же в Петербург Е. Н. Ковальская⁸. Вместе с горечью отчуждения, усиливавшей взаимные упреки и обвинения («Какой невозможный спорщик Жорж! Какой неприятный тон у него!» — жаловались политики)⁹, в спорах продолжал оттачиваться полемический талант Плеханова. «Он умел, — пишет Дейч, — как никто другой, разделаться с противником одними лишь удачными сопоставлениями, сравнениями, примерами, вызывавшими общий хохот»¹⁰.

Наконец был поставлен вопрос об организационном оформлении фракции «деревенщиков». Дейч отмечает, что до приезда в Петербург Плеханову «не приходило даже на мысль создать новую группу или кружок»¹¹. По-видимому, это не совсем так. Если на Воронежском съезде Плеханов

вышел из организации, чтобы подтолкнуть колеблющихся решительнее выступить против террора, то, очевидно, не для того, чтобы вообще развалить «Землю и волю», а наоборот, — сплотить ее на старой основе. Но несомненно, что приезд из-за границы таких крупных организаторов, как Я. Стефанович и Л. Дейч, а с юга М. Р. Попова, значительно ускорил процесс оформления «Черного передела»¹².

Он произошёл в октябре 1879 г. Переговоры о разделении от имени деревенщиков вели Я. В. Стефанович, М. Р. Попов и Г. П. Преображенский, которые согласились на передачу народовольцам типографии «Земли и воли» с набором шрифта и паспортного бюро с тем, однако, чтобы до создания своих временно пользоваться народовольческими¹³. Свою типографию чернопеределъцы завели несколько позже. Типографские принадлежности они получили из Смоленска от В. А. Переплетчикова и поместили их сначала на нелегальной квартире в Измайловском полку, нанятой для этого Е. Н. Ковальской и Н. П. Щедриным. Потом все по частям было перенесено на Васильевский Остров в дом № 23 по 14 линии в квартиру № 12, где хозяйкой была М. К. Крылова. Там и начала действовать первая чернопеределъческая типография¹⁴.

Что касается материальных средств, то их поделили поровну. В дальнейшем «Черный передел» существовал на средства, полученные из двух источников: деньги, предоставленные организации И. Н. Игнатовым, братом видного чернопеределъца Василия Николаевича Игнатова, и капитал, переданный «Черному переделу» Е. Н. Дурново, вошедшей в московскую группу уже после провала в конце января 1880 г. типографии на Васильевском Острове¹⁵.

В группу «Черный передел», судя по нескольким источникам, первоначально вошли Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, Я. В. Стефанович, П. Б. Аксельрод, О. В. Аптекман, Л. Г. Дейч, М. Р. Попов, В. Н. Игнатов, Г. П. Преображенский, О. Е. Николаев, Л. Н. Гартман, Ю. М. Тищенко, Е. Н. Ковальская, Н. П. Щедрин, М. К. Крылова, Н. А. Короткевич, И. П. Пьянков, В. А. Переплетчиков, Е. Я. Рубанчик, Е. И. Козлов, Е. Шевырева, П. В. Приходько-Тесленко, А. Я. Жарков¹⁶. Вскоре, однако, Л. Гартман присоединился к «Народной воле». Кроме того, вначале обоим фракциям помогала С. Перовская, которая «все ждала, не построят ли чернопеределъцы какого-либо поселения в деревне, куда она рвалась всей душой»¹⁷. В «Народную волю» формально она вступила после покушения на царя 19 ноября 1879 г.¹⁸

По поводу названия Е. Ковальская писала, что организация назвала себя «Черный передел» не потому, что ставила своей целью передел начерно всей земли между крестьянами-общинниками. «Никакого передела начерно никогда не было в программе «Черного передела». На собрании этой группы долго не могли придумать название, Щедрин предложил «Черный передел» ввиду того, что в народе ждут какого-то «черного передела», — это сделает партию популярной в крестьянстве»¹⁹.

«Черный передел» ставил в основном старые задачи: готовить в народе, крестьянстве прежде всего всеобщее выступление. Однако в способах воздействия на народ считали возможным прибегнуть к новым средствам — фабричному и аграрному террору. Несмотря на некоторые общие методы, к которым прибегали и народовольцы и чернопеределъцы, основные различия двух фракций остались, и они все больше сосредоточивались не на политике, необходимость ведения которой вскоре в статье Аптекмана признал «Черный передел», а на роли и значении масс в социальной революции. «Народная воля», начавшая отчаянную и самоотверженную борьбу с самодержавием, готова была вести ее и без поддержки народа, в то время как «Черный передел» не представлял такую борьбу без участия трудовых масс.

Усилия чернопеределъцев, пока народовольцы направляли свой удар на царя, сводились к тому, чтобы разъяснить массам значение этого акта и в момент наибольшей активности не оставить их одних без руководства. Иначе, полагали они, плодами борьбы народовольцев воспользуется буржуазия. Л. Дейч писал: «Без своевременного и соответствующего разъяснения народу мотивов, причин принятого террористами плана, — рассуждали мы, — даже в случае его удачи, трудящиеся массы истолкуют его в самом превратном смысле»²⁰. Для этого, по словам Дейча, чернопеределъцы предполагали «заранее отпечатать соответствующие прокламации к разным слоям населения и заблаговременно разослать их в возможно большее количество пунктов, в каких-либо они могли безопасно храниться до наступления соответствующего момента»²¹.

Некоторые из народовольцев сочувственно отнеслись к описанному выше плану и оказали содействие в напечатании в своей типографии воззваний к крестьянам, казакам, солдатам, с которыми чернопеределъцы предполагали отправиться на юг страны. В ноябре 1879 г., например, в типографии на-

родовольцев был отпечатан «Манифест тайного братства «Черный передел», автором которого считается Плеханов²². «Манифест» был написан в связи с появлением в июле 1879 г. циркуляра министра внутренних дел Л. С. Макова, в котором опровергались слухи, ходившие в народе о всеобщем переделе земли. В циркуляре официально заявлялось, что они являются ложными и распространяются злоумышленниками. Однако циркуляр министра вызвал обратную реакцию: слухи о всеобщем переделе только усилились, крестьяне по-прежнему ожидали передела земли от царя.

Решив этим воспользоваться, чернопеределъцы составили «Манифест», в котором от имени тайного братства «Черный передел» они призывали крестьян добиваться земли и воли и обещали поддержку со стороны братства, которое за эти требования выступает уже много лет. «Манифест» предлагал крестьянам выносить на сходах приговоры и посылать своих ходоков к наследнику, а куда отказываться от военной службы и уплаты налогов. В случае принуждения со стороны властей предлагалась обычная землевольческая тактика: учинять стовор села с селом, волости с волостью и отражать насилье единодушной силой.

Но воспользоваться «Манифестом» чернопеределъцам практически не пришлось, так как ко времени раздела «Земли и воли» и оформления «Черного передела» поселений в деревнях уже не было. Приходилось все начинать сначала. Я. Стефанович сделал попытку организовать чигиринских крестьян, с которыми он и его товарищи были связаны с 1877 г., но в этот раз подступиться к ним было трудно из-за военного положения, введенного после покушения А. Соловьева в Киевской и ряде других губерний России²³. Осенью Стефанович уехал в Одессу, где вместе с П. Аксельродом занимался с рабочими. Дейч с группой товарищей побывал в нескольких в прошлом крупных центрах деревенской деятельности, но убедился, что усилия вновь склонить к народничеству революционную молодежь остаются безуспешными²⁴. После этого он также направился в Одессу. На Кубани и Нижнем Дону попытался продолжить деревенскую деятельность Аптекман, куда он по совету товарищей отправился из Петербурга вскоре после Воронежского съезда. На Кубани он установил связи с местной народнической группой, информировал товарищей о решениях Воронежского съезда, вызвал одобрительное отношение к взглядам, отстаивавшимся деревенщиками на съезде. Но оживить работу, придать ей большой размах он, естест-

венно, не мог, так как для этого нужны были новые контингенты поселенцев в сельскую местность. Кубанцы жаловались ему на недостаток людей для работы среди сектантов («шелапутов») и горцев Чеченской области. Пробыв с месяц на Кубани, он возвратился в Петербург²⁵. Приблизительно такие же результаты дал объезд после Воронежского съезда восточных и южных губерний России М. Поповым²⁶.

Осенью 1879 г. прекратило существование и Тамбовское поселение. 28 августа был арестован Н. П. Мощенко, который так и не вошел в «Черный передел»; еще раньше, 14 июля, бежал из деревни Л. Гартман²⁷.

Работа фактически сосредоточивалась в городе и проходила в пропаганде народнических идей устно и печатно среди интеллигенции и рабочих. Часто на сходках молодежи и студентов выступали и народовольцы, и чернопеределъцы; и тех и других слушали и даже, как отмечает Аптекман, с большим интересом. Но шли в основном за народовольцами. «Не потому, — писал Аптекман, — чтобы молодежь считала народовольческую идеологию более истинной, чем «чернопеределъческую» — нет! В то, по крайней мере, время, т. е. в конце 1879 г., молодежь еще не успела разобраться вполне в идеологических построениях обеих революционных фракций: теоретические и программные разногласия не захватывали тогда еще ее. Настроение молодежи было тогда сильнее ее мышления...»²⁸.

Таким образом, предприятия конца лета — осени 1879 г. не удалась деревенщикам главным образом из-за отсутствия связей с народом и слабым притоком молодежи в ряды чернопеределъческой организации.

Тем временем перед «политиками», все больше втягивавшимися в террористическую борьбу, вставала задача теоретически обосновать необходимость ее ведения. Нужно было соединить крестьянский социализм, в который они продолжали верить, с борьбой за политические свободы и конституцию, которую они фактически развернули, начав единоборство с царем. Программа «Народной воли» составлялась в сентябре — октябре 1879 г., но из-за разногласий по поводу задач политической борьбы, а также ввиду обсуждения ее местными кружками, была опубликована только в третьем номере «Народной воли» (январь 1880 г.).

В свою очередь образование «Народной воли» со своей программой потребовало со стороны чернопеределъцев более четко определить свое отношение к политике. Если весной,

летом и даже в начале осени 1879 г. разногласия вращались вокруг вопроса о царевубийстве, то с выработкой программы Исполнительного комитета «Народной воли» вопрос принял принципиальный характер.

Конечно, за спорами о царевубийстве с самого начала скрывалось различное отношение к политической борьбе. Необходимо, однако, иметь в виду, что если бы переход к политике у землевольцев происходил не через террор, а в иных формах, разногласий могло бы не быть или, если бы они были, то лежали в иной плоскости. Переход же к политике был возможен в различных формах: интеллигент, не связанный с рабочим движением, переходил к политике через террор, рабочий — через стачки, через пропаганду и агитацию, через осознание своих классовых интересов, крестьянин — по мере расслоения — или становясь на позиции рабочего или через буржуазный либерализм. Таким образом, форма, через которую в конкретных исторических условиях 70-х гг. XIX в. происходил переход к политической борьбе, играла немаловажную роль. И говоря о причинах, по которым последовательные землевольцы были против «политики», надо отметить: во-первых, потому, что политическая борьба не совмещалась с основными программными установками «Земли и воли», политика противоречила крестьянскому поземельному социализму, осуществление которого мыслилось без вмешательства государства; а во-вторых, политическая борьба в форме терроризма казалась им нецелесообразной. Пример Плеханова показывает, что они видели ее узость и ограниченность.

Мы уже отмечали, что в целом к началу 1879 г. землевольцы — и «политики», и деревенщики — хорошо осознавали значение политических (гражданских) свобод и необходимость их получения. Л. Дейч писал, что «совершенно ошибочен взгляд» будто лишь под влиянием народовольцев чернопеределъцы также «перестали отрицательно относиться к конституционной форме правления. К концу 70-х гг., если не все, то, во всяком случае, большинство народников отказались от взгляда, распространенного Бакуниным, что политическая свобода безразлична, если не вредна для дела полного освобождения трудящихся масс»²⁹.

Различие заключалось в том, что, признав значение политических свобод, чернопеределъцы не считали борьбу за них своей первой и непосредственной задачей. Они полагали, что борьбу за политические свободы должны вести прежде

всего либералы-конституционалисты; что касается социалистов-народников, то они ее могут только поддержать, не отдавая этой борьбе все свои силы. Народовольцы же считали завоевание политических свобод своей главной и, по существу, всепоглощающей задачей, за выполнение которой они брались, не имея не только поддержки масс, но и содействия со стороны «общества», и вынуждены были отдать ей все свои силы.

Другой отличительной чертой была та, что с появлением теории «заговора» и «захвата власти» народовольцы становились государственниками, по крайней мере, на период революционных преобразований. Это означало, что они окончательно отходили от анархизма и становились последовательными политиками. Этого нельзя сказать о чернопередельцах, так как они не только не доходили до признания государственной власти необходимым инструментом в деле преобразования социально-экономических отношений, но продолжали настаивать на ее разрушении и выступали лишь за федерацию общин.

Однако надо иметь в виду, во-первых, что в понимании политической борьбы народовольцы никогда не смогли преодолеть различий, которые у них наблюдались с самого начала перехода к террору; во-вторых, что политическую борьбу они не смогли сделать классовой, причем не только на практике, но и в теории, сведя ее к заговору узкой группы лиц; в-третьих, они так и не сумели правильно решить вопрос о соотношении политики и социализма.

Поэтому нельзя согласиться, например, с мнением Г. С. Жуйкова, что на съезде в Воронеже «будущий руководитель «Черного передела» при определении новых задач русского революционного движения оказался на голову ниже таких выдающихся деятелей народнического движения, как А. И. Желябов, С. Л. Перовская и др. В то время как последние, хотя и противоречивым путем, глубоко заблуждаясь, шли к признанию необходимости ведения политической борьбы, к признанию роли демократического государства в борьбе за социализм, «деревенщики» во главе с Г. В. Плехановым тянули если не назад, то, безусловно, в сторону от этой намечавшейся линии»³⁰.

На Воронежском съезде, как известно, Желябов (Перовская здесь ни при чем, так как ее взгляды к тому времени не определились) призывал временно отойти от классовой борьбы и переключиться на борьбу за политическую свободу

ввиду недееспособности либералов. Когда на это деревенщики ему заметили, что в таком случае придется отказаться от поддержки стачечников, так как стачка, несомненно, — форма классовой борьбы рабочих, Желябов с завидной пронительностью ответил, что стачка в России — явление политическое, так как рабочим приходится вести борьбу не только с предпринимателями, но также с полицейским государством. Поэтому стачечников, говорил он, можно поддержать как обывателей, ведущих борьбу с полицией и жандармами.

Из слов Желябова видно, что он подметил связь классовой борьбы с политикой и в данном случае в понимании политической борьбы оказался выше не только деревенщиков, но и многих других «политиков». Но, рекомендуя деревенщикам временно отказаться от классовой борьбы, он по-прежнему противопоставлял политику социализму, и в этом заключалась слабость его позиции. Деревенщики также противопоставляли социализм политике и поэтому выступали против политики во имя социализма.

Кроме того, не следует забывать слова Плеханова о том, что хотя «вопрос о значении политической свободы — великий вопрос», но им не исчерпывались все «социально-политические задачи» того времени (см. т. 24, с. 134). Это значит, что при оценке задач «русского революционного движения» нельзя ограничиваться оценкой отношения той или иной части революционного лагеря только к политике. Прав И. Д. Ковальченко, который пишет: «Однако кроме отношения к политической борьбе были в революционном движении того времени и другие важные вопросы. Главным из них был вопрос о роли народных масс в борьбе за общественные преобразования, как ближайшие, так и конечные. Здесь воззрения чернопередельцев были несравненно более правильными, чем у народовольцев. Чернопередельцы сохранили то рациональное зерно, которое было в программно-тактических воззрениях их предшественников. Они последовательно отстаивали принцип: «Все для народа, все собственными, сознанными усилиями самого народа»³¹.

И наконец, последнее. При рассмотрении программы Исполнительного Комитета «Народной воли» бросается в глаза отсутствие экономического обоснования социализма. Правда, известно, что «Народная воля» по-прежнему считала крестьянскую общину экономической базой социализма, в этом ее взгляды ни в чем не изменились по сравнению с землевольческим периодом. Но если программные документы «Земли и

воли», а также других народнических организаций 70-х гг., как правило, начинались с указания на формы хозяйственной жизни народа и вытекающие из них народные традиции и идеалы, которые делают возможной и осуществимой ту или иную программу действий, то у народников они отсутствовали³². И это не было случайностью, так как уяснить правильное соотношение между политикой и экономикой они не могли.

Позже П. Б. Аксельрод следующим образом объяснял причины несогласованности различных элементов политической программы народников: «Мысль о необходимости политической борьбы созрела в их головах не путем критической оценки обращавшегося в революционной среде запаса социалистических идей с точки зрения какой-нибудь новой последовательной системы социально-политических воззрений. Она явилась как невольный результат правительственного произвола, как простой эмпирический вывод, сделанный помимо всяких теоретических соображений, непосредственно под влиянием бесчисленных препятствий со стороны абсолютизма социалистической пропаганды и агитации». И далее «...Новая программа действий явилась как бы временной и случайной пристройкой к теоретическому зданию господствовавшего в социалистической среде народничества»³³.

После создания «Черного передела» на Плеханова легли обязанности редактировать печатный орган и работать среди петербургских рабочих. Но увидав вскоре, что не только молодежь, но даже опытные рабочие поворачиваются в сторону народников (так, в частности, поступил С. Халтурин, который раньше отрицательно относился к террору) Плеханов вынужден был передать дело сношения с рабочими другим, а сам почти исключительно отдался редакторской работе.

О своем намерении издавать печатный орган чернопередельцы заявили еще до организации своей типографии в первом номере «Народной воли» в объявлении, написанном Плехановым. Позже была создана редакция в составе: Плеханова, Аксельрода, Стефановича и Дейча. Но так как Аксельрода в то время в Петербурге не было, в редакцию включили Аптекмана. Фактически же первый номер «Черного передела» в руководящих статьях был составлен Плехановым и Аптекманом.

Статьи Плеханова имели программный характер. В статье «От редакции» заявлялось о расколе народно-револю-

ционной партии и говорилось о приверженности вновь созданной организации старому девизу «Земля и воля», как наиболее полно выражающему «народные потребности, стремления и идеалы» (т. 1, с. 108). Далее говорилось, что в качестве принципа политической организации освобожденного народа признается федерация свободных общин снизу вверх (см. там же)³⁴. «Черный передел» объявлялся органом социалистов-федералистов. В заключение говорилось, что «критерием при оценке различных сторон и форм народной жизни» должны являться выводы современного социализма, т. е. выражалась приверженность принципам социализма, выработанным европейской наукой.

В статье «Черный передел» Плеханов следующим образом сформулировал программные установки организации: «Свободное общинное самоуправление и самоуправление; предоставление всем членам общины сначала права свободного занятия земли «куда топор, коса и соха ходит», потом, с увеличением народонаселения, равных земельных участков с единственной обязанностью участвовать в «общественных разметах и разрубках»; труд, как единственный источник права собственности на движимость; равное для всех право на участие в обсуждении общественных вопросов и свободное, реальными потребностями народа определяемое соединение общин в более крупные единицы, «земли»...» (там же, с. 111—112).

Как видим, экономическая программа осталась без каких-либо изменений. Новой Дейч называет только «мысль о федеральном принципе» в организации общин³⁵, но, пожалуй, более определенно она выражена в названной выше статье Плеханова.

Далее в статье «Черный передел» указывается, что практические задачи партии «состоятся из двух слагаемых: общих указаний науки и специальных условий русской истории и современной действительности. Мы признаем социализм последним словом науки о человеческом обществе и в силу этого считаем торжество коллективизма в области владения и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строе общества» (там же, с. 114). Прилагая же эти общие указания науки к условиям русской действительности, пишет Плеханов, мы превращаемся в революционеров-народников. «Только в формах русской народной жизни находим мы здесь зачатки для развития полного коллективизма в отношениях производителей к орудиям труда, только отстаивая эти фор-

мы, мы можем найти незыблемую опору в крестьянской массе...» (т. 1, с. 115). Но для того чтобы формы народной жизни могли получить полное развитие, необходимо разрушение существующего в России государственного строя, так как экономический принцип современного государства противоречит экономическому принципу народной жизни. А экономическим принципом любого государства (здесь он не делает различия между Западной Европой и Россией) он считает принцип индивидуалистический. По-видимому, он не считает даже возможным существование государства на ином принципе.

Таким образом, борьба народа с государством сводится у Плеханова к борьбе двух экономических принципов. В свете сказанного становятся понятными следующие слова: «Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим» (там же, с. 114). Отсюда следует, что все пути, которые «предполагают не только сохранение государства, но и действие с его помощью» (здесь несомненный намек на использование государства народолюбцами) «как бы ни казались они радикальными, как бы много не сулили они народу, будут ретроградны по своему существу» (там же, с. 117).

Эта была программа в старом землевольческом духе. Но был в ней один новый момент. Он заключался в том, что кроме экономической признавалась программа «политических реформ». Плеханов писал, что «экономическая поземельная революция неизбежно поведет за собою переворот во всех других общественных отношениях. В знаменитом девизе крупных народных движений «воля» так же неотделима от «земли», как сила неотделима от материи, как следствие неотделимо от причины» (там же, с. 116). Только «политические реформы в России» мыслились как следствие устранения враждебных влияний и расчистки пути для правильного развития экономических форм. Другими словами, политические реформы в России, под которыми подразумевались, по-видимому, прежде всего гражданские и политические свободы, должны были явиться побочным продуктом экономического освобождения народа.

Более определенно по вопросам политической борьбы высказался О. В. Аптекман в статье «Письмо к бывшим товарищам». Аптеkmану, настроенному примирительно, было удоб-

ней писать о политике от имени чернопередельцев, нежели Плеханову, учитывая резкость стычек его на этой почве с народолюбцами. Указывая на главную причину раскола «Земли и воли», он писал: «Одна часть ударилась исключительно в борьбу с правительством, считая ее злобою дня, другая, напротив, в силу естественной в таком случае реакции, стала вовсе отрицать необходимость в данный момент непосредственной борьбы с правительством и убеждала сосредоточить свои силы в народе. Таким образом, разногласия о приемах борьбы перешли в разногласия принципиальные: вы предлагали политическую борьбу на первом плане, мы — экономическую»³⁶.

Предостерегая от увлечения политической борьбой и уверенности в возможности политического переворота в данный момент, Аптекман пишет: «Но не думайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще против конституции, против политической свободы. Я слишком уважаю человеческую личность, всех честных и искренних людей, чтобы быть против политической свободы»³⁷. «Мы восстаем против политической борьбы не безусловно, а ставим ее в зависимость от революционной работы в народе»³⁸.

Он не считает препятствия, поставленные правительственным гнетом на пути революционной деятельности в народе, непреодолимыми. Революционер, пишет он, «всегда и при всяком правительстве найдет поле для своей деятельности — это тайная, подпольная агитация... Нам кажется, товарищи, что вы слишком уж мрачно смотрите на деревенскую деятельность, слишком мало верите в способность народа к революционной организации»³⁹.

Несмотря, таким образом, на слабость своей собственной позиции, заключающейся в потере влияния на революционную молодежь и в защите взглядов революционного землевольчества, постепенно сходявшего с исторической арены, чернопередельцы умели подметить ошибочные стороны народолюбческой программы и тактики. Нельзя не согласиться с Ш. М. Левиным, который писал, что критические выступления чернопередельцев против «терроризма и заговорщества, с неизменным подчеркиванием принципа «освобождение народа — дело самого народа» составляли относительно сильную сторону чернопередельчества»⁴⁰.

Короткий период жительствова Плеханова в Графском переулке был, по словам Розалии Марковны, «одним из наиболее интенсивных и плодотворных»⁴¹. Дневное время он посвя-

щал чтению, анализу прочитанного и написанию статей для «Черного передела». Только по вечерам, тщательно выбрив бороду и усы, что делало его неузнаваемым с точки зрения жандармских описаний его внешности, Плеханов на короткое время оставлял свою квартиру, чтобы передать товарищам материал для готовившегося первого номера газеты, услышать новости, обменяться мнениями.

Редакторская работа, однако, не поглощала целиком энергии Плеханова. Писал он, по воспоминаниям современников, быстро, без всякого напряжения, творческих сил было достаточно, поэтому он, несмотря на неустроенность нелегальной жизни, занялся изучением работы М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». О влиянии книги Ковалевского на развитие своих взглядов Плеханов писал: «Это была очень серьезная книга, лично мне оказавшая огромную услугу, так как она впервые и очень сильно поколебала мои народнические воззрения, хотя я и спорил еще против ее выводов» (т. 3, с. 197). Тогда же он начал изучать еще одну работу о крестьянском общинном землевладении — книгу статистика В. И. Орлова «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии».

Вопросы, связанные с существованием и разложением крестьянской общины, все пристальнее привлекали его внимание. От этого зависело его бытие в качестве народника-чернопередельца. «Община занимала самый почетный, передний угол в моем народническом мировоззрении», — писал Плеханов (там же, с. 198). Результатом изучения этих работ явилась его статья «Поземельная община и ее вероятное будущее», напечатанная в январском и февральском номерах журнала «Русское богатство» за 1880 г. Написана она была в конце 1879 г. одновременно с программными статьями для «Черного передела».

Напомним, что годом раньше в работе «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» Плеханов не задавался вопросом специально выяснить причины распада поземельной общины. Он только констатировал различие ее судеб на западе и востоке Европы и отсюда выводил различие задач, стоявших перед социалистами России и стран Западной Европы.

В данной статье его интересует вопрос, в каком случае разрушение общины является следствием действия внутренних, присущих самому хозяйству, законов общественного раз-

вития («самопроизвольных» причин) и в каком случае оно вызывается причинами внешними по отношению общины?

Прежде, чем принять или отвергнуть выводы Ковалевского, он подробно на нескольких страницах излагает их содержание. Выводы Ковалевского он резюмирует следующим образом. По мнению Ковалевского, процесс разложения аграрной общины идет по равнодействию двух сил: «самопроизвольных», лежащих в самой организации первобытного общества причин и внешних на него воздействий. Первая из слагаемых является, выражаясь математическим языком, величиной постоянной, вторая в значительной степени носит на себе местный, случайный характер переменной величины.

Каждая из этих сил действует по одному направлению, и результатом их совместных влияний является полное торжество индивидуализма в отношении — мы не говорим уже движимой, но и недвижимой собственности» (т. 1, с. 82).

Не оспаривая приводимые факты, Плеханов вместе с тем отмечает, что описывая «самопроизвольный процесс индивидуализации движимой собственности», Ковалевский не объясняет еще причин возникновения в первобытном обществе частной собственности на движимость. Плеханов указывает, что в качестве такой причины могут выступать только свойства первобытных орудий, требовавших индивидуального применения, и обуславливаемая ими организация труда. А это в свою очередь явилось в дальнейшем основной внутренней причиной разрушения поземельной общины.

Признав внутренние причины распада поземельной общины (напомним, что в работе «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» он признавал существование только внешних причин и только в родовой общине), Плеханов вместе с тем считает, что сама по себе поземельная община могла бы еще долго существовать, если бы на нее разрушительным образом не действовала целая комбинация внешних отрицательных влияний, среди которых завоевания, государственное законодательство, налоговая политика и т. п. Указывая на множество внешних причин, оказывающих роль в разрушении поземельной общины, Плеханов пишет: «...Мы не можем считать разрушение общины неизбежным историческим явлением. При известной комбинации отрицательных явлений это разрушение действительно неизбежно. Именно такие комбинации и обусловили собою разрушение общины почти во всех известных нам культурных

странах. Но из этого еще не следует, что невозможна другая комбинация условий, при которых община, напротив, стала бы расти и развиваться» (т. 3, с. 103). Под благоприятной комбинацией условий он прежде всего имеет в виду «сознательно-положительное отношение» к общине «крестьянской массы и интеллигенции», способной в значительной степени нейтрализовать действие враждебных ей влияний (там же, с. 106). В этом случае община сможет продержаться до «употребления таких орудий и способов труда, которые требуют общинной эксплуатации общинного поля. Свойства орудий труда, состояние земледельческой техники, эти единственные самопроизвольные причины неустойчивости первобытного коллективизма, станут с тех пор могучими стимулами его роста и развития. Коллективизм труда и владения его орудиями делается экономически необходимым, а потому и неизбежным, и будущее общины получит твердую, реальную основу» (там же, с. 106—107).

Изучение взгляда Плеханова на общину показывает, что связанные с ней надежды ставятся в зависимости от раскрытия закономерностей ее развития. Плеханов никогда не считал общину крепкой, устойчивой единицей, которая представляла бы прочное основание для социализма вне зависимости с одной стороны от разрушения самодержавного государства, а с другой — от состояния земледельческой техники. Его всегда интересовали причины ее разрушения. Вопрос для него сводился к убедительности, научной обоснованности этих причин. В изучаемых до отъезда за границу работах по истории общины он не находил веских доказательств «самопроизвольности» ее разрушения. «Напротив, — писал он в статье «Черный передел», — даже с предвзятой мыслью предпринятые исследования приводят лишь новые доказательства в пользу того мнения, что исчезновение коллективизма обусловливалось неблагоприятным стечением исторических условий. Они не только не несут в самих себе элементов разложения, но, напротив, при благоприятном стечении обстоятельств прогрессируют и совершенствуются, налагая свою печать на все предприятия общинников» (т. 3, с. 121). Но это была непрочная основа для оптимизма. И хотя в своих статьях в «Черном переделе» Плеханов оставался бакунистом-народником, с зимы 1879—1880 г., как отмечал Дейч, «начал точить его червь сомнения»⁴².

Кроме изучения работ по общине, как сообщает Аптекман, в начале зимы 1879—1880 г. Плеханов пользовался его

услугами в устном переводе на русский язык работы К. Маркса «К критике политической экономии» и только что появившейся брошюры А. Г. Шеффле «Сущность социализма». У Аптекмана имеется указание, хотя и не вполне достоверное, что незадолго до отъезда за границу Плеханов написал и послал в редакцию журнала «Устой» сначала статью о книге Орлова, а затем по просьбе редакции рецензию на брошюру Шеффле⁴³.

Между тем для ветеранов «Земли и воли», вошедших в «Черный передел», а также для пополнения, прибывшего из-за границы, все более очевидным становился кризис, переживаемый организацией. Оценивая положение дел, сложившихся в конце 1879 г., Плеханов позже писал: «Старое революционное народничество было осуждено на смерть самой жизнью, попытка «чернопередельцев» привлечь к нему новые силы окончилась полнейшей неудачей» (т. 9, с. 19). Необходимо было выяснить причины неудачи, критически проанализировать теоретическую и практическую программу деятельности «Земли и воли». Нужно было обратиться к книге, почерпнуть новые знания. «Нам необходимо поучиться, — говорил Ю. М. Тищенко, — мы хотим других вести куда-то, а сами многого еще не знаем, не понимаем!»⁴⁴. Но не было ни времени, ни возможности это сделать, находясь в России. Приходилось прятаться, меняя паспорта, скрываться, меняя квартиры, не доедать и не досыпать. Спасало то, что все были молоды и готовы были перенести любые лишения.

К тому же по необъяснимой причине среди разыскиваемых полицией по делу о террористических актах и покушениях на царя значились видные чернопередельцы Стефанович, Дейч, Засулич, а также Плеханов, которых царское правительство считало одними из главных вдохновителей террора. Одной из причин была та, что в некоторых случаях при раскрытии лабораторий и хранилищ со взрывчатыми веществами среди лиц, причастных к их устройству, встречались названные выше фамилии. Так, в одном из материалов департамента полиции говорилось, что, возвратившись в Россию и поселившись в Петербурге, «Стефанович привез с собою типографские принадлежности, хрустальные бомбы и другие снаряды для взрыва»⁴⁵.

Поэтому получалось, что таким руководителям «Черного передела», как Плеханов, Засулич, Дейч, Стефанович грозил арест и отдача под суд за дела и предприятия, ответственности за которые они не только не несли, но против которых

выступали в качестве чернопередельцев. Это значило гибнуть не за свое дело. Если вначале мысль о выезде из России казалась им совершенно неприемлемой, то постепенно она перестала их пугать. Правда, как указывает Дейч, решающими оказались многочисленные наставления товарищей по организации О. В. Аптекмана, В. Н. Игнатова и Ю. М. Тищенко о необходимости хотя бы на время всем четверым уехать за границу. Одно из последних совещаний состоялось в конце декабря 1879 г. на главной квартире. После нескольких обсуждений, бывших до этого, оно приняло, наконец, решение о выезде за границу четырех руководителей «Черного передела». Менее всех возражал Плеханов. «Нет, лучше поедем за границу учиться!» — говорил он особенно упирившемуся Дейчу⁴⁶.

Под новый год, 31 декабря 1879 г., Плехановы, у которых в конце декабря родилась дочь Вера, разъезжаются из Графского переуллка: Георгий Валентинович — на конспиративную квартиру, Розалия Марковна — на квартиру к писателю Н. Н. Златовратскому, а Т. В. Полляк с ребенком переезжает к кормилице на Пески⁴⁷.

3 января (15 января по н. ст.) 1880 г. Плеханов нелегально покинул Петербург с тем, чтобы перебраться за границу. Долгое время считалось, что, как и при первой эмиграции, Плеханов перешел прусскую границу. Однако В. Гросул, основываясь на материалах румынских историков Г. Хаупта и Г. Безвеконного, согласно которым в январе 1880 г. Плеханов прожил несколько недель в Добрудже в русской коммуне близ Тульчи и только затем продолжил свою поездку на Запад⁴⁸, высказал предположение, что Плеханов выехал за границу другим путем — через Бессарабию и Румынию⁴⁹. При этом он ссылаясь на слова В. Иохельсона, что лично он (Иохельсон) до границы сопровождал только больную В. И. Засулич. «Это было тогда, — пишет Иохельсон, — когда все основатели «Черного передела» — Плеханов, Стефанович, Дейч и Аксельрод, — решили покинуть Россию. Но они это устроили другими путями. Для В. И. они хотели более спокойной и надежной переправы»⁵⁰. Хотя слова «другими путями» не обязательно означают другими дорогами (они могут значить, например, что Плеханова, Дейча и Стефановича не требовалось кому-либо лично сопровождать до границы), тем не менее предположение В. Гросула, на наш взгляд, заслуживает внимания.